

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

№

Асс

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ISSN 0132-1366

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

5
2012
СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Шерлаимова С.А.* (Москва). Вацлав Гавел: драматург – диссидент – президент – драматург ... 3
Задорожнюк Э.Г. (Москва). Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи 13

* * *

- Искендеров П.А.* (Москва). Исторические корни идеи «Великой Албании» 30
Макарова И.Ф. (Москва). «Русский след» в болгарском четническом движении 1867 года 41
Косик В. И. (Москва). Черная Гора (1918–1941) 51
Шкаровский М.В. (Санкт-Петербург). Церковная жизнь в Македонии в 1941–1944 годах
и создание Македонской православной церкви 61
Валева Е.Л. (Москва). Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е годы 79

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Задорожнюк Э.Г.* Václav Havel – Vilém Prečan. Korespondence (1983–1989) 97
Вишняков Я.В. Югославия в XX веке. Очерки политической истории 102
Буркут И.Г., Фисанов В.П. С.А. Романенко. Между «пролетарским интернационализмом»
и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополити-
ческих конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год) 105
Сератионова Е.П. E. Harbuľová. Sibirsky autonomizmus. Zdroje, prejavy, reflexie (1917–1939) 109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Фролова М.М.* Конференция «Россия и славяне: к 110-летию со дня рождения С.А. Ники-
тина» 112
Макарицев М.М. Конференция «Образ России на Балканах» 116
Трефилова О.В. «Круглый стол» «Карпато-балканские ареальные исследования: лексика
и фразеология» 118

ЮБИЛЕИ

К юбилею Людмилы Норайровны Будаговой 121

НЕКРОЛОГИ

Памяти Юрия Степановича Новопашина (1934–2012) 124
Памяти Николая Ивановича Бухарина (1945–2012) 125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА, В.А. ХОРЕВ

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2012 г.

© 2012 г. С.А. ШЕРЛАИМОВА

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ: ДРАМАТУРГ – ДИССИДЕНТ – ПРЕЗИДЕНТ – ДРАМАТУРГ

Вацлав Гавел – лидер «бархатной» революции, последний президент Чехословакии и первый президент Чехии, своим главным призванием считал театр. В настоящей статье прослеживается его творческий путь от ранней пьесы «Праздник в саду» (1963) до последней – «Уход» (2007), написанной уже после отставки с поста президента. В драматургии Гавела злободневная сатира сочетается с приемами театра абсурда, виртуозным использованием языка и игры с классической традицией (Чапек, Гете, Шекспир, Чехов).

Václav Havel, the leader of the «Velvet Revolution», last president of Czechoslovakia and first president of the Czech Republic, considered theater his main vocation. In the present article, the author reviews his artistic path, from the early play «The Garden Party» (1963) to the last piece «Leaving» (2007) written after his resignation from the presidential post. In Havel's dramaturgy, topical satire is combined with the Theatre of Absurd techniques, masterly use of the language and play with classical tradition (Čapek, Goethe, Shakespeare, Chekhov).

Ключевые слова: Гавел, «Праздник в саду», театр абсурда, «бархатная» революция, президент Чехии, «Уход».

«Моя жизнь, моя работа, мое положение и деятельность кажутся мне сотканными из подозрительно большого количества парадоксов» [1. S. 224], – писал в книге «Заочный допрос» Вацлав Гавел – последний президент Чехословакии и первый президент Чехии. «Заочный допрос» – обширное интервью, которое он дал чешскому критику-эмигранту Карелу Гвиждяле, впервые был издан в Лондоне в 1986 г. и за короткое время переведен на двадцать языков. Гавел тогда, постепенно превращаясь в лидера диссидентского движения, был на свободе между двумя арестами и в Праге письменно отвечал на присылаемые из-за границы вопросы. Размышляя о ситуации в Чехословакии и под напором опытного интервьюера рассказывая о себе, будущий президент так поясняет приведенное выше определение: «Посудите сами: я ввязываюсь всюду, куда только возможно – а ведь, собственно, ни в одной области не являюсь специалистом» [1. S. 224]. И далее: «С течением времени я оказался в положении какого-то политического деятеля, но при этом никогда политиком не был, не хотел быть и у меня нет для этого надлежащих способностей [...] То и дело философствую, но какой же я философ? [...] Иногда пишу о литературе, но уж совершенно точно я не литературный критик. Порой вмешиваюсь даже в проблемы музыки, но моя музыкальность может служить разве что источником общего веселья. Наконец, даже в том, что я считаю своим

Шерлаимова Светлана Александровна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

главным призванием, т.е. в области театра, я не являюсь действительным специалистом...» [1. S. 224–225]. Гавел, конечно же, преувеличивает свой дилетантизм, но момент парадоксальности в его биографии несомненно присутствует, что не помешало ему к концу XX в. стать фигурой мирового масштаба.

Вацлав Гавел (1936–2011) по своему происхождению принадлежал к чешской буржуазной элите. Основу процветания семьи заложил его дед, выучившийся на архитектора и построивший в чешской столице много прекрасных домов, в том числе знаменитую «Луцерну», то, что мы теперь называем торгово-развлекательным комплексом, – первое в Праге железобетонное здание возле Вацлавской площади с кабаре, кинотеатром, ресторанами и разными магазинами, которое успешно функционирует по сей день. Отец Гавела на пустынной городской окраине построил квартал фешенебельных вилл Баррандов, а дядя, тоже строитель, на том же холмистом берегу Влтавы воздвиг киностудию Баррандов – этот чешский Голливуд и, как свидетельствует племянник: «[...] в годы первой республики и протектората был “главным киномагнатом”» [1. S. 6]. Но я хотела бы обратить внимание на то, что богатство семейства было «трудовое»: успешные предприниматели, все эти Гавелы работали как архитекторы, строители, применявшие новые материалы и методы и, с другой стороны, не были чужды культуре. «Луцерна», Баррандов и сегодня – чешские культурные объекты первого ряда; Милош Гавел (дядя) сам пробовал делать кино, Вацлав Гавел (отец) дружил с театральными деятелями, с писателями, так что Вацлав Гавел – будущий драматург и президент – вырастал в обстановке не просто богатой, но и культурной, в доме была прекрасная библиотека, собирались интересные люди, некоторых выдающихся артистов и литераторов он знал еще в детстве. Вместе с тем себя в школьные годы Гавел вспоминает как толстого мальчика, который из-за социального статуса своей семьи испытывал определенные комплексы, ему хотелось быть «как все». Наверное, о том же свидетельствует фраза Людвика Вацулика, сказанная о Гавеле: «Очень скромный человек, казалось, он стремился сбросить с себя тяготившую его печать человека из богатой семьи. Всегда держался очень скромно, щепетильно, был толерантный и выдержанный» [2].

Преимущества происхождения обернулись для Гавела большим минусом после февраля 1948 г., когда вся власть в стране оказалась в руках коммунистической партии. Его не приняли в гимназию, пять лет он работал лаборантом-химиком, одновременно окончил вечернюю гимназию рабочей молодежи, вновь безуспешно пытался поступить в высшую школу на гуманитарную специальность – его приняли только в технический ВУЗ по специальности «экономика путей сообщения». Не окончив этого учебного заведения, Гавел отправился на два года служить по призыву в армию, где включился в художественную самодеятельность, сначала как исполнитель роли отрицательного героя в пьесе Павла Когоута «Сентябрьские ночи», затем вместе с товарищем, будущим режиссером Карелом Брындой, написал и поставил, по его насмешливым словам, «социалистически-реалистическую» и одновременно «отважно-критическую» пьесу из армейской действительности под оптимистическим названием «Вся жизнь впереди». Хотя Гавел вспоминает об этих театральных опытах с юмором, но именно тогда он определился со своим «главным призванием». По возвращении из армии он поступил в качестве рабочего сцены в театр «АБС» старого отцовского друга, знаменитого чешского артиста-автора-режиссера комического жанра Яна Вериха. С 1960 г. Гавел связал свою судьбу с театром «На забрадли» («На балюстраде»). В 1966 г., уже будучи известным драматургом, он окончит Академию изящных искусств по специальности «драматургия».

«Золотые шестидесятые» – время культурной и литературной оттепели, в которой заметную роль играли пражские «маленькие театры», «На забрадли» выделялся среди них своей интеллектуальной направленностью. Гавел занимал в

театре разные должности: рабочего сцены, осветителя, помощника режиссера, соавторствовал с уже признанными драматургами, начал писать собственные пьесы. В 1962 г. здесь состоялась премьера его пьесы «Праздник в саду», которая имела большой успех. Но собственно вступление Гавела в литературу состоялось раньше и не в качестве драматурга.

Гуманитарные наклонности наследника громкой предпринимательно-строительной фамилии обнаружили очень рано. Он много читал, писал стихи, участвовал в неформальных самостоятельных объединениях молодежи, интересующейся искусством. В «Заочном допросе» Гавел назвал себя представителем «поколения Битлов». И с самого начала – благодаря своим наклонностям, молодым друзьям и старым связям отца – он оказался вовлеченным в ту литературную среду, которая не пользовалась благосклонностью партийного начальства, была оттеснена «социалистическими авторами» на задний план, хотя в этой среде было немало талантов. Гавел бывал у Ярослава Сейферта, Владимира Голана, подружился с Иржи Коларжем – это были крупные поэты, в ту пору оказавшиеся «в тени». Однажды он был и у самого знаменитого чешского поэта того времени Витезслава Незвала. Гавел уже тогда распознал талант еще неизвестного Богумила Грабала, интересовался творчеством «Группы 42», входившие в которую молодые поэты и художники в темную пору войны и оккупации искали опору в неизменных ценностях обычной городской жизни.

Между тем начиналась – после XX съезда КПСС – не только политическая, но и культурная «оттепель». В Чехословакии важной вехой на этом пути был Второй съезд Союза чехословацких писателей, на котором группа молодых поэтов (Иржи Шотола, Карел Шиктанц, Мирослав Голуб, Мирослав Флориан и другие) выступила с программой «Поэзии будничного дня». Еще до съезда, в 1955 г., Союз писателей именно для этой группы создал журнал «Květen». В своих выступлениях на съезде кветенцы решительно отказывались от декларативной поэзии и ратовали за отображение обычной жизни обычного человека. В таком же духе было выдержано содержание их журнала. Гавел во многом симпатизировал журналу «Květen», однако у него возникло немало возражений, которые он изложил в письме в редакцию, к его удивлению, сразу же опубликованному. В этом письме он напоминал о «Группе 42», еще во время войны выдвигавшей близкие «Поэзии будничного дня» лозунги, называл социалистическими и реалистическими такие послевоенные произведения, как «Семь кончат» и «Дни в году» И. Коларжа, «Красноармейцы» и «Тебе» В. Голана, настаивал на необходимости при формулировке программы точнее определить понимание социалистического реализма: «Будущие успехи искусства зависят, и этого нельзя недооценивать, от качества современной теории» [3. С. 30].

Статья была замечена, и когда осенью 1956 г. Союз писателей проводил Актив молодых писателей, Гавела, который был тогда студентом, на него позвали. На Активе Гавел высказался еще более четко, чем в своем письме, призывая расширить круг допускаемых в печать современных писателей. Выступление вызвало дискуссию, а за Гавелом закрепилось определение литературного смутьяна. Но признание его как оригинального автора пришло позже – с громким успехом постановки «Праздника в саду», достать билеты на которую было очень непросто.

Гуго Плудек – главный герой «Праздника в саду» делает головокружительную карьеру благодаря способности мгновенно адаптироваться к любой перемене ситуации и, восхищаясь любой псевдомарксистской фразой начальства, с глубокомысленным видом доводит ее до полного абсурда. Сатира на бюрократизированный общественный порядок воплощается в комедии не столько в сюжете, сколько в языке, в диалогах. Здесь не было адресных политических аллюзий, но пьеса воспринималась тогдашними зрителями как острая сатира на веру в мощь

идеологии, которая очевидно заходила в тупик. В то же время в «Празднике» намечилось и критическое отношение автора к еще не осознанной обществом, но уже нарождавшейся в интеллигентской среде моде на «антидогматизм». Гавел, естественно, не был членом партии, в тот момент еще не был и членом Союза писателей, он категорически не принимал официальную партийную идеологию, тогдашними фрондирующими интеллектуалами чаще всего обозначавшуюся понятием «догматизм», которому, соответственно, противопоставлялся «антидогматизм», но он почувствовал опасность идеологической моды как таковой, что и отразил в своем «Празднике».

Сатирическая злободневность сочеталась в пьесе Гавела с приемами театра абсурда. Характеризуя в «Заочном допросе» свою творческую манеру, он подчеркивал, что не стремится к изображению тонких психологических нюансов, называл себя «автором-конструктором». Однако в рамках своей поэтики ему удавалось создать выразительные современные типажи, а его тяготение к западному театру абсурда не исключало опоры на традиции отечественной драматургии. Так, в «Празднике» присутствует ремейк эпизода игры в шахматы из драмы Карела Чапека «Мать». У Чапека между собой играют братья-близнецы коммунист и фашист и никто из них не может добиться победы ни за шахматной доской, ни в жизни: оба погибают. У Гавела ловкий приспособленец Гуго играет в шахматы с самим собой – он не может проиграть: если проигрывают белые, то побеждают черные и наоборот – а Гуго всегда на высоте!

Вслед за «Праздником в саду» было поставлено «Уведомление» (1965) – самая «лингвистическая» пьеса Гавела: о введении в некое учреждение искусственного языка («птидипе»), а потом еще более нового искусственного языка, что отражало абсурдность мира, где все решают не дела, а бессмысленные фразы. В то же время здесь высмеивалась готовность современных службистов бездумно выполнять любое, даже неизвестно кем предписанное нововведение.

В 1968 г. в «На забрадли» состоялась премьера последней перед наступлением эры «нормализации» комедии Гавела «Трудно сосредоточиться», посвященной личной жизни современного интеллектуала. Ее герой мечется между женой и любовницей, приволакивается за молоденькой секретаршей, откликается на любовный призыв ученой дамы и одновременно пишет философский труд в духе «метафизической диалектики» Гуго Плудека. По сюжету пьеса напоминает «Осенний марафон», только у чешского автора нет и тени симпатии ни к одному из персонажей, а над псевдонаучностью сочинений главного героя он явно издевается.

Театр был «главным призванием» Гавела, однако, по мере подъема в стране реформаторского движения, получившего впоследствии название «Пражская весна», он все больше и больше в это движение втягивается, сохраняя при этом независимость воззрений. В 1965 г. Гавел входит в редколлегия молодежного студенческого журнала «Tvář», приверженного авангардизму и новой западной эстетике. Он становится членом Союза писателей, по его словам, прежде всего ради защиты журнала против нападков более консервативно настроенных литераторов, хотя и сам критикует «Tvář» за групповщину. Но и в писательской организации он по-прежнему оставался своего рода смутьяном, бунтарем, ибо был настроен гораздо более радикально, чем большинство ее лидеров-реформаторов, которых он в «Заочном допросе» характеризует как «антидогматический истеблишмент» [1. S. 89]. Гавел организовал «Круг независимых писателей», был избран его председателем, однако, по его собственному свидетельству, «безусловно не находился в центре событий» [1. S. 111]. Он признает, что, как и большинство, поддался чувству эйфории по поводу того, что происходило, но его не покидал определенный скептицизм. Так, в «Допросе» он описывает самый многолюдный тогдашний митинг в Славянском доме. Гавел сидел на балконе, откуда наблюдал и за сценой, где находились лидеры движения Й. Смирковский, М. Швермова, П. Когоут, Я. Про-

хазка и другие, и за переполненным зрительным залом. Он испытывал радость от происходящего, удовлетворение, но к этому чувству примешивалась досада, что пришлось так долго ждать вроде бы всем очевидных перемен. И еще: «Подчас мне также немного мешала та слегка эстрадная манера, с которой “герои Января” соревновались друг с другом в сентенциях и остроумных ответах. Возможно, я подсознательно побаивался, что это сигнализирует о каком-то фатально опасном легкомыслии, с которым здесь вершится история» [1. S. 111].

Гавел считал правильным, что его страна не попыталась с оружием обороняться от советских танков. Для его дальнейшего поведения большое значение имело недельное пребывание после 21 августа 1968 г. в северочешском городе Люберец, где он принял самое активное участие в организации выступлений против присутствия советских войск, писал комментарии для радио: «Эта неделя показала все бессилие военной мощи перед лицом противника, бороться с которым она не предназначена, и как на самом-то деле трудно овладеть страной, хотя и не оказывающей вооруженного сопротивления, но все гражданские структуры которой поворачиваются к агрессору спиной» [1. S. 125].

На рубеже 1968–1969 гг. произошла полемика между М. Кундерой и В. Гавелом, отголоски которой звучат до сих пор. В рождественском номере еженедельника Союза писателей «Listu» Кундера опубликовал статью «Чешская судьба», где превозносил достоинства чешского народа и чешской культуры, полагая, что установившаяся в первые месяцы после разгрома «Пражской весны» относительная свобода сохранится надолго и что в этом смысле «Пражская осень» демонстрирует не меньшее величие чешского духа, чем «Пражская весна». Гавел, вообще не склонный к восторженности, да к тому же умудренный опытом работы в Любереце, ответил Кундере в журнале «Tvář» статьей с тем же названием, добавив к нему знак вопроса: «Чешская судьба?». В спокойном, но жестком тоне он опровергал эйфорические заявления Кундеры, не усматривая ничего обнадеживающего в явно промежуточной ситуации осенних месяцев 1968 г., предрекал неминуемые столкновения и репрессии, призывал собирать силы для долгого сопротивления: «Если мы не будем способны ни на что иное, как только согреть друг друга воспоминаниями о прошлых достижениях, внушающих веру в сохранение чешского народа, он очень скоро исчезнет. Не исчезнет он только в том случае, если тысячи его представителей без долгих разговоров приступят к борьбе за совершенно конкретные ценности как к своей каждодневной, очень важной и связанной с риском обязанности – не национальной, а попросту человеческой» (цит. по [4. S. 365]). В брненском журнале «Host do domu» перепечатали статью Гавела вместе с резким ответом Кундеры, который обвинил оппонента в бесполезном радикализме и «моральном экзгибиционизме», в желании прослыть героем, хотя ему ничто не угрожает, даже напомнил о его буржуазном происхождении. На этом полемика оборвалась, так как печать была остановлена, введена цензура и под запретом оказались оба участника спора и, как оказалось в дальнейшем, они начали бороться против установленного после замены Дубчека Гусаком режима «нормализации» на одной стороне баррикады, только Кундера – в эмиграции, а Гавел, отказавшийся от возможности уехать, – у себя на родине.

События «Пражской весны» Гавел попытался отразить в пьесе «Заговорщики», которая была тайно переправлена в ФРГ и поставлена в Рейнбеке возле Гамбурга в 1974 г. Сам он эту пьесу, которую несколько раз переделывал, считал слабой и не любил. Другая судьба была у «Оперы нищих» – его адаптации известного сюжета, но иной, чем у Брехта, которого Гавел упрекал в дидактичности. «Опера нищих» была поставлена в 1975 г. в местечке Горне Почернице недалеко от дачи Гавела в Градечке, куда к нему летом приезжали писатели-диссиденты, среди которых были и те, кого он раньше совершенно справедливо причислял к «антидогматическому истеблишменту»: П. Когоут, Л. Вацулик, И. Клима, Я. Трефулька и др.

Теперь все они оказались «в одной лодке». Пропущенная по недосмотру полиции постановка «Оперы нищих», осуществленная самодеятельным коллективом под руководством давнего приятеля Гавела Андрея Кроба, собрала многих деятелей культуры и простых окрестных зрителей и стала заметным событием в развитии протестного движения.

1975 год можно считать важным рубежом в биографии Гавела-диссидента. Была поставлена, пусть, конечно же, всего один раз, его «Опера нищих», он запустил самиздатовскую серию «Экспедице»; поработав в качестве подсобного рабочего на пивоваренном заводе возле Градечка, написал на этом материале одноактную комедию «Аудиенция», в которой «пивоваренный» начальник в занудной беседе безуспешно пытается завербовать в доносчики подсобного рабочего – интеллектуала, диссидента, писателя Фердинанда Ванека. Успех «Аудиенции», которую разыгрывали в «домашних театрах», подпольно записали на пластинку (Гавел – в роли Ванека), подвиг автора на продолжение цикла злободневных «ваньковских» пьес («Вернисаж», премьера в Рейнбеке возле Гамбурга в 1976 г., «Протест», премьера там же в 1979 г. – разумеется, речь идет о переводах на немецкий язык). В апреле 1975 г. появилось открытое письмо Гавела Густаву Гусаку, которое во множестве переписанных от руки копий ходило по стране.

Письмо Гусаку – это скорее даже не письмо, а объемная статья, брошюра, в которой Гавел, по форме обращаясь к руководителю КПЧ, в очень выдержанном тоне рассуждает о положении в «нормализованной» стране, отмечает, что в материальном отношении население стало жить лучше, но вместе с тем убедительно показывает углубляющийся в обстановке несвободы упадок нравственности, оскудение и деградацию культуры. По его определению, Гусак использует метод «экзистенциального давления» [5. С. 95], благодаря которому любой неугодный власти человек может оказаться в числе жертв «чехословацкого политического апартеида» [5. С. 96]. Относительное спокойствие в обществе достигается ценой духовного и нравственного кризиса. По словам Гавела, правительство Гусака выписало ордер на арест культуры: *«Общий вопрос, следовательно, таков: к сколь глубокой духовной и нравственной импотенции нации приведет завтра нынешняя кастрация его культуры?»*

Боюсь, что пагубные общественные последствия этого надолго переживут конкретные политические интересы, которые их вызвали к жизни. *Тем большей будет вина тех, кто принес духовное будущее нации в жертву интересам собственного настоящего»* [5. С. 109].

В 1977 г. Гавел выступил одним из основных, если не главным, организатором «Хартии-77», в которой отстаивались права человека, – ее в течение короткого времени подписали более двухсот человек (в первую тройку подписавших вместе с Гавелом вошли бывший министр иностранных дел Иржи Гаек и философ Ян Паточка). «Хартия», число подписантов которой неуклонно продолжало увеличиваться, несмотря на противодействие властей, пытавшихся создать искусственное противодействие в виде так называемой «Анти-Хартии», была не просто текстом, но, по сути, практическим организатором разраставшегося и усиливавшегося оппозиционного движения.

Допросы и разного рода притеснения преследовали Гавела с первых дней гусакской «нормализации», а теперь, особенно после выхода «Хартии-77», наступило время многократных арестов. По разным сконструированным обвинениям он провел в тюрьмах и колониях около пяти лет, иногда на тяжелых физических работах, но не прекращал творческой деятельности. В колонии под видом писем жене Гавел писал философско-этические эссе, которые критик Ян Лопатка собрал в книгу «Письма к Ольге» (вышла по-чешски в 1985 г. в Торонто в издательстве Й. Шкворецкого «Сиксти-ейт-паблишерс»). Среди прозаических сочинений Гавела тех лет («О человеческой идентичности», «Сила бессильных» и др.) особенно

выделяется, на мой взгляд, «Заочный допрос», о котором уже шла речь. Эта книга, насыщенная по содержанию, охватывающая и автобиографический, и исторический, и общественно-политический материал, написана живо, с неизменным юмором, и очень лаконично – в отличие от некоторых других работ автора, в которых, стремясь яснее и подробнее донести до читателя свою мысль, он допускает не всегда оправданные повторы и длинноты.

В задачи настоящей статьи не входит анализ политических и философских концепций Вацлава Гавела, я лишь хотела бы подчеркнуть такую их сторону, как специальная сосредоточенность на проблемах этики, морали, внимание к вопросам культуры. Он часто повторяет призыв: «Жить по правде», что, конечно же, сразу напоминает нам лозунг Солженицына «Жить не по лжи». Надо заметить, что в эссе Гавела нередко и с большим уважением называется имя Солженицына.

Гавел продолжает писать пьесы, возможно, ободренный успехом и популярностью «ваньковского цикла», хотя он обращается и к другим драматургическим жанрам. Экспериментальный характер присущ его пьесам «Гостиница в горах», «Искушение», «Реконструкция», которые ставятся в переводе на немецкий в ФРГ и печатаются по-чешски в Торонто. Лучшей пьесой тех лет можно назвать «Largo desolato» («Скорбное Largo»), премьера которого состоялась в 1985 г. в Мюнхене. Главный герой – доктор философии и диссидент Копршива бесконечно устал от допросов и постоянного надзора полиции, но утомляют его и верные почитатели и назойливые возлюбленные. Он критикует «нормализацию», любясь своей смелостью, и в то же время вызывает умиление окружающих приступами самообвинения, он мечтает изменить эту ненормальную жизнь, хотя бы и угодив в тюрьму. Гавел признавался, что наделил героя частью собственного жизненного опыта, но при этом подчеркивал, что это не автобиографическая пьеса, это – «притча о человеческой сущности, она, что называется, “о человеке вообще”» [6. С. 238].

Когда Гавел в «Заочном допросе» отвечал на вопросы Гвиждялы, он охотно раскрывал секреты поэтики своих драматургических произведений, собирался писать новые пьесы, но вряд ли предполагал, что почти на десять лет его главным занятием станет политика. Но именно такой «парадокс» случился после «бархатной» революции, которую он, конечно же, подготовлял всей своей диссидентской активностью.

29 декабря 1989 г. Гавел был избран президентом Чехословакии (президента избирает парламент). По свидетельству его соратников, например диссидента, сорганизатора Гражданского форума и затем первого чешского премьер-министра Петра Питгарта, он долго колебался, прежде чем выставить свою кандидатуру, тем не менее это произошло. Однако сразу же после начала существования нового чехословацкого государства начались и связанные с этим трудности. Гавел, во всем пытавшийся следовать традициям Т.Г. Масарика, был сторонником единого государства чехов и словаков, но ему не удалось переубедить словаков не настаивать на отделении, однако он способствовал тому, чтобы разделение Чехословакии произошло мирно и спокойно. Вскоре после «бархатной» революции последовал «бархатный развод» и при этом сохранились нормальные дружественные отношения между Словакией и Чехией. В 1993 г. Гавел был избран президентом Чехии и потом переизбран на второй срок.

Как и концепция единого чехословацкого государства, многие мечты Гавела о свободной демократической и процветающей республике оказались невыполнимыми, утопическими, некоторые занимаемые им позиции и принимаемые решения – ошибочными, но он, пусть не всегда результативно, стремился проводить нравственный подход к политике. И по-прежнему оставался человеком искусства.

В пражской Академии изящных искусств, произнося речь по случаю присуждения ему звания почетного доктора, Гавел сказал о себе: «[...] я, человек, которого

судьба в одну ночь перенесла из мира драматического искусства в мир большой политики» [5. С. 171]. Он рассуждал здесь о сходстве и различии политики и театра: «Один мой друг как-то сказал, что политика – это “концентрированное все”. Это право, экономика, философия и психология. Но это с неизбежностью также и театр. Театр как знаковая система, которая апеллирует ко всей человеческой сущности, к человеку как члену общности и посредством микродействия, ее воплощающего, сообщает нечто о великом действе жизни и мира, пробуждая свойственным ей способом человеческое воображение и чувства» [5. С. 174]. Он убежден, что в политике своеобразно присутствует элемент драматического чувства и театральности, но присутствие это неоднозначно и может оказаться коварным: «Тот, у кого есть это чувство, может подвигнуть общество на великие и угодные Богу свершения, может культивировать в нем демократическую политическую культуру, гражданское мужество и ответственность, но точно так же он может пробуждать в людях самые низменные инстинкты и страсти, электризовать толпу и увлекать ее в пропасть» [5. С. 176]. Существенное различие между театром как родом искусства и театральным компонентом политики он видит в том, что в театре безумное шоу каких-нибудь фанатиков «никому особенно не угрожает и скорее, наоборот, подкрепляет культурный плюрализм и способствует формированию пространства свободы. Безумное шоу фанатичных политиков, однако, может ввергнуть в пучину бедствий миллионы людей» [5. С. 177]. Можно было бы поспорить о границах «культурного плюрализма», но гораздо важнее, что Гавел в этой речи, как практически во всех своих публичных выступлениях посленоябрьской эпохи, особо настаивает на ответственности политики и политиков. Это, как и внимательное, бережное отношение к культуре, остается для него главным.

На всем протяжении своего президентства Гавел не переставал пристально интересоваться театром, а выйдя в отставку, целиком отдался своему «главному призванию». В 2007 г. была опубликована его пьеса «Уход» («Odcházení»). Мне более адекватным кажется перевод «Как уходят» или «Так уходят», потому что чешское слово означает сам процесс, а не факт и, кроме того, в русском *уходе* может послышаться еще и уход за больным, чего в чешском нет совсем). По моему мнению, это одна из лучших пьес Гавела, продолжающая линию таких его сочинений, как «Трудно сосредоточиться» и «Largo desolato», где своеобразная, по сути пародируемая, автобиографичность сочетается с притчевостью и важными обобщениями.

В «Уходе» рассказывается об отставке канцлера некоей неизвестной страны Ригера, на место которого заступает его бывший заместитель, а позднее вице-председатель Кляйн, моментально сменивший подхалимскую манеру обращения с шэфом на откровенное хамство и прибирающий к рукам все его, да и государственное тоже, имущество. Но Гавел не был бы самим собой, если бы интрига заключалась только в этом. В пьесе показана беспринципная пресса, преследующая отнюдь не только научные цели аспирантка Биа, манерная и властная «долголетняя подруга» канцлера Ирена, его корыстная старшая дочка Власта и другие колоритные современные персонажи. Но смешон и вовсе не благороден и сам главный герой. Ригер и его преемник Кляйн без конца повторяют одни и те же лозунги, которым на деле не собираются следовать: «человек в центре всего», «права человека», «меньше государства», «снизить налоги», «повысить выплаты», «свобода», «демократия», «рынок», «государство для гражданина, а не гражданин для государства» и т.п. Выброшенный из прекрасной виллы в вишневом саду, на месте которого Кляйн намевается «для блага народа» воздвигнуть торгово-развлекательный комплекс с казино, оставленный всеми бывший всесильный канцлер быстро выходит из оцепенения и с энтузиазмом готов согласиться на должность советника советника Кляйна... При всей приверженности к абсурдизму Гавел не раз вводил в свои пьесы мотивы классической драматургии. В «Празднике в саду» это был ремейк игры

в шахматы из драмы Чапека «Мать». Пьеса «Искушение» (1986) вообще построена на шаржировании сюжета «Фауста» Гете: главного героя, научного сотрудника зовут Фоустка, влюбленную в него секретаршу – Маргарита. Фоустка безуспешно пытается соревноваться в интриганстве с обещающим ему всяческие блага пенсионером-инвалидом Фистулой и т.д. В «Уходе» Гавел снова использует материал классической драматургии. Здесь пародируются мотивы шекспировского «Короля Лира» (отношения Ригера с дочерьми), но особенно отчетливо просматривается перекличка с «Вишневым садом» Чехова, начиная с вишневого сада при вилле Ригера, заготовок вишневого варенья, старого слуги Освальда, про которого забывают, и до введения в текст прямых чеховских фраз («Епиходов кий сломал!»). По ходу действия эта фраза вроде бы ничем не оправдана и героя с такой фамилией в пьесе нет, но она важна для передачи общей абсурдности происходящего и воссоздает знакомую чеховскую атмосферу, в которой присутствует комическое и все же преобладает грусть.

«Уход» был достаточно оперативно переведен на русский язык О. Лукиной и опубликован в первом номере журнала «Иностранная литература» за 2009 г. А в апреле того же года на сцене «Театра на Таганке» спектакль по этой пьесе показал чешский театр из города Градец Кралове, причем режиссуру осуществил тот самый Андрей Кроб, который в 1975 г. в «нормализованной» Чехословакии поставил гавеловскую «Оперу нищих».

С постановкой «Ухода» в Чехии было связано множество споров и конфликтов. Так как автор считал, что для пьесы первостепенно важно, как она разыграна, то он попробовал себя в совершенно новом для него амплуа: сделал по «Уходу» фильм по своему сценарию и сам выступил в качестве режиссера. Мнения о фильме высказывались разноречивые, наверное, некоторые упреки критиков были справедливы, вполне возможно, что, набравшись опыта, Гавел какой-то следующий фильм сделал бы лучше, но этому уже не суждено было случиться.

Я не была лично знакома с Гавелом, видела его всего несколько раз, но в своего рода переломные моменты и не могу не вспомнить об этом. Впервые я увидела его в 1965 г. в театре «На забрадли», где давали «Праздник в саду». В перерыве между действиями мне показали автора: рыжеватый молодой человек невысокого роста быстро передвигался между рядами, на ходу здороваясь с кем-то из знакомых. В следующий раз я увидела Гавела ровно через 34 года. 18 ноября 1989 г. группа сотрудников нашего института приехала в Прагу в родственник академический институт на давно запланированную конференцию по современной литературе и мы попали на самый пик «бархатной» революции. Чешская столица бурлила. Бесконечная студенческая процессия шла по проспекту Народни трицида. На следующий день с балкона издательства «Мелантрих» Гавел, возглавивший только что возникший Гражданский форум, обращался с речью к людям, заполнившим до самых краев огромную Вацлавскую площадь. Перед этой сугубо мирной силой коммунистическое руководство страны стремительно отступало практически без сопротивления.

В июле 1990 г. я привезла в Прагу внука – школьника, чтобы показать ему этот прекрасный город. Только что состоялась инаугурация Гавела как президента Чехословакии, по этому поводу на Граде было устроено народное гуляние, куда отправились и мы с внуком – никакого приглашения не требовалось. Во всех дворах Града гремела музыка, народ угощали популярными крендельками и прочей снедью, вплоть до пива с сосисками. В разгар праздника на дворцовый балкон вышел веселый президент, приветствуя собравшихся. И еще одно тогдашнее воспоминание. Знакомые чехи рассказывали мне, что вскоре после избрания президент приехал на один из крупных заводов в куртке спортивного типа, которую обычно носил, а рабочие обиделись: что же, не посчитал нужным для нас одеться получше? Больше таких ошибок он не совершал. А в последний раз я видела Га-

вела в Москве на юбилее Ю.П. Любимова: он поднялся на сцену Таганки, чтобы поздравить своего давнего знакомого и театрального единомышленника со славным 90-летием и выразить надежду на совместную работу...

Серьезные проблемы с легкими обнаружились у Гавела еще в тюремной больнице во время очередного ареста в годы «нормализации»; став президентом страны, он перенес несколько тяжелых операций по поводу рака, но и в самых трудных условиях не прекращал выполнять свои обязанности. После очередной и, как оказалось, последней операции он поехал отдохнуть на свою старую дачу Градечек, откуда 18 декабря 2011 г. пришло печальное известие о его кончине, которое всех поразило, потому что в Чехии привыкли: да, Гавел часто болеет, одна операция следует за другой, но он все так же активен, пишет, выступает, спорит, теперь вот взялся еще и за режиссуру. Казалось, так будет всегда.

Гавел заработал репутацию бунтаря еще своей полемикой с представителями литературного истеблишмента, как догматического, так и «антидогматического», укрепил ее в годы диссидентства выступлениями против гусаковской «нормализации», отсидками в тюрьме; эту репутацию не поколебало и его пребывание в должности президента, тем более – возвращение к театру и неожиданное для всех смелое обращение к кино. С ним многие полемизировали, его критиковали, но подлинное отношение к нему народа показали те сотни тысяч пражан и приезжих, которые пришли проститься с ним на пражский Град. Похоронили президента-драматурга по его завещанию на старом пражском Ольшанском кладбище в семейном склепе Гавелов рядом с его первой женой Ольгой.

Осталась память, остались книги, эссе, «Заочный допрос», спорный фильм, остались пьесы. Гавел прожил бурную и сложную жизнь в сложную бурную эпоху, он не просто наблюдал за происходящим, он действовал, подчас ошибался, но всегда стремился понять, что и почему происходит именно так и писал об этом. Гавел говорил, что его пьесы не стоит читать, надо посмотреть спектакли по ним на сцене. Полагаю, что это все-таки не совсем так и что драматические произведения Гавела, как и другие его сочинения, еще по-настоящему не прочитаны, тем более – подробно не проанализированы, а они этого заслуживают и ждут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Havel V. Dálkový výslech. Rozhovor s Karlem Hvizd'adou.* Praha, 2000.
2. *Literární noviny*, 2011. 19 XII.
3. *Květen*. 1956. Roč. 2. № 1.
4. *Svědectví*. 1990. № 89–90.
5. *Havel V. Гостиница в горах / Пер. И. Безруковой.* М., 2000.
6. *Havel V. Трудно сосредоточиться / Пер. М. Семеновы.* М., 1990.

© 2012 г. Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ: ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В статье проанализированы вехи жизненного пути и политической биографии Вацлава Гавела, дана характеристика вводимых им концептов «неполитической политики» и «власти безвластных», изложены внешнеполитические предпочтения Гавела, связанные с евроатлантизмом, а также его предостережения относительно России как евроазиатской силы.

The article analyses the landmarks of life and political biography of Václav Havel, it characterises his concepts of «non-political politics» and «power of powerless», describes his preferences in the foreign policy related to Euro-Atlantism, as well as his warnings concerning Russia as an Euro-Asiatic power.

Ключевые слова: «власть безвластных», морализм, приоритеты, оппозиционное движение, Хартия 77, «неполитическая политика», Гражданский форум, «бархатная» революция.

Вацлав Гавел ушел из жизни 18 декабря 2011 г., лишь несколько месяцев прожив после своего 75-летия, празднование которого не приобрело общенационального характера. Таковыми стали его похороны, обозначившие веху прощания с великим политиком-моралистом, идеи которого оказались в том или ином виде востребованы и в начале второго десятилетия нового века – когда права «безвластных» и приемы «неполитической политики» были заявлены не только на забурлившем арабском востоке, но и в других регионах и странах, включая Россию.

Критика идеи и практики социализма вознесла Гавела на высоты политики и общественной мысли своего времени. Аргументы Гавела отличались редкой искусностью в историософском и эмоциональном плане. При этом корни социализма он видел не столько в европейской идеологии марксизма, сколько в российской истории и политике, отсюда трудно уловимая, но все же прослеживаемая подмена антисоциализма некой русофобией. «Евроазиатский гигант» – Россия – в числе самых нерадивых его учеников, не готовых к экзаменам ни по демократии, ни по европеизму...

Каковы же вехи жизненного пути этого великого чеха¹ и звездные часы его политической карьеры, какова его судьба на фоне истории страны и мира? Многое в ответе на этот вопрос кроется в его социальном происхождении.

Задорожнюк Элла Григорьевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

¹ О раннем периоде жизни В. Гавела и его пути от диссидентства к чехословацкому (1989–1992), а затем и чешскому (1992–2003) президентству см. [1].

Вацлав Гавел родился 5 октября 1936 г. в успешной предпринимательской семье, которая после февраля 1948 г. подвергалась преследованиям по классовому признаку. Уже в школе он чувствовал себя изгоем, не понимая причин отношения к нему как к врагу. В доме его родителей сохранялась «атмосфера масариковского гуманизма», здесь бывали многие ученики и соратники первого президента ЧСР Т.Г. Масарика [2. Р. 10, 20].

В 1948 г. семью Гавелов лишили прав собственности, но его отец оставался на своих предприятиях в качестве консультанта. Это объясняется тем, что в свое время он предоставлял принадлежавший ему огромный киноконцертный зал «Люцерны» для съездов коммунистической партии. Сначала власти пытались выслать семью из Праги, но в итоге ограничились резким сокращением ее жилой площади.

Уже с 15-летнего возраста Вацлав писал стихи, позже познакомился с чешскими поэтами Я. Сейфертом (будущим нобелевским лауреатом) и В. Незвалом, а также с философами Я. Паточкой и И. Коларжем; эти контакты были, по его словам, на грани дозволенного. В 1956 г. Гавел, будучи студентом экономического факультета, сотрудничал с журналом «Květen», который напечатал его письмо о необходимости большей открытости литературы, вызвавшее широкую дискуссию. С 1957 г. по 1959 г. он служил в армии, где писал и ставил свои пьесы; затем стал рабочим сцены в театре «АБЦ», а в дальнейшем перешел в театр «На забрадли», в котором проработал восемь лет – до 1968 г.

Театральная жизнь сблизила Гавела с избравшей путь актрисы Ольгой Шплихаловой, с которой он познакомился еще в 1956 г.; они тайно от семьи расписались 9 июля 1964 г. Уже тогда Ольга – дочь рабочего, с большей последовательностью высказывала антисоциалистические взгляды, чем ее друг из семьи крупнобуржуазной. Но с середины 1960-х годов и Гавел перестал скрывать свои немарксистские убеждения, сотрудничая с журналом «Tvář», хотя при этом участвовал в кампании за возрождение чехословацкой социал-демократии. Нужно подчеркнуть, что Гавел, вероятно, ратовал скорее за право партий на существование, чем за идею социализма. Много позднее, в 1978 г., он подписал манифест «100 лет чешского социализма».

Надо сказать, что если бы Гавел и был социалистом идейным или даже нравственным, то он никогда не смог – ему не позволили бы, да он и не захотел бы – что-либо делать для воплощения данной, как и любой другой, идеи². Поэтому он и стал так значим для многих граждан своей страны, уставших от политиканства прошлого и опасавшихся наступления политиканства нового...

В одном из первых эссе под абсурдистским (в стиле своих пьес) названием «О диалектической метафизике», написанном в 1966 г., он подчеркивал опасность директивного мышления, так удачно превращающего нечто «хорошее» (живую диалектику) во что-то совсем «плохое» (непредсказуемую метафизику), протестовал против «механического втискивания действительности в колодки» [4. S. 141].

Проводя отчасти и политические идеи в своих пьесах, Гавел вовсе не был одним в поле воином: середина 1960-х годов – время активных поисков новых социальных инициатив всей чехословацкой интеллигенцией, в том числе коммунистической (подробнее см. [5]). Пока с упованием на марксизм, у которого, по мнению,

² Став президентом, Гавел неоднократно уточнял свои взгляды на социализм. 26 февраля 1990 г. во время визита в Москву в беседе с М.С. Горбачевым он заметил: «Если в советской печати появится утверждение, что Гавел ликвидирует социализм, это будет неправдой. Правда в том, что мы хотим изъять слово «социалистическая» из названия нашей республики. Дело в том, что само слово «социализм» стало у нас символом беспорядка и безответственности и таким образом утратило в контексте нашей реальности свое первоначальное значение. Может быть, в будущем социал-демократы и придадут этому слову адекватный смысл, и я буду этому только рад» [3].

а скорее желанию ищущих, могло бы оказаться «человеческое лицо» (этакая метафизика в диалектике, если вспомнить приведенное выше эссе Гавела).

И вот настал первый звездный час для Гавела – 1968 год. Он – в числе лидеров, по крайней мере, в кругах интеллигенции: в 1968–1970 гг. – председательство в демонстративно беспартийном «Круге независимых писателей»; май – июнь 1968 г. – поездки в США и Западную Европу; возобновились спектакли по его пьесам; рос круг его политических знакомств, включая тогдашнего лидера Пражской весны А. Дубчека. 1968-й стал годом получения первых зарубежных литературных премий, сначала из Австрии «за вклад в европейскую литературу», затем из США – за постановку в Нью-Йорке его пьесы.

21–27 августа Гавел вел совместные с женой Ольгой и актером Яном Тршиской радиопередачи из Либерец, направленные против вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию, резко критиковал соглашательскую политику властей. С осени 1968 г. по осень 1969 г. он – главный редактор обновленного журнала «Tvář», который, поскольку на его страницах высказывались, по мнению властей, «абсолютно чуждые социализму идеи», был вскоре закрыт. В конце 1968 г. в еженедельнике «Zitřek» Гавел опубликовал статью «Фальшивая дилемма», которая содержала наброски его дальнейших «бархатных» действий, прячущих железную политическую волю и последовательность решений за ширмой декларируемой им уступчивости. Программа поддержки правительства сама по себе столь же беззуба и негативна, как и выступления против него, подчеркивал он; надо чтобы сами политики отвечали за состояние дел, следует не разделять их заботы, а требовать, чтобы они поняли общество.

С 1969 г. Гавела лишили заграничного паспорта, периодически вызывали на допросы, прекратилась постановка его пьес. Но он писал новые пьесы, включая «Заговорщиков» и «Оперу нищих» (вторая была поставлена нелегально в 1975 г.); а с 1972 г. наступил «сплошной бесформенный туман» – лишь гонорары из-за границы позволяли чете Гавелов сравнительно безбедно жить в Градечке, где в конце 1960-х годов супруги купили дачный домик. В 1974 г. глава семьи неожиданно для многих, но вынужденно для себя – чтобы власти не могли его привлечь за тунеядство – работал грузчиком на местном пивоваренном заводе, куда приезжал то на «Мерседесе», то на «Рено».

8 апреля 1975 г. Гавел написал президенту Г. Гусаку открытое письмо, в котором содержалась констатация морального падения страны, которое нельзя скрыть за фасадом спокойной жизни, и указывалось на ответственность руководства за это. В основе власти, подчеркивалось в письме, цели которой ограничиваются самосохранением путем насильственно навязанного единства, лежит недоверие ко всему разнообразию, сопротивление неведомому, стремление к однообразию и косности, непреодолимое влечение к status quo. Гавел обратился к президенту со следующими словами: «На данный момент вы выбрали самый удобный для себя и самый опасный для общества путь, то есть путь внешней видимости ценой внутреннего упадка, путь нарастания энтропии ценой истребления жизни, путь защиты своей власти ценой углубления духовного и нравственного кризиса общества и систематического унижения человеческого достоинства» [6. С. 359].

Письмо и отвечало настрою времени общественного разочарования, и опережало его. Оно получило широкий резонанс в стране и за рубежом, его передавали западные радиостанции, сравнивавшие Гавела, требовавшего «жизни по правде», с А.И. Солженицыным, ранее призывавшим «жить не по лжи». В этом же году Гавел организовал издание серии «Edice Expedice», выступил в качестве составителя самиздатской серии «Pohledy 1» («Мнения 1»), при этом заявляя: «Активно заниматься политической деятельностью на практике я не хочу» [7].

Пиком этой деятельности стала работа по подготовке диссидентской структуры Хартия 77 в ноябре–декабре 1976 г. Воззвание Хартии 77 в период между

Рождеством и Новым годом подписали 243 человека. Несмотря на преследования, Воззвание к 9 марта 1978 г. подписали 617 чел.; всего же с 1977 г. по 1989 г. под документом поставили свои подписи 1889 чел. [8. S. 378].

Большинство биографов считают именно Гавела вдохновителем и организатором Хартии. Действительно, он собирал подписи под документом, что было очень рискованно, явился соавтором Воззвания, приурочив его выпуск к 1 января 1977 г.; при этом Гавел понимал, что наказание последует незамедлительно. 6 января власти задержали автомобиль Гавела, в его доме был проведен обыск, допрос снимался на пленку. Но 8 января он все же подписал еще один документ Хартии 77, а 10 и 11 января подвергся более подробным допросам. 12 января пражская газета «*Rudé právo*» и братиславская «*Pravda*» выступили со статьей «Банкроты и самозванцы», в которой Гавел назван «непримиримым антисоциалистом» [9. S. 27].

Появление Хартии 77 стало еще одним звездным часом для Гавела. Его во многом индивидуалистические установки преодолелись в ходе совместных действий по созданию наиболее перспективной диссидентской структуры в странах восточного блока. Кроме того Хартия предполагала новые виды политической активности и задавала нетривиальное видение властных отношений, столь удачно – хотя и в довольно абсурдистском стиле – называемое «неполитическая политика» и «власть безвластных» (термины Гавела). Естественно, то и другое не появилось на свет «из ничего»: им предшествовали движение М. Ганди в Индии и Мартина Лютера Kinga в США, а также традиции противостояния имперской политике в Австро-Венгрии, связанные с именем Т.Г. Масарика.

«Хартия, – убежденно, уже с высоты прошедших лет, писал в марте 1986 г. Гавел – не является ни левой, ни правой не потому, что находится «где-то в центре», а по более глубоким причинам: она не относится к тому или иному полюсу политического спектра, поскольку не имеет с этим спектром ничего общего и по самой своей сути находится вне него. Как не определившаяся политически и разрабатывающая конкретную политическую программу гражданская инициатива находится – если можно так выразиться – где-то «над» всем этим, или, говоря более скромно: вне всего этого» [9. S. 129].

Однако Хартия 77 создавалась в условиях преодоления жесткого противостояния Запада и Востока; будучи не особенно мощной структурой, она сумела не только сохраниться, но и привлечь к себе внимание. Заслуги Гавела при этом нельзя ни преувеличивать, как это делает чешский историк Э. Крисеова (именуемая агиографом), ни преуменьшать, к чему склонен разуверившийся в нем английский политолог Дж. Кин, считающий, что «лишь паранойя партийного руководства относительно контрреволюционного заговора из-за рубежа» придала значимый статус Хартии и возвысила ее молодого лидера [2. P. 250]. Хартия – принципиально новая форма оппозиционного движения – выступила своего рода прообразом, «параллельного полиса» – основной силы, противостоявшей политике «режима нормализации». Независимая инициатива Хартия 77 оказала влияние и на формирование в Чехословакии протоструктур гражданского общества. Уже с этого времени, отмечал журнал «*The Times*», «восточные европейцы, знакомясь с творениями Гавела и его политическим активизмом, слышали голос носителя 600-летнего просвещенного гуманизма» [10], явно отсылая при этом к фигуре лидера чешской Реформации Яна Гуса.

14 января 1977 г. Гавел оказался в тюрьме, откуда вышел только весной – 20 мая³. В тягостные дни заключения он тяжело перенес трагическую кончину,

³ В целом в тюрьме Гавел был четырежды. Второй срок он отбывал с 28 января по 13 марта 1978 г.; третий – с 29 мая 1979 г. по 7 февраля 1983 г.; четвертый – с 16 января до 17 мая 1989 г. [9. P. 479].

после очередного полицейского допроса, одного из первых спикеров (пресс-секретаря) Хартии философа Яна Паточки, последовавшую вскоре после провозглашения Хартии. Он подал прошение об освобождении, и на этом основании власти заявили, что тем самым ее лидер отказался от роли спикера Хартии. В то же время распространялись порочащие его слухи, а в тюрьме оказывалось давление. «Я вышел из тюрьмы опозоренный и оказался лицом к лицу с обществом, которое представлялось мне одним сплошным упреком», – так говорил об этом Гавел позднее в одном из писем к жене Ольге [11. S. 80].

Но полностью сломить Гавела власти не смогли; началась борьба, в которой сторонам трудно было найти компромисс. В октябре того же года по сфабрикованному обвинению в «покушении на интересы республики за рубежом» Гавела осудили на 14 месяцев тюрьмы условно, с отсрочкой приговора на три года (лишь 26 ноября 1989 г. этот несправедливый приговор отменили).

28 января – 13 марта 1978 г. состоялось предварительное следствие по обвинению «в нападении на представителей власти» – неуклюже выдуманному поводу. Гавел направлялся в Дом культуры железнодорожников на Виноградах на бал, на котором планировалась встреча хартистов. Переодетая полиция напала на него и избила. Обвинение в нападении на нее было шито белыми нитками, а его несостоятельность поразила многих граждан Чехословакии и зарубежных правозащитников.

После второго тюремного заключения Гавел как бы в ответ стал одним из создателей Комитета в защиту несправедливо преследуемых и членом шведского ПЕН-клуба. Он снова избирается спикером Хартии с 6 ноября 1978 г. по 8 февраля 1979 г. К этому времени была написана одна из ключевых политических работ Гавела – книга «Власть безвластных» (под названием «Сила бессильных» ее перевели на русский язык и выпустили в 1991 г. в Минске).

К 1978 г. контуры и сила Хартии 77 определились в достаточной мере, поэтому и начальные слова книги: «По Восточной Европе бродит призрак, который на Западе называют “диссиденты”» [12. С. 11] (с явным намеком на слова Коммунистического манифеста 1847 г.) звучат обнадеживающе. Диссиденты – не бессильны, они пока безвластны; это нужда как добродетель, ибо в условиях «диктатуры политической бюрократии над нивелированным обществом» [12. С. 12] власти им не дают, в «посттоталитарном» же обществе эта власть, может, не будет им нужна. А уж тем более не нужна будет идеология, фальсифицирующая настоящее и будущее, ибо исчезнет ее опора – ложь, считал Гавел.

Это не значит, что честным людям не следует напрямую выступать против диктатуры. Надо, но без вовлеченности в политику, особенно в ее рутинные процедуры. Хартия 77 показывает, что гражданская активность приобретает весомую силу при опоре на «особое политическое значение нравственного аспекта» [12. С. 16].

К данному концепту примыкала и концепция «неполитической политики»; она сводилась к призыву жить по правде и, по крайней мере, не поддерживать наполненных пустотой государственных ритуалов, ставших опорой «режима нормализации». Подобная политика и стала программной для сотен хартистов и тысяч – если не десятков тысяч – сочувствующих им граждан. Лидер хартистов призывал к личному совершенствованию, но в условиях «режима нормализации» как раз оно становилось предпосылкой массового неповиновения. Этому парадоксу пришлось реализоваться в не такой уже отдаленной перспективе...

В Комитете в защиту несправедливо преследуемых Гавел деятельным образом участвовал вплоть до 29 мая 1979 г. Именно в этот день его вновь арестовали, обвинили в попытке свержения существующего строя и 23 октября приговорили к четырем годам лишения свободы за подрывную деятельность против республики (23 августа 1990 г. приговор отменен). Из тюрьмы его выпустили в 1983 г.

досрочно по состоянию здоровья – после тяжелейшего воспаления легких. Но Гавел практически сразу включился в общественную жизнь: поставил подпись под документами Хартии, дал интервью западным корреспондентам, написал по тюремным воспоминаниям пьесу «Ошибка».

Во второй половине 1980-х годов деятельность Гавела резко активизировалась, причем в самых различных направлениях. С сентября 1987 г. он стал членом редколлегии самиздатовского ежемесячного периодического издания «*Lidové povíny*», в октябре 1988 г. подписал Манифест «Демократия для всех», с которым выступила независимая политическая инициатива Движение за гражданскую свободу, что сыграло важную роль в консолидации оппозиции, а с ноября 1988 г. стал членом Чехословацкого Хельсинкского комитета.

Манифест «Демократия для всех» отрицал законность догмата о руководящей роли коммунистической партии и выдвигал в качестве базового принцип демократического плюрализма. Сущность его, согласно трактовке Гавела, – равное право всех на участие в политической власти и обеспечение уже зримых контуров «власти безвластных» [13. С. 27]. В эти годы пьесы Гавела ставились все чаще и все в большем числе театров во всем мире, он получил премии (в частности, имени Эразма Роттердамского в 1986 г.) и почетные звания многих университетов, дал бесчисленные интервью для зарубежных средств массовой информации и т.д., и т.п. Такая вот разновидность «неполитической политики»...

1989 год начался очередной стычкой Гавела с властями. 16 января, в дни Палахады, он выступил на митинге на Вацлавской площади в память о Яне Палахе, совершившем в 1969 г. самоубийство в знак протеста против оккупации Чехословакии воинскими частями стран Организации Варшавского договора. Последовали арест и весьма жесткие меры со стороны государства. Однако после многочисленных протестов и ухудшившегося состояния здоровья власти решили 17 мая выпустить уже немолодого неполитического политика, авторитету которого позавидовали бы многие профессиональные политики, драматурга и диссидента из тюрьмы.

19 июля 1989 г., ровно за четыре месяца до основания Гражданского форума, Гавел писал в письме видному чешскому историку В. Пречану: «Положение начинает становиться драматическим. Часть общества хочет из меня сделать своего вождя, а вторая часть (меньшая) хочет меня как можно скорее ликвидировать. Не знаю, что из этих двух вариантов лучше» [14. С. 603].

С 18 сентября по 9 ноября 1989 г. Гавел еще раз стал спикером Хартии 77, а 19 ноября основал (вместе с хартистами, коммунистами-реформаторами периода Пражской весны и другими политиками, партийная принадлежность которых в тот момент – дело третьестепенное) Гражданский форум как некое олицетворение «власти безвластных», который в настоящее время трактуется как принципиальное новшество в сфере политики, являя собой группировку сил различной политической ориентации без лидеров-вождей. Подобные структуры во втором десятилетии нового века возникли в самых разных регионах мира. Гавел представлял собой моральный авторитет с мощным потенциалом успокоения революционных страстей.

Появление этой достаточно аморфной в политическом плане структуры с большим потенциалом разрушения определило новую перспективу и развития страны, и Гавела-политика. «Драматург, – отмечает чешский исследователь Д. Кайсер, – привыкший по роду своей деятельности обдумывать и разыгрывать несколько полярных сценариев одновременно, он, конечно же, допускал, что не стремится быть политиком – вместе с тем означает хотеть быть политиком или, точнее говоря, таким общественным деятелем и харизматичным лидером из “власти безвластных”, который в решающий момент восстанет и направит ход истории в определенное русло» [15. С. 205].

Когда в ходе «бархатной» революции Гавелу, сразу же выдвинувшемуся на передовые позиции, представился шанс показать потенциал «власти безвластных» и «неполитической политики», начался третий его звездный час, в ходе которого ему предстояли уже не малые, а большие дела. Он «внезапно» предстал в роли искусного политического актора, успешно ведущего переговоры с представителями как государственной власти ЧССР, так и демократической общественности. Гавел встречался с такими разными людьми, как А. Дубчек и популярный певец К. Готт, готовилась встреча с Л. Адамецем перед митинговавшими. Это можно назвать успешной публичной драматургией, но не менее успешной стала и его кабинетная режиссура. Д. Кайсер пишет: «Гавел в революционном штабе не имел себе равных. Когда он брал слово, то говорил в основном негромко, что, на удивление, не мешало, поскольку все немедленно затихало. Когда он ненадолго отлучался, дискуссия прекращалась и в зале стоял гул, как в театре во время антракта. Дебаты снова продолжались только когда он снова занимал свое место. Внизу в гардеробную в “Латерне Магике”, где находился “мозг революции”, могли зайти лишь человек тридцать» [15. S. 220].

29 декабря 1989 г., в абсолютном большинстве коммунистическое, Федеральное собрание ЧССР фактически единогласно избрало действительного политического лидера президентом Чехословакии. Но в тени этого блестящего начала – сложнейшие политические маневры, когда Гавел по сути заставил А. Дубчека отказаться от намерения баллотироваться на пост президента. При этом он обещал Дубчеку, что будет занимать пост президента лишь до первых демократических парламентских выборов, проведение которых намечалось на июнь 1990 г. Дубчек же просил Гавела уступить ему пост президента именно сейчас, подчеркивая момент ответственности Пражской весны и «бархатной» революции – за обещание не выдвигать свою кандидатуру в июне. «Можно ли сказать, – задает вопрос Кайсер, – что Вацлав Гавел вероломно выставил Дубчека из игры за пост президента? И да, и нет. Он сам подчеркивает: уже то, что Дубчека выдвигали, по крайней мере, на пост главы парламента, побуждало его (Гавела. – Э.З.) бороться на двух фронтах: “Одни меня упрекали, что я его не делаю президентом, другие – что я его загоняю в угол”. Действительно, в его непосредственном окружении существовала огромная антипатия к бывшему коммунистическому сановнику» [15. S. 238]. Может быть, еще и поэтому Гавел называл решение стать президентом труднейшим в своей жизни, однако он, по свидетельству журнала «The Economist», стал счастливым исключением среди лидеров постреволюционной волны в Центральной Европе, долго удерживаясь на политическом Олимпе. Одна из причин заключается в том, что он «боролся с духом коммунизма в коридорах власти с опорой на гуманность, юмор и рок-музыку» (подробнее см. [16. P. 26]).

С целью добиться президентства Гавел сразу же, во-первых, заблокировал предложение коммунистов провести прямые всеобщие выборы президента, а во-вторых, пошел фактически на сговор с М. Чалфой: тот заверил Гавела, что сумеет заставить коммунистический парламент ЧССР к декабрю 1989 г. (к этому времени Гражданский форум побудил уйти в отставку только 29 депутатов из 350) единогласно проголосовать за кандидатуру антикоммуниста и диссидента [17].

И все же уже тогда возникали вопросы: если Гавел боролся за демократию и правовое государство, то почему он пришел к власти старыми коммунистическими методами? Вопросы тем более правомерные, что, скажем, в Польше президент избирался на альтернативной основе – в ходе прямых всеобщих выборов. Но подобный способ его выдвижения на высший пост мало кто подвергал сомнению как в стране, так и за ее пределами. Так, представители польских оппозиционных кругов, стремясь найти похожего лидера в своих кругах, дублировали призыв «Гавела на Град!» лозунгом «Гавела на Вавель!» – королевский холм в Кракове [17. P. 24].

В первый день 1990 г. президент Гавел обратился к согражданам с речью, в которой сказал: «Во всем мире люди не перестают удивляться, откуда вдруг взялась в этих покорных, униженных, скептических и, казалось бы, ни во что уже не верящих гражданах Чехословакии такая потрясающая сила, что они всего за несколько недель вполне благопристойным и мирным образом скинули со своих плеч тоталитарный режим» [18. С. 141]. При всем этом нельзя забывать и о грядущих задачах, напоминал Гавел, а они заключались в организации будущих выборов, в укреплении нравственных основ политики, в определении перспектив нового государства.

Но многие инициативы в экономической политике Гавел отдал премьер-министру В. Клаусу: именно тот предложил план чековой (купонной) приватизации как путь упрочения рыночной экономики. Она – как и дальнейшие акции в духе свержения свободного рынка – проходила небеспорно; вопросы уровня благосостояния не решены и сейчас (ровно за месяц до смерти Гавела в Праге прошли демонстрации против экономической политики правительства), поэтому его слова о том, что реформаторам надо не только понимать законы рынка, но и быть человечными, не утратили своей актуальности. В Словакии появились свои энергичные политические лидеры, в первую очередь В. Мечъяр, еще до выборов 1990 г. выдвигавших идею усиления ее национального суверенитета.

Симпатии к президенту начали уменьшаться в 1992 г., когда форсировался процесс разделения Чехословакии, а он не сумел сдержать его, может быть, потому, что не принял идеи о прямых выборах президента в 1989 г., а в течение 1990–1992 г. чаще ездил за рубеж за получением премий и почетных званий, чем занимался рутинными внутривластными вопросами. Одна из причин такой политики Гавела заключалась в том, что в Словакии находилось большинство оборонных предприятий, линия его же была направлена на то, чтобы прекратить производство оружия.

Гавел отмечал: «Референдум, за который я бился два года и на котором надо было для начала поинтересоваться мнением граждан, хотят ли они разделиться, теперь уже явно не имеет смысла. Ибо никто не проявляет желания его объявлять» [18. С. 151]⁴. Все же благодаря именно Гавелу «бархатный» развод стал громадным достижением, считает журнал «The Economist» [16. P. 24], не добавляя, правда, при этом, что подобные «достижения» в других регионах мира были не такими уж «бархатными».

После того как Гавел стал президентом Чешской Республики его имя месяцами не появлялось на страницах западных газет и журналов. А если и появлялось – то не без значительной доли того, что ранее именовалось «аттической солью», т.е. не без иронии и юмора. Так, например, «The Newsweek» 3 апреля 1995 г. опубликовал весьма любопытную статью «Свержение с трона философов-королей», в которой анализировалась судьба властвовавших (как Т. Мазовецкий) и властвующих (как Ж. Желев и В. Гавел) интеллектуалов [20. 1995. 3 IV]. Еще вчера они выступали лидерами преобразований в странах региона, не без некоторой «театральности» проводя избавление от 45-летнего «коммунистического ига». Сегодня же к рулю власти приходят прагматики, а они предпочитают набрать в команду и бывших коммунистов. Президенты же, которые в основном считаются обладаю-

⁴ Позднее, накануне завершения президентства, в новогодней речи 1 января 2003 г. Гавел сказал, что разделение государства «имело огромное преимущество: оно проходило мирно, без насилия, без крупных конфликтов и без особых неразрешенных последствий. И это снискало всеобщее уважение. Поскольку так это в большинстве случаев не происходит. Однако оно имело единственный недостаток: вопрос столь чрезвычайной важности, как прекращение существования государства и возникновение двух других государств, решали не граждане в народном голосовании, как это побуждало бы в демократических отношениях, но оно происходило действительно преимущественно технически, почти так, как будто бы речь шла о какой-то бухгалтерской операции» [19].

щими меньшей политической властью, возвышаются над полем боя, «осуществляя моральное наставничество и проповедуя демократическое евангелие. Никто не делает это лучше, чем Гавел, но даже и его влияние постоянно уменьшается» [20. 1995. 3 IV]. В целом западная пресса и в дальнейшем высказывала достаточно критические оценки заявлений и инициатив Гавела, в этом плане отношение к нему можно уподобить отношению к А.И. Солженицыну.

Имя президента Чехии вновь замелькало на страницах прессы. Решимость, с которой тогда он повел себя перед вторыми президентскими выборами 20 января 1998 г., не оставляла сомнений: Гавел – сильный политик, который не ограничивался обсуждением абстрактных ценностей в зарубежных поездках.

1999 год стал временем вхождения страны в военно-политический блок НАТО, а также непрекращавшейся и идеологически (а в чем-то теологически) мотивированной апологии евроатлантизма со стороны Гавела. Так, Н. Камм, корреспондент газеты «The New York Times», писал: «Лет десять лет тому назад я имел возможность взять интервью у Гавела. И не нашел ничего лучшего, как спросить его о глубинах бытия, значимых и для меня, и для всего мира. Вместо этого он стал рассуждать о глубинах НАТО» [21].

Особенно характерна его позиция относительно бомбардировок с марта 1999 г. территории Югославии. По некоторым свидетельствам, перед их началом Б. Клинтон почти два часа консультировался по телефону с главой чешского государства. Суть аргументов Гавела в пользу военного вмешательства НАТО сводилась к тому, что, бомбардируя Союзную Республику Югославию, блок поставил права человека выше прав государства. Гавел полагал, что это серьезный прецедент на будущее, поскольку было продемонстрировано: права человека неделимы, а идол государственного суверенитета должен неизбежно рассеяться. Парадоксально, но председатель нижней палаты парламента ЧР правый политик В. Клаус выступил с осуждением вовлеченности страны в поддержку действий НАТО в Югославии, премьер-министр социал-демократ М. Земан занял умеренную позицию, а президент В. Гавел, известный в прошлом своим авторитетом бескомпромиссного защитника прав человека, агрессию поддержал...

В 2000 г. Гавел решил обратить большее внимание уже не на юг, а на восток Европы, предложив провести черту единой Европы по восточным границам Белоруссии. Для этого надо уподобить данную страну Чехии и провести в ней перемены по соответствующему сценарию. «Если, – утверждал чешский президент, – вы посмотрите на карту, то ясно увидите некую разделяющую черту. Она отделяет Россию как евро-азиатскую державу от остальной Европы, которая должна знать, где начинается и где кончается, и мне кажется, что кончается на границе с Белоруссией. Если же Белоруссия войдет в состав России, существует опасность, что то же может случиться и с Украиной» [22. 2000. 12 IV]. В мае этого же года Гавел повторил, что если НАТО придвинется к границам России, это приблизит стабильность, безопасность, демократию и развитую политическую культуру, и это будет в интересах России [22. 2000. 17 V].

Подобного рода заявления не могли не волновать российских политиков, да и рядовых граждан, которым границы, по данной логике, скорее закрываются, чем открываются. Россия, постоянно говорил Гавел, – гигантская евро-азиатская держава, которая всегда будет играть специфическую роль в мировой политике. Хотя ее часть находится в Европе, а духовная культура во все времена оказывала огромное влияние на остальной мир, эта страна не может беспрепятственно стать частью региона, именуемого Западом. Он идентифицируется с евроатлантической идеей, которую надо расширять, Россия же – с евро-азиатской, которой, по логике, предписывается сужение.

По этой логике НАТО и Евросоюз обречены расширяться в восточном направлении. В речи перед итальянским сенатом в Риме 4 апреля 2002 г. чешский прези-

дент вспомнил славную историю Римской империи как прообраза современного Европейского союза. «И пусть, – подчеркнул он, имея в виду дальнейшее расширение НАТО, – подобную роль сыграет, следуя духу его (Рима. – Э.З.) славной истории, и Прага» [23]. Комментируя данное заявление, надо отметить два момента, снижающие его пафос. Во-первых, призывы провозгласить столицу одного из славянских государств – Прагу новым Римом прозвучали всего лишь через три года после призывов бомбить столицу другого славянского государства – Белград. Во-вторых, диссонирующим на этой встрече прозвучал вопрос чешского журналиста, согласен ли Гавел с мнением некоторых российских политологов, что он-де «самый большой русофоб» из европейских политиков сегодня. Чешский президент ответил, что это не так и что он очень уважает русскую культуру [24]. Сама ситуация встречи вряд ли подтверждает эти слова Гавела: Россия, включая представителей ее великой культуры, продвижения НАТО к своим границам отнюдь не приветствовала.

Что касается внутривластной ситуации, то с начала 2002 г. в стране наметилось еще более резкое противостояние «программы Гавела» и «программы Клауса» на ожидавшихся в январе 2003 г. президентских выборах. Гавел в качестве возможных претендентов на пост президента выдвинул Марию Кербелову (Мадлен Олбрайт), а заодно предложил, чтобы президента Чехии избирали в ходе прямого голосования не парламентариев, а всех граждан страны. 2 февраля 2003 г., почти через 55 лет после февральских событий, приведших к власти в Чехословакии коммунистов, Вацлав Гавел ушел со своего поста.

Для экс-президента Чехии Гавела 2003–2004 годы стали временем получения наград: австрийской независимой культурной инициативы «ГЛОБарт» за вклад в укрепление отношений между народами; самой почетной американской награды для гражданских лиц – Президентской медали свободы; правительственной премии Индии Махатмы Ганди, Премии мира Сеула, премии за личную помощь в борьбе за права оккупированного Тибета и др. В октябре 2003 г. чешские парламентарии удостоили Гавела Ордена белого льва и Ордена Масарика за вклад в развитие демократии, гуманность и защиту прав человека, причем – в виде исключения – пожизненно. Однако в 2004 г. Нобелевский комитет его кандидатуру на получение премии за мир не поддержал (Гавела выдвигали на нее восемь раз).

После ухода с поста президента Гавел не отошел от активной политики, тем более что почувствовал себя не связанным рамками президентского поста. Фактически он часто ретранслировал в духе морализма многие установки евроатлантизма, противопоставляя их установкам евроазиатизма. Данная констатация не связана со стремлением поставить под сомнение высокий авторитет Гавела, призывы которого к честности в политике и следовании им не теряют своей актуальности. Просто политическая жизнь оказалась намного более сложной, а идея приоритета демократических ценностей и прав человека перед национальным суверенитетом (не всегда выдерживающим жесткий моралистический суд Гавела) тоже не совсем правомерна.

Гавел активно выступал за расширение демократии на Украине и в Белоруссии. В видеопоздравлении 21 февраля 2004 г., приветствуя участников конференции «Украина в Европе и в мире», он подчеркнул: «Считаю вашу конференцию чрезвычайно важной и уверен в ее интересных результатах и политическом значении. Почему я так думаю? Потому, что речь идет не только о будущем Украины, но и о самой структуре будущего мирового порядка» [25]. Гавел оказывал поддержку кандидатуре В. Ющенко на пост президента Украины. Осенью этого года он в числе ста известных политиков и интеллектуалов Европы и США выступил с резкой критикой стиля руководства В. Путина и высказал опасение, что российский президент воспользуется трагедией Беслана для усиления своей власти и установления авторитарного режима [26].

В ноябре 2005 г. претензии такого рода повторились: семь бывших государственных лидеров поставили свои подписи под письмом Гавела, адресованным российскому президенту Владимиру Путину. В нем, в частности, указывалось: «Информация, которой мы располагаем и которую подтверждают независимые средства массовой информации, вынуждает заподозрить, что российские власти оказывают неприемлемое давление на оппозицию, СМИ контролируются, а суды более не являются независимыми». «В странах, – говорилось в нем, – с развитым гражданским обществом в случае падения или смены правительства никакого несчастья не произойдет, а в странах, где гражданского общества нет, каждый политический кризис может обернуться огромным несчастьем для целого народа» [27].

Неудивительно, что в марте 2006 г. накануне визита Путина в Чешскую Республику Гавел и ряд общественных деятелей опубликовали обращение, в котором критиковали Россию за военные действия в Чечне и за информационный «туман» в освещении этих действий.

В преддверии 70-летия Гавела вышла в свет его книга «Пожалуйста, коротко» («Prosím stručně»), составленная из дневниковых записей, инструкций сотрудникам Пражского града и интервью с публицистом К. Гвиждялой⁵. Накануне юбилейного торжества в здании посольства Украины в Праге он получил орден князя Ярослава Мудрого – высшую награду Украины. Но интерес вызвало другое: на встрече 9 октября 2006 г. двух президентов Вацлавов: Клаус пригласил к себе в гости Гавела. Обед прошел «в теплой дружеской атмосфере», что значило: состоялось их примирение, хотя бы на официальном уровне.

Затем наступило трехлетие (2007–2009) юбилеев тех событий, в которых Гавел играл ключевые роли: 30-летие Хартии 77, 40-летие Пражской весны и военного вторжения в Чехословакию и 20-летие «бархатной» революции.

Возвращаясь к событиям, связанным с Хартией 77, на конференции 21 марта 2007 г., посвященной 30-летию выхода в свет ее Воззвания, Гавел напомнил: хартистов постоянно упрекали в том, что они якобы слишком часто ссылались на государственные нормы, такие, как конституция, законы и международные пакты, несмотря на то, что это были законы преступного режима, который приходилось даже призывать к диалогу. Гавел отметил, явно адресуясь к зарубежной аудитории: «Мне хотелось бы подчеркнуть, что принцип “поймать их на слове” – это не просто более простая на тот момент, нежели вооруженное сопротивление, тактика. Это было нечто более глубокое. Это была реабилитация слова. Это была реабилитация духа [...] Весь наш опыт, все то, через что мы прошли, нас побуждает, провоцирует и обязывает к большему пониманию тех, кто и поныне живет при авторитарных или тоталитарных режимах. Таких режимов на земном шаре еще много. Ныне у нас есть целая палитра возможностей помочь, поддержать тех, кто сейчас находится в ситуации, аналогичной той, в какой находились мы тридцать лет назад» [29].

Особенно, по его убеждению, это касается стран бывшего советского блока, вставших на демократический путь. Здесь наследие Хартии 77 должно использоваться «для сопротивления и критики национализмов, отголоски которых все чаще слышны в Центральной и Восточной Европе и могут перерасти в реальную опасность. Кто же еще [...] должен перед ними “поставить зеркало”, отражать грозящую опасность и предупреждать о ней, если не наследники предшествующего сопротивления, борového за права человека? Ибо сейчас речь снова идет о правах человека» [29].

⁵ Издание является своего рода продолжением книги, представлявшей собой беседы с К. Гвиждялой накануне 50-летнего юбилея Гавела [28].

Подобного рода призыв со стороны бывшего президента Чехословакии, а затем Чешской Республики прозвучал не впервые, и он свидетельствует о глубоком понимании текущих политических процессов в Европе. В более широком политическом контексте позиция Гавела отличалась дальнейшей поддержкой установок евроатлантизма. Так, в августе 2007 г. он поставил свою подпись под петицией, поддерживающей размещение американского радара системы ПРО в Чехии [30]. Правда, активных противников строительства американского радара в Чехии было намного больше, чем сторонников (по данным социологического опроса, против выступали 70% опрошенных) [32].

Посещая в 2007 г. многие страны, Гавел постоянно припоминал дух Хартии 77, резко высказываясь по текущим политическим процессам. Выступая на презентации своей книги 4 сентября в Кракове, он указал и на необходимость проведения в Польше внеочередных выборов, на которых должны присутствовать международные наблюдатели [32. 2007. 4 IX]. Этот пассаж его речи вызвал, судя по польской прессе, резко негативные оценки представителей самых различных сегментов политического спектра страны, посчитавших подобного рода наставления неуместными [32. 2007. 4 IX]. Но уже 6 сентября в СМИ сообщалось о присвоении Гавелу на экономическом форуме в польском городе Крынице звания «Человек Центральной Европы» [33].

В октябре 2007 г., после двенадцатилетнего перерыва, Гавел посетил Москву и поздравил с 90-летием режиссера Ю. Любимова, а затем встретился с российскими правозащитниками и оппозиционерами в Центре им. А.Д. Сахарова. Он принял участие в дискуссии о гражданском обществе в России с правозащитниками, включая Л. Алексееву, Е. Боннэр, С. Ковалева и других, дав согласие войти в состав создаваемого международного комитета по защите политических заключенных и узников совести, в первую очередь российских.

На конференции 28 февраля 2008 г. в Бельгии Гавел вновь выступил с иностранным докладом «Пять замечаний по теме НАТО», в котором, в частности, призывал к установлению восточных границ Евросоюза и НАТО. «С моей точки зрения, – отметил он, – она начинается границей России со странами Прибалтики, продолжается российской границей с Украиной и Белоруссией и тянется к Черному морю. Это очевидно при взгляде на карту и более-менее соответствует историческому и культурному развитию» [34]. Кроме этого Гавел выразил обеспокоенность по поводу развития ситуации в России: «Восточнее территории, которая находится под защитой НАТО, медленно, но верно возникает сравнительно новый тип диктатуры [...] обновляется система формальной демократии и власти одной партии, как это было во времена коммунизма» [34]. Если раньше Москва оказывала давление политическими и военными средствами, то теперь ей, по словам Гавела, часто удается разделить европейские страны благодаря своей энергетической политике.

В интервью газете «Lidové noviny» в марте 2008 г. Гавел в очередной раз утверждал: «Эра президента Путина принесла новый тип диктатуры, опасный уже лишь своей невыразительной формой. Удивительно, что в ней содержится все самое плохое как от коммунизма, так и от капитализма. Это породило в России новый правящий тандем – мафию и КГБ» [35]. Данные заявления появились в связи с юбилеем событий августа 1968 г. в Чехословакии. Гавел как бы утверждал: так было (в интервью он рассуждал о России, как о стране с многовековой традицией поклонения монархам, будь то царь, генеральный секретарь или президент), так есть и так будет. Что касается будущего, то его Гавел рассматривал, исходя из сохранившейся, по его мнению, в России имперской логики: если России когда-то что-то принадлежало, то это принадлежит, хотя бы отчасти, и по сей день. Отсюда и желание российских политиков не допускать размещение радаров на территории страны, когда-то подвергшейся оккупации.

Август 2008 г. ознаменовался, согласно Гавелу, вспышкой агрессии России по отношению к Грузии. Эта акция, как часто повторял он, явилась подтверждением неизменности курса имперской политики России как евроазиатского государства. Особенно примечательно в данном отношении его интервью итальянской газете «Corriere della Sera» 27 ноября 2008 г. под названием «Права человека и демократия – и никакой скидки России». «Бывший коммунистический блок, – говорилось в нем, – имеет перед Западом большой долг, который он может погасить привлечением в Евросоюз своего опыта равновесий и стратегий, накопленных в тени русского гиганта. Он давит на Грузию через военную оккупацию, а на другие страны через экономическую и политическую. И все же я за вступление в НАТО Грузии и Украины и даже Белоруссии, когда она освободится от режима Лукашенко» [36. 2008. 27 XI]. В интервью Гавел говорил также о погибших в России 150 журналистах, о размещении ракет в Калининграде и т.д. Эти же сюжеты повторялись в выступлениях на ряде других международных форумов. Так, в сентябре 2008 г. на конференции «Мир, демократия и права человека в Азии», проходившей в Праге, Гавел назвал Россию и Белоруссию «новыми утонченными формами диктатуры, сформировавшимися в последнее время». «Запад, евроатлантический мир, – заявил он, – Е[вропейский] С[оюз], Соединенные штаты не должны [...] бояться говорить о том, что им не нравится в российской политике, в российских действиях» [37]. Гавел был непоследователен в своем моралистическом подходе к политике, особенно с учетом того, что президент В. Клаус занимал в отношении России более взвешенную позицию.

2009 год ознаменовался провозглашением «перезагрузки» отношений между Россией и США – процессом с крайне трудной судьбой. Характеризуя ее начальные этапы, Гавел выразил опасения, что интересы стран Центральной и Восточной Европы «возложат на алтарь соглашений с Россией». В открытом письме американскому президенту Б. Обаме он наряду с некоторыми известными европейскими политиками, включая В. Адамкуса, Л. Валенсу, А. Квасневского, а также бывших министров из Венгрии и Болгарии, предупреждал Обаму об опасности дружбы с Кремлем и о том, что Европа может исчезнуть из сферы американских интересов [38].

Данная опасность, как полагал Гавел, связана в первую очередь с экономической экспансией России, богатой нужными Европе энергоресурсами. Подобными мотивами были наполнены выступления Гавела в связи с 20-летием «бархатной» революции, особенно в Карловом университете и Сенате. В первом из них прозвучал призыв «Люди, будьте бдительны!», заимствованный у казненного нацистами в годы Второй мировой войны писателя-коммуниста Ю. Фучика. Тем самым Гавел снова обратил внимание на существующие по-прежнему в мире диктаторские и тоталитарные системы [39].

Как и в предыдущих своих выступлениях, он в очередной раз подверг критике современную Россию: «Эра диктатур и тоталитарных систем в целом не закончилась. Возможно, она завершилась в своих классических формах, известных нам из XX века, однако рождаются новые, более изощренные способы овладения обществом, что требует бдительности, осторожности, предусмотрительности, изучения проблемы и видения перспективы» [39]. Следовательно, и революции против них должны приобрести новые формы. Можно сказать, что тем самым Гавел предвидел их появление, что вскоре оправдалось для многих регионов мира, в первую очередь арабского.

Посредством видеосвязи Гавел на праздновании 20-летия ноябрьских событий 1989 г. общался с президентом Б. Обамой, назвавшим «бархатную» революцию источником вдохновения для народов, стремящихся жить свободно; канцлером Германии А. Меркель, оценившей восстановление демократии в соседних с Германией странах как условие объединения Германии; М. Горбачевым и далай-ламой.

Непосредственное участие в торжествах в Праге приняла и бывшая госсекретарь США М. Олбрайт.

Предупреждение о необходимости бдительности в отношениях с Россией и в 2010 г. звучали в речах Гавела постоянно. Он говорил, что политические преследования там не прекращаются, особенно в отношении неудобных журналистов. Правда, в интервью 25 октября 2010 г. Би-Би-Си он отметил, что хотя, конечно же, следует опасаться безудержной экспансии российского капитала, но «мы хотим развивать дружеские отношения с Россией. Для этого надо говорить правду друг другу. Россия – огромная страна. Она стоит как бы особняком на евразийском пространстве. И в этом ее самобытность. Я считаю бессмысленным, однако, вступление России в НАТО» [40].

В июле 2011 г. Гавел заявил, что вернет престижную немецкую премию «Die Quadriga», если ее получит В.В. Путин. В итоге 3 октября, в день единения Германии, премию не присудили никому (ранее из представителей бывшего СССР ее обладателями стали М.С. Горбачев и В. Ющенко). Данная акция приобрела широкий международный резонанс, но надо заметить, что подобные заявления привлекли меньшее внимание чешской общественности, обсуждавшей скандал вокруг постановки пьесы Гавела «Уход» – его супруге Д. Гавловой отказали в главной роли. По этому последнему произведению Гавела был поставлен фильм в режиссуре самого автора; его показ прошел на Московском международном кинофестивале в июне 2011 г. Что неудивительно: Гавел практически до конца своих дней, критикуя внешнюю политику России, высказывал уважение к русской культуре.

Последний год жизни Гавела отличался насыщенностью яркими событиями, которые снова привлекли к нему внимание всего мира: его идеи в новых типах революции вновь оказались востребованными, однако они снова встретили далеко не однозначную реакцию: события во многих странах оказались далеко не «бархатными».

Весной 2011 г. Гавел назвал ливийского лидера М. Каддафи «сумасшедшим преступником», считая, что в случае продолжения беспорядков в Ливии станет неизбежным участие западных миротворцев [41]. «Если конфликт затянется и Каддафи будет продолжать свои преступления, вмешательство будет необходимым», – заявил он, призвав Запад вспомнить бывшую Югославию, где Североатлантический альянс долго не решался применить силу [42]. Президент Клаус, со своей стороны, выступил против военного вмешательства Запада в дела Ливии. «Я, – подчеркнул он, – с господином экс-президентом не соглашаюсь по многим вопросам. Больше всего тогда, когда он выступал за бомбежку Белграда. И в вопросе с Ливией я с ним не соглашусь» [43]. Запад при этом не соглашался скорее с Клаусом, чем с Гавелом.

Осенью, готовясь к 75-летию, В. Гавел заблаговременно отпраздновал свой юбилей на вечеринке, которую профинансировал чешский миллиардер З. Бакала. Вскоре после этого Гавел снова оказался вовлечен в активную политическую жизнь, связывая свои надежды с развитием разновидности «бархатной» революции уже в России. Реагируя на то, что происходило после выборов в Госдуму 4 декабря, он писал, что «российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех известных форм посткоммунизма, с этакой особенной комбинацией старых стереотипов и новой бизнес-мафиозной среды». Митинг на Болотной площади оценивался им как «эхо крушения “железного занавеса”», «отзвук политических перемен 1989–1990 годов». Задача российской оппозиции, по мнению Гавела, заключается в том, чтобы убедить россиян в том, что «режим, который преподносится им под видом демократии, никакой демократией не является» [44].

Естественно, Гавел не мог выступить по-другому, и это получило широкое одобрение в рядах оппозиции. Одно из последних интервью он дал «Новой га-

зете» за две недели до смерти. В комментариях к нему В. Ярошевский писал: «Чехам повезло с таким лидером. Нам, русским, остается только завидовать. Никого, похожего на Гавела, в российской истории второй половины прошлого века не было. Ни по масштабу, ни по убеждениям, ни по твердости духа» [44].

Действительно, даже самая последняя политическая акция Гавела подтверждает эту оценку. За неделю до кончины он, наряду с далай-ламой, китайским диссидентом Янг Цзяньли, бывшим французским министром иностранных дел Б. Кушнером, иранской правозащитницей, лауреатом Нобелевской премии за мир Ш. Эбади и одним из составителей Всеобщей декларации прав человека 1948 г. С. Эсселем, подписал в Праге декларацию, в которой международное сообщество призывалось к поддержке всех диссидентов в мире [45]. Стагнация или ухудшение в области соблюдения прав человека, говорится в документе, внушают тревогу за будущее мира: «Расширяющаяся прагматичная тишина, подгоняемая экономическими интересами некоторых богатых западных стран, является для нас источником больших опасений»⁶.

Гавел умер 18 декабря 2011 г. в Градечке. Его постоянный соратник и соперник на политическом поприще В. Клаус, выразив общую скорбь по поводу кончины великого чеха, подчеркнул его бесстрашие в борьбе против тоталитаризма и признал, что именно он был лидером революции, изменившей судьбу страны. «Вацлав Гавел, – сказал чешский президент, – стал символом современного чешского государства. Это звание он заслуживает за свою бесстрашную борьбу с тоталитарным коммунистическим режимом, за то, что был вождем нашей “бархатной” революции, и за то, что стал первым президентом нашей свободной страны. Он сделал все, чтобы Чешская Республика быстро стала частью сообщества свободных демократических государств. Лично я питаю уважение к Вацлаву Гавелу с момента нашей первой встречи в 60-х годах, когда у меня появилась возможность познакомиться с ним. Именно он был тем человеком, который меня в ноябре 1989 года пригласил принять участие в работе рождавшегося тогда Гражданского форума. Плодотворными я считаю и наши встречи, а иногда и полемику, в девяностые годы, когда мы оба занимали высшие посты в государстве» [46].

Уважение к своему лидеру выразили и граждане Чешской Республики. Девять из десяти чехов в конце декабря 2011 г. положительно оценили работу Гавела-президента: для 23% опрошенных он был хорошим президентом, а для 12% – прекрасным. 11% респондентов ценили президента за его человечность, 8% считали его, прежде всего, хорошим человеком, 10% оценили его деятельность негативно. Более трети (36%) чешских граждан уверены, что без Гавела Чехия не вошла бы в НАТО, а 34% полагают, что вхождение Чехии в альянс не является его заслугой, пятая часть респондентов (23%) не видели во вступлении в НАТО ничего позитивного. Почти 70% опрошенных считали, что первый чешский президент должен получить Нобелевскую премию мира [47].

Интересна и самохарактеристика В. Гавела: «У меня была очень пестрая жизнь. Интересно то, что жизнь моя была полна приключений, хотя я и не являюсь героем-авантюристом. Я весьма спокойный, незаметный, трезво мыслящий человек. А то, что жизнь была с приключениями, скорее, виновата судьба, ход истории, а не то, что я их искал» [48]. Так говорил человек, повлиявший на ход истории. И не только своей страны.

Журнал «The Economist» писал в статье под названием «Жить по правде. Непритязательный человек, который через свои пьесы и политику учил тому, как

⁶ Следует особо подчеркнуть, что именно Гавел был первым среди президентов, который принял четырнадцатого далай-ламу не как духовного вождя, а как главу государства. Они поддерживали дружеские отношения, отмечая, что политику нужно вести в соответствии с идеалами, а интерес к правам человека не должен подчиняться экономическому лоббированию, давлению, экономическим интересам. Тем самым Гавел оставался верен своим идеалам до последних дней жизни.

можно не повиноваться тирании и победить», что Гавел хотел, чтобы его сограждане жили в мире, не потрясаемом политикой. «Его гений сводится не только к победе над коммунизмом, но и к выходу из его руин, включая успокоение страстей, изгнание духа враждебности и предотвращение реванша. При этом он меньше верил в себя, чем в свои идеи», – заключает журнал [16. Р. 26].

Действительно, Гавел многое изменил в жизни Центральной Европы, а политики всего мира учились и будут учиться у него тому, как надо сопрягать приверженность высоким моральным ценностям, которые часто представляют политику неполитической, а власть делегируют безвластным. Еще в 1995 г. многими отмечалось, что Гавел занял видное место в их ряду, поскольку сделал честность в политике своим приоритетом (см. [50]). И как бы политики-манипуляторы ни сомневались в том, что она в принципе недопустима в данной сфере жизнеобеспечения общества, весомость данной позиции и авторитет ее выразителя непререкаемы. Дело, на наш взгляд, в другом: едва ли нужно признавать ценности высокого морализма принадлежностью лишь какой-то одной цивилизации, скажем, той же евроатлантической.

В целом же Гавел – политик принципиально нового типа, востребованного уже новым веком, но не изученного в полной мере. Потому столь интересным представляется и его путь от диссидентства к президентству, вхождение во власть на волне народного энтузиазма и постпрезидентская политическая активность этого «одного из мудрейших мужей» (Н. Саркози), «великого европейца» (А. Меркель), «создателя единой Европы» (Б. Обама) – как о нем говорили после смерти политические деятели Запада.

Отдала должное памяти Гавела и общественность России. 23 декабря 2011 г. прошло заседание в обществе Мемориал, на демонстрациях оппозиционных сил 24 декабря его память была почтена минутой молчания, а поэт Е. Евтушенко откликнулся на смерть Гавела стихотворением, в котором есть следующие строки: «Теперь все не верят политикам на слово, / Не зная, что скрыто у них на уме, / Но люди поверили в Гавела Вацлава, / Спасшего право на Слово в тюрьме».

Ими и хотелось бы завершить данную статью, надеясь на то, что беспристрастная работа по изучению жизненного пути и политической биографии Вацлава Гавела – великого чеха и европейца – будет продолжена историками и другими исследователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Задорожнюк Э.Г.* Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003; *Задорожнюк Э.Г.* Хартия 77 и концепция «параллельного общества» в Чехословакии // Новая и новейшая история. М., 2008. № 5; *Задорожнюк Э.Г.* Хартия 77: уроки тридцатилетней истории // Свободная мысль. М., 2008; *Задорожнюк Э.Г.* Вацлав Гавел – от диссидентства к президентству // Свободная мысль. 2010. № 12; *Задорожнюк Э.Г.* Диссидентское движение в Чехословакии: ключевая идея и формы реализации // *Šrodkowoeuropejskie studia polityczne. Poznań*, 2010. № 3; *Задорожнюк Э.Г.* Вацлав Гавел: провозвестник революций нового типа // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2011. Вип. XXX и др.
2. *Keane J.* Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. London, 1999.
3. Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1. Горбачев М.С. Запись беседы М.С. Горбачева с президентом ЧССР В. Гавелом. 26 февраля 1990 г.
4. *Havel V.* O dialektické metafyzice // *Havel V.* Protokoly. Praha, 1966.
5. *Pelikán J.* Sozialistische Opposition in der CSSR. Frankfurt a. M.; Köln, 1974; *Kusin V.V.* From Dubček to Charta 77. Edinburgh, 1978; *Dvě desetiletí před listopadem 89.* Sborník. Praha, 1993; Klub za socialistickou přestavbu – Obroda. Praha, 1996.
6. *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.). М., 2008. Приложение.
7. *Лукеш Я.* Пять этапов жизни драматурга и политика Вацлава Гавела // <http://www.russ.ru/persons/98-12-25/lukes.html>

8. Charta 77: Dokumenty 1977–1989. Praha, 2007. Sv. 3.
9. Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace. 1990.
10. *Jackson J.O., Calabresi M.* The Death of the Playwright-President: Vaclav Havel (1936–2011) // *Time*. 2011.18 XI.
11. *Havel V.* O lidskou identitu. Praha, 1990.
12. *Гавел В.* Сила бессильных. Пер. с чешского. Минск, 1991.
13. *Пречан В.* Чехословакия на пути к демократической революции // Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.
14. Václav Havel – Vilém Prečan. Korespondence (1983–1989). Praha, 2011.
15. *Kaiser D.* Dissident. Václav Havel 1936–1989. Praha, 2009.
16. The Economist.
17. *Bartuška V.* Polojasno: Pátání po vinících. Praha, 1990; *Suk J.* K prosazení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta v prosinci 1989: Dokumenty a svědectví // *Soudobé dějiny*. 1999. № 3–4.
18. *Гавел В.* Гостиница в горах. Перевод с чешского. М., 2000.
19. <http://www.tertech.cz/images/Havel%20speech%20source%20and%20translation.pdf>
20. Newsweek.
21. <http://www.nytimes.com/2007/09/23/books/review/Berman-t.html?ref=vaclavhavel>
22. Независимая газета.
23. Address by Vaclav Havel, President of the Czech Republic «Europe and the World». Senate. Rome. 2002. 4 April // <http://www.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html>
24. <http://www.radio.cz/ru/statja/27561>
25. http://archive.vaclavhavel-library.org/kvh_search/itemDetail.jsp?offset=330&fq=DruhDokumentuNavEn:%22Speech%22&id=3795
26. <http://blisty.cz/art/19961.html>
27. <http://www.novinky.cz/domaci/69877-havel-pise-putinovi-obava-se-o-ruskou-demokracii.html>
28. *Havel V.* Dálkový výslech. Rozhovor s Karlem Hvižďalou. Praha, 1990; *Гавел В.* Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой. Пер. с чешского. М., 1991.
29. http://archive.vaclavhavel-library.org/kvh_search/itemDetail.jsp?offset=360&fq=DruhDokumentuNavEn:%22Speech%22&id=3848
30. http://zpravy.idnes.cz/havel-na-festivalu-podepsal-petici-pro-radar-fmb-/domaci.aspx?c=A070818_194442_domaci_ton
31. <http://zpravy.ihned.cz/cesko/c1-35898150-proti-radaru-je-nejvic-lidi-od-roku-2007-dva-ze-tri-cechu>
32. Rzeczpospolita.
33. <http://www.blesk.cz/clanek/radce-penize/73746/polaci-vzali-havla-na-milost.html>
34. http://archive.vaclavhavel-library.org/kvh_search/itemDetail.jsp?offset=440&fq=DruhDokumentuNavEn:%22Speech%22&id=3865
35. Lidové noviny 2008.19III; http://vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=rozhovory&val=2042_rozhovory.html&typ=HTML
36. Corriere della Sera.
37. <http://www.novinky.cz/domaci/149190-havel-oznacil-rusko-a-belorusko-za-autoritativni-rezimy-noveho-typu.html>
38. http://zpravy.idnes.cz/dokument-otevreny-dopis-vychodoevropskych-politiku-baracku-obamovi-1kg-/zahranicni.aspx?c=A090716_214930_zahranicni_dp
39. <http://zpravy.e15.cz/domaci/havel-zacal-s-oslavou-20-vyroci-sametove-revoluce-debatou-se-studenty>
40. http://www.bbc.co.uk/russian/interactivity/2010/10/101022_interview_vaclav_havel.shtml
41. http://zpravy.idnes.cz/zasah-v-libyi-je-nutny-mini-havel-klaus-s-nim-zasadne-nesouhlasi-pwz-/domaci.aspx?c=A110307_072357_domaci_hv
42. <http://aktualne.centrum.cz/domaci/spolecnost/clanek.phtml?id=693145>
43. <http://aktualne.centrum.cz/domaci/politika/clanek.phtml?id=693174>
44. <http://www.novayagazeta.ru/comments/49939.html>
45. <http://www.ceskenoviny.cz/zpravy/dneskem-se-uzavre-navsteva-dalajlavy-v-praze/727353>
46. <http://aktualne.centrum.cz/analyzy-a-specialy/clanek.phtml?id=725840>
47. <http://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Devet-z-deseti-Cechu-hodnoti-Havla-jako-dobreho-prezidenta-217917>
48. <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/chelovek-vernuvshij-chexiyu-v-evropu>
49. *Задорожнюк Э.Г.* Драматургия президентства. Штрихи к политическому портрету Вацлава Гавела // Кентавр. М., 1995. № 5.

© 2012 г. П.А. ИСКЕНДЕРОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ИДЕИ «ВЕЛИКОЙ АЛБАНИИ»

Статья посвящена анализу исторических корней идеи так называемой Великой Албании. Впервые она была сформулирована участниками Албанской (Призренской) лиги 1878–1881 гг., делегаты которой потребовали объединения всех албанонаселенных земель Османской империи в рамках единого вилайета. Позднее данная идея стала ключевым элементом албанского национально-освободительного движения. Сегодня создание «Великой Албании» является основной целью албанских радикальных движений в различных балканских государствах.

The article analyses the historical roots of the concept known as Great Albania. First it was formulated by the members of the Albanian (Prizren) League in 1878–1881. Its delegates demanded to gather all the Albanians-populated lands of the Ottoman Porte in the framework of one vilayet (administrative unit). Later this concept became the key element of the Albanian national liberation movement. Nowadays the making of «Great Albania» is one of the primary aims of Albanian radical movements in different Balkan states.

Ключевые слова: Албания, Сербия, Россия, Балканы, этничность, национализм, международные отношения

На протяжении последних полутора столетий идея создания на Балканах «Великой Албании» переживает перманентный подъем. Как отмечал еще в 1982 г. – во времена социалистической власти Э. Ходжи – один из правительственных чиновников тогдашней Албании Бечир Хоти, «албанские националисты имеют платформу, состоящую из двух пунктов [...] первый – создать то, что они называют этнически чистой албанской республикой, и затем объединиться с Албанией для того, чтобы создать Великую Албанию» [1].

В 1999 г. тогдашний посол США в Македонии Кристофер Хилл озвучил справедливую мысль: «Мы провели 1990-е годы в беспокойстве о “Великой Сербии”. С этим покончено. В следующее столетие мы уверенно вступим, испытывая беспокойство из-за “Великой Албании”» (подробнее см. [2]).

Сами албанцы в лице, в частности, интеллектуальной элиты предпочитают не использовать термины «Великая Албания» и «паналбанизм», чтобы не тревожить лояльное к ним мировое общественное мнение. Вместо этого активно применяется термин «албанский национальный вопрос», получивший всестороннее рассмотрение в обнародованном в 1998 г. в Тиране меморандуме Албанской академии наук под названием «Платформа для решения национального албанского вопроса». В документе данное понятие определялось как «движение за освобож-

Искендеров Петр Ахмедович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГНФ в рамках исследовательского проекта РФГНФ («“Великая Албания”: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

дение албанских земель от иностранной оккупации и их объединение в отдельное национальное государство» [3. Р. 5]. Обсуждению современного состояния «албанского национального вопроса» была посвящена и прошедшая в 1976 г. в Тиране с большой помпой Национальная конференция этнографических наук. На ней отмечалось, что около пяти миллионов албанцев продолжают оставаться за пределами собственно Албании [4. Р. 19].

Впрочем, далеко не все в самой Албании согласны со столь расширительной трактовкой албанской национальной идеи. Среди скептиков – видный албанский интеллектуал Ф. Любонья, заявивший в апреле 2002 г., что «мечта албанцев об объединении являлась частью их коллективного сознания, не становясь политической программой по причине того, что албанцы всегда были очень слабыми» [5. Р. 2].

Обнародованные в 2007 г. результаты исследования, проведенного Программой развития ООН в октябре – декабре 2006 г., показали, что лишь 2.5% косовских албанцев считают объединение Косово с Албанией наилучшим способом решения косовского вопроса. И наоборот, 96% из них выступили за то, чтобы Косово стало независимым в своих нынешних границах [6. Р. 16].

Однако согласно итогам опроса, проведенного агентством «Гэллап Балкан Монитор» уже в январе 2010 г., подавляющее большинство граждан Албании и края Косово, в одностороннем порядке провозгласившего в феврале 2008 г. независимость от Сербии, уже выступали за создание «Великой Албании». На вопрос о поддержке этой идеи утвердительно ответили 74.2% респондентов в Косово и 70.5% – в Албании. При этом 47.3% участников опроса в Косово и 39.5% в Албании считают, что появление великоалбанского государства в его самых широких этнических границах возможно уже в ближайшем будущем. На протяжении 2010 г. уровень симпатий к идее «Великой Албании» в Косово еще больше вырос и достиг 81%. Кроме того, эту идею поддерживают свыше половины македонских албанцев (53%) [7. Р. 48].

Данные наглядно свидетельствуют о происходящей в умах албанского населения Балкан опасной «переоценке ценностей». Так что вряд ли стоит особо доверять нынешним заклинаниям ведущих международных организаций об «уникальности» косовского случая и твердом намерении руководства ООН и Европейского союза противостоять дальнейшему дроблению Балкан. В опубликованном в феврале 2004 г. докладе «Международной кризисной группы» утверждалось, что «представления о паналбанизме гораздо более многоплановые и сложные, чем привычные черновые характеристики этнических албанцев, которым природно присущи наклонности к созданию “Великой Албании” или “Великого Косово”. Поучительно, что и Армия освобождения Косово (АОК), и Национально-освободительная армия (НОА – албанское вооруженное формирование, действовавшее в Македонии в 2000–2001 гг. – *П.И.*) начали завоевывать народную поддержку соответственно в Косово и Македонии как раз тогда, когда они отошли от своих первоначальных паналбанских националистических целей и сконцентрировались на достижении больших прав для своих собственных народов. Албанской национальной армии (АНА – нелегальное вооруженное формирование в Косово, возникшее на базе АОК. – *П.И.*), которая публично защищала идею “Великой Албании”, никогда не удавалось завоевать народное доверие. Насилие в целях создания “Великой Албании” или любого изменения границ не является ни политическим популярным, ни морально оправданным» [5. Р. 1].

Между двумя полюсами оценок – о неизбежности насильственной реализации на Балканах идеи создания «Великой Албании» и о надуманности самого албанского вопроса в его общебалканском контексте – лежат многочисленные публикации, в которых делается попытка понять специфику развития сербо-албанских отношений на протяжении веков, выявить узловые точки противостояния сербов

и албанцев, наметить пути их сближения и взаимодействия. Количество подобных статей значительно возросло после самопровозглашения независимости Косово. «За неточностью терминов “косовар”, “албанец” или “албаноговорящий” стоят века беспокойной истории постоянного переустройства Балкан», – указывает, к примеру, авторитетный швейцарский публицист Жан-Арно Дерен. По его весьма справедливому мнению, «за терминологической неточностью скрываются важные споры о национальной идентичности и переустройстве в соответствии с этой идентичностью албанского мира на Балканах». «На Балканах государственные границы – старые и новые – никогда не совпадали с границами проживания разных народов, что привело к появлению значительных национальных меньшинств. В этой конфигурации Косово занимает особую позицию, потому что это крайне исторически нагруженная территория, где сталкиваются антагонистические национальные притязания», – указывает автор. Именно поэтому, по словам Дерена, «когда сербы говорят о своих монастырях в Косово, албанцы отвечают, что они были построены на руинах более древних албанских католических монастырей, но этот факт труднодоказуем и не имеет большого значения: по меньшей мере до XIII в. этот регион находился под влиянием то Византии, то Рима, а в Косово вместе живут различные народы, в том числе сербы и албанцы [...] Один из наиболее употребительных балканскими националистическими движениями аргументов – утверждение о древности и даже автохтонности своего народа» [8].

Так рассуждают сегодняшние политики и политологи. Насколько их оценки, сомнения и прогнозы отвечают исторической правде?

Первыми документами, в которых было закреплено требование лидеров албанского национального движения об объединении всех албанонаселенных районов тогдашней Османской империи в единое государственно-административное целое, стали программы Призренской лиги – политического объединения албанцев, возникшего летом 1878 г. в качестве реакции местных лидеров на попытки великих держав прочертить в Балканском регионе новые государственные границы. Принятый в июле 1878 г. документ под названием «Карарнаме» («Книга решений») выдвинул такие цели, как «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий» и «объединение всех населенных албанцами территорий в одну провинцию» [9. С. 18]. Кроме того, в решениях Призренской лиги подчеркивалось негативное отношение албанцев к планам территориальных приращений соседних албанских государств за их счет: «Имея перед глазами балканскую землю, мы не позволим ни за что, чтобы иностранные войска топтали нашу землю». Программа предусматривала и возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов: «Представители других краев (земель), которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны» [10. С. 40]. Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения [11. Р. 33].

Эксперты в целом сходятся во мнении, что данная петиция «стала первым свидетельством того, что албанцы стремятся к территориальному объединению» [5. Р. 33]. Албанская историография и национально-государственная традиция отводят этому политическому объединению албанцев из различных районов Балканского полуострова роль организатора борьбы за освобождение и объединение албанских земель, за отстаивание национального суверенитета албанцев и противостояние попыткам великих держав и соседних балканских стран оккупировать исконные албанские земли. Возлагая вину за будущее обострение сербо-албанских отношений вокруг Косово на Белград, проводивший жесткую политику в отношении албанцев, они подчеркивают, что «отношение сербского правительства особенно поспособствовало ухудшению отношений между высланными албанцами из Южной Сербии и сербами из Косово (во время сербо-турецкой войны

1877–1878 гг. – *П.И.*). Тогда албанское национально-освободительное движение поднялось до уровня движения за автономию, общее освобождение и независимость. Оно основало и собственный руководящий орган, иными словами, создало Албанскую Призренскую лигу, которая вела борьбу против всех возможных врагов и завоевателей» [12. Ф. 268]. Схожей концепции придерживаются и некоторые российские исследователи. В частности, Н.Д. Смирнова видела в деятельности Призренской лиги важнейший этап «албанского национального Возрождения» [13. С. 25].

Однако в исторических трудах представителей других государств балканского региона существует и прямо противоположная точка зрения на роль Призренской лиги. Ее сторонники называют данное объединение и принятые им программные документы первым свидетельством великодержавных устремлений стремительно конституировавшегося в конце XIX в. албанского этноса и считают все происходящее на Балканах в последующие годы (вплоть до настоящего времени) борьбой албанцев за реализацию программы Призренской лиги на основе насильственной перекройки границ региона и подавления (в том числе физического) других балканских народов (подробнее см. [14]).

Как явствует из вышеприведенных положений «Карарнаме», документ носил достаточно сдержанный характер. В этой связи можно отчасти согласиться с мнением британского исследователя Г. Гаврича, утверждающего, что в данной программе ничего не говорилось «о реформах, школах, автономии, и даже ничего об объединении албанских земель в один вилайет» [15. Р. 46–47]. С формальной точки зрения это было действительно так, однако следует учитывать, во-первых, пестрый характер делегатов первого заседания Призренской лиги, а во-вторых – не только букву, но и дух документа. Последний не оставлял сомнений в том, что речь идет о развернутой и далекоидущей программе, подразумевавшей в конечном итоге не только обеспечение культурно-религиозных интересов, но и решение других задач национально-государственного строительства. Не случайно председательствовавший на первых заседаниях Абдюль Фрашери позднее характеризовал «основную цель собравшихся как введение в действие бесы (клятвы. – *П.И.*) оказывать сопротивление, при необходимости кровавое, любой уступке албанской территории другому иностранному государству» [15. Р. 46].

В целях объединения албанцев для защиты национальных земель, участники Лиги приняли решение о создании в Призрене Центрального комитета, координирующего, прежде всего, военные мероприятия. Члены Комитета избрали своим председателем Шейха Мустафу – религиозного лидера из города Тепелена. Комитет принял решение направить представителей во все районы, на которые распространялась юрисдикция Албанской лиги для того, чтобы подготовить отряды ополченцев, готовых выступить по первому сигналу в том случае, если великие державы примут решение о разделе албанских земель. В частности, делегаты из Шкодера пообещали в случае необходимости «поставить под ружье» до 30 тыс. вооруженных бойцов. Еще столько же предполагали выделить Тирана, Эльбасан, Охрид и Дебар, но уже объединенными усилиями. Возможности остальных районов носили еще более ограниченный характер [15. Р. 46].

Одновременно делегаты Призренской лиги направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Б. Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами» [16. Р. 45]. В Берлин отпра-

вилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с А. Фрашери. Кроме того, в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось ни принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей, ни хотя бы добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (фраза «албанская нация не существует» принадлежит председателствовавшему на Конгрессе германскому канцлеру О. Бисмарку [4. Р. 10]) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия. Следует также отметить, что и с чисто географической точки зрения «границы албанской территории в то время было нелегко определить» [11. Р. 30]. Наиболее авторитетными считались свидетельства консула Австро-Венгрии в Шкодере Ф. Липпиха, представившего в 1877 г. специальный меморандум правительству монархии Габсбургов. В нем он впервые предложил опираться на лингвистический, а не религиозный критерий при определении этнической картины региона и на этой основе ввел понятие «языковой границы» албанских земель. Соответствующая северная граница, по его данным, начиналась чуть к югу от города Бар (Антивари), шла через Колашин на Рожай (юго-западная часть Новопазарского санджака), далее до границы с Сербией по течению реки Морава, а затем пересекала долину Вардара и шла мимо Дебара вдоль северного берега Охридского озера [17. S. 8–9].

Однако в первую очередь в вопросах территориального разграничения албанских и в целом балканских земель собравшиеся в Берлине представители великих держав руководствовались интересами глобальной политики. Действуя в соответствии с принципами, заложенными канцлером Бисмарком, «конгресс занялся своим делом, не особо считаясь с национальными и местными условиями, а именно – пытаясь подправить расшатанный баланс сил на Балканах. Согласно новому устройству балканских дел, Албания претерпела урезание своей территории в пользу своих соседей» [18. Р. 50–51].

Основные положения «Карарнаме» получили дальнейшее развитие в сентябре 1878 г., когда сформировавшееся к этому времени в рамках Албанской лиги крыло радикалов обнародовало новую программу объединения. В ней, в частности, говорилось о недопущении того, чтобы «хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат», а также содержалось требование о соединении «всех албанских областей, в частности, Шкодринского и Янинского вилайетов, в единый вилайет, так называемый Албанский вилайет» [20. S. 284–285].

В аргументации и требованиях делегаты Албанской лиги ставили вопрос о принадлежности к Албании не только Чамерии, но и всего Эпира, включая города Превеза, Янина и Арта как важные экономические и военно-стратегические центры. К тому времени провинция Эпир включала в себя четыре санджака – Берата, Гирокастры, Янины и Превезы. А район, который албанцы называли «Чамерия» (или «Южная Албания»), греки именовали «Северный Эпир». В качестве одного из аргументов авторы меморандума, представленного великим державам в конце марта 1879 г., ссылались на понимаемое весьма «расширительно» историческое право: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной» (цит. по [21. С. 182]). Подобные констатации имели весьма отдаленное отношение к подлинной истории региона и самой античной Греции.

В конце марта 1879 г. А. Фрашери вместе с другим видным деятелем албанского национального движения Мехметом Али Вриони посетили, помимо Констан-

тинополя, все ведущие европейские столицы, за исключением Санкт-Петербурга: Рим, Париж, Лондон, Берлин и Вена. В ходе этой поездки албанские делегаты имели беседы, в частности, с такими видными политическими деятелями тогдашней Европы, как министры иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтон, а также глава итальянского кабинета А. Депретис. Они стремились ознакомить правительства и общественность великих держав (в подавляющем большинстве рассматривавших Албанскую лигу в качестве творения и политического инструмента турецких властей) с национальными интересами и требованиями албанцев, которые в сжатом виде были изложены в меморандуме, переданном европейским правительствам. В документе, в частности, говорилось: «Албанцы сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападения римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу?» (цит. по [21. С. 181–182]).

Подобная ситуация заставляет не согласиться с распространенной трактовкой деятельности Призренской лиги как объединения, преследовавшего исключительно оборонительные цели. Подобной точки зрения придерживается, в частности, известная американская исследовательница Б. Елавич. Признавая, что многие албанские лидеры «поддерживали программу, призывавшую к объединению албанонаселенных земель в одно политическое целое со столицей в Битоли», она, тем не менее, видит роль Призренской лиги исключительно в том, что благодаря ей «и Черногория, и Греция получили существенно меньше албанских территорий, чем они могли бы добиться в условиях отсутствия организованного протеста» [22. Р. 365–366]. «Более того, великие державы были вынуждены осознать существование и особые национальные интересы албанского народа. Опасность того, что албанские земли будут поделены между соседними балканскими государствами, сохранялась, но, по крайней мере, первый шаг в направлении национальной организации был сделан», – указывает Елавич, избегая говорить о том, что именно лидеры Призренской лиги понимали под «албанскими землями» [22. Р. 366]. Поэтому более точной представляется оценка деятельности Призренской лиги, которую дал российский албанист Г.Л. Арш, оценивающий решения Албанской лиги Призрена как «первую в истории албанского национально-освободительного движения развернутую программу политической автономии Албании» [21. С. 179].

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги – о создании общего вилайета для албанцев – как исходившее из сохранения Европейской Турции и потому носившее «протурецкий» характер [23. Ф. 115]. Однако многие турецкие исследователи – среди них С. Кюльдже – подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи» [24. Ф. 250]. Близкой по сути к этому была оценка, данная программе Лиги российской газетой «Голос», подчеркнувшей, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана» [25].

При этом не следует недооценивать не только конфессиональную и племенную, но и социально-экономическую разобщенность внутри албанского лагеря. Жители северных горных районов Албании традиционно пользовались большей степенью автономии в системе Османской империи, и потому «централизаторская политика Порты возмущала их больше, нежели южан» [11. Р. 34]. С другой стороны, тех и других объединяло стремление воспрепятствовать передаче их земель соседним государствам – Черногории и, возможно, Сербии на севере и северо-востоке, и

Греции – на юге. Что же касается крупных землевладельцев Центральной Албании, то они менее всего были склонны поддерживать радикальные национальные требования Призренской лиги. во-первых, потому что они не опасались за свои земли, а во-вторых – имели более широкое «представительство» в высших структурах иерархии Османской империи. Как справедливо указывала в этой связи российский албанист Ю.В. Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным» [26. С. 24].

Однако в Константинополе отказались даже обсуждать направленные туда резолюции, а султан Абдул-Хамид II заявил о полной неприемлемости образования отдельного албанского вилайета, назвав сторонников указанной идеи «опаснейшими врагами» Оттоманской империи и пригрозив им репрессивными мерами [26. С. 194]. В ответ по призыву А. Фрашери в Призрене в январе 1881 г. состоялся чрезвычайный албанский съезд, собравший сторонников радикального крыла Лиги. На нем был пересмотрен состав его Генерального совета, который теперь объединял исключительно сторонников широкой албанской автономии, а Национальный комитет Призренской лиги, возглавлявшийся Юмером Призрени, был наделен правительственными полномочиями. В речи перед делегатами съезда Фрашери заявил, в частности, следующее: «Порта ничего не сделает для албанцев. Она относится к нам и нашим меморандумам с величайшим презрением. Порта не предприняла ничего для того, чтобы уничтожить в албанских районах старый порядок вещей и огромную нищету, и, возможно, под давлением Европы откажется от части Албании [...] Давайте думать о себе и работать для себя. Пусть не будет разногласий между тосками и гегами (этнические группы албанцев, населяющие соответственно южные и северные районы страны. – П.И.), пусть все мы будем албанцами и создадим Албанию» [26. С. 194].

С этого времени вооруженные отряды, подчинявшиеся сформированной верховной албанской власти, перешли к активным боевым действиям непосредственно против турецких войск, в том числе в Косовском вилайете, Дебарском санджаке и в Македонии, где им удалось занять основные центры, включая города Дебар и Скопье (Ускюб). Однако попытки Лиги распространить вооруженную освободительную борьбу на другие албанские земли окончились неудачей. Шкодринский комитет был разгромлен сразу после падения Улциня, а Янинский занимался исключительно вопросами обеспечения выгодного для албанцев греко-турецкого разграничения в условиях продолжавшегося отсутствия между Афинами и Константинополем формального соглашения. Соответствующая двусторонняя конвенция была в итоге подписана лишь 2 июля 1881 г. – после военного разгрома Призренской лиги.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев. Во главе его встал печально известными карательными экспедициями против албанских повстанцев Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабоорганизованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел Скопье. В конце апреля десятитысячная турецкая армия под командованием Дервиш-паши взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над всеми районами Косово. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Лидер ее радикального крыла А. Фрашери был схвачен в районе албанского города Эльбасан и переправлен в Призрен, где был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной пожизненным заключением.

Однако Дервиш-паше (остававшемуся с войсками в Албании вплоть до конца 1881 г.) удалось «умиротворить» лишь население городов и сел, расположенных

на равнинной местности. Горные территории по-прежнему оставались вне досягаемости османских правителей. Это вынудило некоторых европейских дипломатов все-таки задуматься о новых моделях обустройства албанских земель. В частности, этот вопрос был поднят британским секретарем по иностранным делам графом Гренвилем в депеше на имя британского посла в Константинополе Дж. Гошена от 2 октября 1880 г. По его словам, правительство Османской империи уже было проинформировано о том, что ряду районов Северной Албании «может быть гарантирована определенная форма местного самоуправления» [18. Р. 55].

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косово. Как справедливо указывает албанский исследователь К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя в качестве Национального албанского движения», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады» [23. Ф. 419].

На рубеже XIX–XX вв. произошел новый подъем албанского освободительного движения, лидеры которого считали базой для своего движения все вилайеты Османской империи, где проживали албанцы. В январе 1899 г. в косовском городе Печ одним из активистов Призренской лиги Хаджи Зекой была создана новая, Печская, лига. Ее деятельность вскоре также приобрела политический характер под лозунгом предоставления автономии албанонаселенным районам Балкан.

В 1908–1910 гг. участились массовые вооруженные выступления, которые в 1911 г. переросли в крупное антитурецкое восстание. 23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший новой программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влэры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в некоторые европейские средства массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных» [27. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65].

В июле 1912 г. специальный корреспондент Санкт-Петербургской газеты «Речь» В. Викторов посетил штаб-квартиру одного из руководителей очередного албанского восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрам Цурри и Асан-бея. Риза-бей заявил ему буквально следующее: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права». «Наша теперешняя борьба, продолжил он, это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодрина, Янинского, Битольского и Косовского. Относительно пятого – Салоникского – мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами» [28].

Российские дипломатические представители на Балканах подтверждали рост влияния албанского фактора и предупреждали об угрозе, которую он несет. Как сообщал в 1912 г. в Санкт-Петербург российский консул во Влэре А.М. Петряев, «албанский народ, никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы, поглощает другую народность, за которую стоит славное историческое прошлое» [27. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52].

Собравшееся 28 ноября 1912 г. во Влёре всеалбанское Национальное собрание (Кувенд) стало важной вехой не только в истории албанского национального движения, но и в эволюции великоалбанской идеи. Принятый его делегатами акт о провозглашении независимости Албании готовился с участием представителей ряда великих держав. В частности, глава первого правительства «независимой» Албании Исмаил Кемали предварительно побывал в Вене, где обсудил планы провозгласить Албанское государство и через местную прессу очертил его границы, включавшие помимо собственно албанских земель также Битоли, Янину, Скопье, Приштину и Призрен. И хотя открывшееся в декабре 1912 г. в Лондоне Сопещение послов великих держав не признало принятый 28 ноября акт о государственной независимости Албании и решило передать многие территории, на которые претендовали лидеры албанского движения, соседним балканским странам – это не умаляет значения решений, принятых во Влёре, для дальнейшего развития албанского национального движения. Что же касается позиции великих держав – от которых тогда напрямую зависели вопросы албанского и в целом балканского разграничения – то в этой связи можно полностью согласиться с мнением Г.Л. Арша, указывающего, что «было бы неправильно [...] оценивать позицию указанных держав как “проалбанскую” или “антиалбанскую”: они руководствовались исключительно собственными империалистическими интересами» [29. С. 49]. Выступая 12 августа 1913 г. в палате общин британского парламента, председательствовавший на Лондонском совещании послов великих держав министр иностранных дел Великобритании Э. Грей не без цинизма, но вполне справедливо отметил: «Я не сомневаюсь, что, когда положение о границах Албании будет оглашено полностью, оно вызовет немало нареканий со стороны лиц, хорошо знакомых с местными албанскими условиями и рассматривающих этот вопрос исключительно с точки зрения этих местных условий, но следует помнить, что при выработке этого соглашения важнее всего было сохранить согласие между самими великими державами» (цит. по [30. С. 633]). Этот цинизм великих держав был виден и на Балканах – однако государства региона по-прежнему делали ставку на обретение международной поддержки при планировании и реализации собственных военно-политических акций.

После завершения Первой мировой войны державы в целом сохранили неизменными принципы разграничения Албании с балканскими соседями, что позволило радикальным албанским лидерам утверждать, что «почти половина тех, чья идентичность могла быть с полным правом определена как албанская, остались за пределами албанского государства» [5. Р. 3].

Подлинный ренессанс идея «Великой Албании» пережила в годы Второй мировой войны, когда Германия и Италия присоединили к оккупированной итальянцами в 1939 г. Албании обширные территории соседних балканских государств. Правящая албанская фашистская партия торжественно объявила в мае 1941 г., что почти все балканские земли, на которых проживают албанцы, отныне присоединены к Албании [31. Р. 24]. Частичное исключение составляла лишь греческая область Эпир (Чамерия в албанской топонимике), в которой итальянские оккупационные власти создали местную албанскую администрацию. Однако сама эта область оставалась под контролем базировавшегося в Афинах итальянского военного командования. Подобная ситуация сохранялась вплоть до освобождения вышеуказанных территорий сначала от итальянской, а затем от германской оккупации. Державы антигитлеровской коалиции в рамках послевоенного урегулирования приняли решение вернуть Албанию к ее прежним границам, которые в целом соответствовали решениям Лондонского совещания послов великих держав 1912–1913 гг.

Что же касается внешнеполитических приоритетов новых, социалистических, властей Албании в первые послевоенные годы, то они определялись ориентацией

на СССР и Югославию. В одном из обращений Генерального штаба Национально-освободительной армии Албании к командующему Народно-освободительной армии Югославии Йосипу Броз Тито говорилось буквально следующее: «Мы никогда не оставались без вашей помощи, о которой наш народ знает и за которую благодарен. Братство по оружию наших народов скреплено совместной борьбой, и пролитая кровь цементировала эту дружбу, которую ничто не может разрушить» (цит. по [21. С. 382]).

Как вспоминал позднее близкий соратник Тито, политик, ученый и писатель М. Джилас, югославское и албанское правительства в конце Второй мировой войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии», поскольку «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И – что [...] особенно важно – это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как отдельной республике в югославско-албанской федерации» [32. С. 96]. По сути, Тито «намного больше интересовала судьба задуманной им Балканской федерации, ядром которой стала бы Югославия. Он готов был пожертвовать Косово, чтобы сделать собственные планы привлекательными для Албании» [10. С. 20].

О том же свидетельствовали и советские дипломаты. Посланник в Тиране Д.С. Чувахин после беседы с Энвером Ходжей по итогам его визита в Белград записал 3 июля 1946 г. в своем дневнике, что «Тито считает необходимым принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании и что одной из таких мер могло бы быть открытие албано-югославской границы и отмена таможенных пошлин на этом участке границы» [33. С. 477].

Примечательно, что сам Ходжа, выступавший за передачу Косово Албании, отнесся к данной инициативе югославской стороны без особого энтузиазма. Как отметил советский дипломат, «по словам Энвера Ходжи, на поставленный маршалом Тито вопрос об открытии албано-югославской границы в районе Косово и Метохии он ответил, что этот вопрос требует специального изучения и что к нему можно будет вернуться в будущем» [33. С. 477]. По свидетельству Чувахина, албанский лидер считал, «что эта область (Косово. – П.И.), населенная в подавляющем большинстве своим албанцами, несомненно, будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь только тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими. Энвер Ходжа подчеркнул при этом, что этой точки зрения он придерживался на протяжении всей национально-освободительной борьбы и что такую же позицию в этом вопросе занимало и все руководство албанской КП» [33. С. 476].

В более поздний период правления Ходжи претензии Албании на Косово и в целом великоалбанские настроения если и не афишировались открыто, то активно культивировались путем их распространения среди населения Косово посредством активной издательской и пропагандистской деятельности, в том числе через Университет в Приштине (подробнее см. [34]).

Происшедший в начале 1990-х годов распад единой Югославии окончательно перевел проблему «Великой Албании» в практическое русло. Появившиеся к этому времени многочисленные геополитические концепции переустройства Балкан и всей Центральной и Восточной Европы, наложившись на рост национального самосознания народов, породили центробежные силы, «увлекающие национальные движения на путь отсоединения и сепаратизма» [35. С. 367]. Ведь, как известно, роль этнической идентичности и борьбы той или иной этнической группы за ее обеспечение традиционно возрастает в периоды общественных кризисов – один из которых как раз и вспыхнул в Европе в конце 1980-х годов [36. Р. 99].

Обратной стороной данного процесса закономерно стал рост великодержавных идей или «идеи “большого государства” в разных Балканских странах». Приверженцы последней «опираются на традиционные и разработанные концепции, которые появились вместе с национальными государствами непосредственно на Балканах» [37. С. 150]. В результате в балканском регионе «в последние десятилетия XX в. этническое самоопределение становится наиболее релевантным, этническая идентичность утрачивает прежнюю амбивалентность и приобретает четкие границы» [38. С. 3–4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The New York Times. 1982. 12 VII.
2. *Vaknin S.* The Union of Death. Terrorists and Freedom Fighters in the Balkans. Skopje, 2004.
3. Platform for the Solution of the National Albanian Question, Albanian Academy of Sciences. Tirana, 1998.
4. *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980.
5. Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana; Brussels, 2004.
6. United Nations Development Program: Early Warning Report. 2007. March.
7. Insights and Perceptions: Voices of the Balkans // Gallup Balkan Monitor. 2010.
8. Le Temps. 2008. 25 II.
9. *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982.
10. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1 (1878–1997 гг.).
11. *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London; New York, 1995.
12. *Brestovci S.* Marrëdhëniet shqiptare-serbo-malazeze (1830–1878). Prishtinë, 1983.
13. *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003.
14. *Искендеров П.А.* История Косово в прицеле дискуссий // Вопросы истории. 2010. № 3.
15. *Gawrych G.W.* The Crescent and the Eagle: Ottoman rule, Islam and the Albanians, 1874–1913. London; New York, 2006.
16. *Skendi S.* The Albanian National Awakening, 1878–1912. Princeton, 1967.
17. *Lippich F.* Denkschrift über Albanien. Vienna, 1877.
18. *Chekrezi K.* Albania. Past and Present. New York, 1919.
19. *Pollo S., Puto A.* The History of Albania. London, 1981.
20. *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986.
21. Краткая история Албании. М., 1992.
22. *Jelavich B.* History of the Balkans: Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge, 1983.
23. *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997.
24. *Külce S.* Osmanlı Tarihinde Arnavutluk. Izmir, 1944.
25. Голос. 1878. 29 IX.
26. *Иванова Ю.В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. СПб., 1999.
27. Архив внешней политики Российской империи.
28. Речь. 1912. 28 VII.
29. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
30. Албанский узел. М.; Л., 1925.
31. *Zolo D.* Invoking Humanity: War, Law, and Global Order. London, 2002.
32. *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.
33. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. М., 1998. Т. 1.
34. *Трнавици Х.* Моја исповест о Косову. Београд, 1987.
35. *Чертина З.С.* Первая мировая война и этничность: пробуждение вулкана // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998.
36. *Eriksen T.H.* Ethnicity and Nationalism. London, 2002.
37. *Миле П.* «Великая Албания»: фикция или реальность? // Албанский фактор кризиса на Балканах. М., 2003.
38. *Мартынова М.Ю.* Косовский узел: этнический фактор // Институт этнологии и антропологии РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 204. М., 2008.

© 2012 г. И.Ф. МАКАРОВА

«РУССКИЙ СЛЕД» В БОЛГАРСКОМ ЧЕТНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 1867 года

Статья посвящена проблемам болгарского повстанческого движения в 60-е годы XIX в. Основное внимание уделено рассмотрению роли России в организации четнических рейдов.

The article is devoted to the problems of the Bulgarians' insurgent movement in the 1860es. It focuses on the issue of Russia's interference into this movement.

Ключевые слова: болгары, четники, Россия, русские дипломаты, Османская империя, реформы.

Тему причастности России к организации болгарского четнического движения весной–летом 1867 г. в историографии афишировать не принято. Болгарские, а вслед за ними и отечественные историки традиционно акцентируют внимание на поступательном развитии болгарского освободительного движения и реализации в 1867 г. четнической тактики Г. Раковского (1821–1867), предусматривавшей создание революционерами вооруженных отрядов, призванных, в свою очередь, поднять волну народного восстания. Тезис о наличии политического заказа и субсидировании отрядов повстанцев извне в эту концепцию вписывается плохо. И хотя в новейшей болгарской историографии обозначилась тенденция к существенной переоценке деятельности национальных революционных организаций (включая обвинения в масонстве и терроризме) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], постулат об их самодостаточности принципиальных изменений не претерпел (см., например, [8. С. 151–178]), равно как и оценка роли России в событиях 1867 г.¹

Прямых свидетельств, указывающих на непосредственную причастность русских дипломатов к организации болгарских чет действительно немного. Информация подобного рода представлена в источниках крайне скупо, фрагментарно и отрывочно. Часть документов опубликована. Это, в первую очередь, материалы из сборника документов «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876 гг.» [10], архивы российского вице-консула в Пловдиве, этнического болгарина Н.Д. Герова [11–12], а также обширное Приложение к тематической монографии Д. Косева [13. С. 123–210]. Часть материалов удалось обнаружить вновь – в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Выявленная источниковедческая база, хотя и не слишком богатая в количественном отноше-

Макарова Ирина Феликсовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Едва ли не единственной работой, посвященной участию российских дипломатов в организации болгарских чет в 1867 г. так и осталась небольшая статья С. Радева, опубликованная в 1948 г. и резко раскритикованная коллегами [9].

нии, позволяет, однако, поднять вопрос о пересмотре роли России в повстанческих инициативах болгар.

Предлагаемая постановка вопроса не случайна. Для России тема антитурецких выступлений приобрела к 1867 г. стратегическое значение. Политический кризис, потрясший Османскую империю после начала восстания на о. Крит (1866–1869), привел к обострению политической ситуации на Балканах. Обстановкой, сложившейся вокруг Критского вопроса, не преминула воспользоваться Сербия, вновь подымавшая тему вывода турецких гарнизонов со своей территории. К началу 1867 г. положение в регионе русские дипломаты оценивали как критическое. По мнению российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева, приближалась «политическая катастрофа», т.е. момент гибели Османской империи и дележа ее наследства [14. Д. 534. Л. 30]. К сходной оценке склонилось и высшее политическое руководство Российской империи, санкционировавшее проработку планов по организации широкой антиосманской коалиции православных народов. В 1866–1867 гг. при посредничестве российского МИДа правительства Сербии, Греции, Черногории и Румынии провели переговоры и подписали договоры о заключении так называемого Балканского союза – организации оборонительного и наступательного характера. Велись также консультации о присоединении к нему болгар и создании единого болгаро-сербского царства во главе с династией Обреновичей (подробнее см. [13–19]). В этом переговорном процессе в качестве легитимных представителей болгарского народа выступала пророссийски настроенная часть диаспоры левобережья Дуная, группировавшаяся вокруг так называемой Добродетельной дружины – благотворительного комитета с центром в Бухаресте.

У сербского правительства имелись в отношении болгар и собственные тактические планы. В начале 1867 г. кабинет министров принял программу ускоренной подготовки к войне с Портой, включавшую в себя программу организации повстанческого движения в пограничных с Османской империей землях. Российский генеральный консул в Белграде Н.П. Шишкин докладывал в Петербург 26 февраля 1867 г. по этому поводу следующее: план министра-председателя Ил. Гарашанина предусматривает подготовку соседних областей «к восстанию образованием малых чет с целью поддержать неудовольствие, а в Европе – убеждение в невозможности турецкого управления», в случае же благоприятного развития событий предполагает «увеличить состав и число чет и принять более явное участие в поддержке восстания» [13. С. 184].

Ссылаясь на планируемое расширение Балканского союза за счет болгарской составляющей, Сербия запросила у Петербурга в дополнение к обещанному займу в один миллион червонцев сверхнормативных поставок оружия [10. Т. 3. С. 27–28.]. По поводу возможных каналов его переброски на Балканы разгорелась дискуссия. В письме от 3 июня 1867 г. Шишкин докладывал директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову, что Гарашанин предлагает создать на ближайших к Дунаю пунктах сербской границы арсеналы, из которых оружие могло бы перевозиться «через княжества в Болгарию по мере образования там партизанских отрядов и по мере распространения восстания» [10. Т. 3. С. 27]. В обсуждении вопроса был активно задействован российский генеральный консул в Бухаресте Г.Г. Оффенберг. В частности, он предложил министру иностранных дел А.М. Горчакову (письмо от 24 июня 1867 г.) использовать для этой цели оружейные склады, расположенные на Черноморском побережье России, откуда небольшие болгарские и греческие суда могли бы («на свой страх и риск») доставлять оружие непосредственно в предгорья Балкан [10. Т. 3. С. 52]. Однако идея прямого вооружения болгарских повстанцев натолкнулась на сопротивление сербской стороны. 1 июля 1867 г. переводчик белградского генерального консульства А.С. Троянский изложил Стремоухову позицию Гарашанина. Поскольку доставка

ружей непосредственно в Болгарию была сопряжена, по мнению последнего, с большими трудностями, то следовало «заменить склады оружия на ближайших к Дунаю пунктах [...] границы немедленной перевозкой оружия в Сербию». Для обсуждения дальнейших шагов по реализации этого плана Гарашанин предложил направить в Петербург свое доверенное лицо – Ат. Николича (бывшего помощника министра внутренних дел), уже перевозившего в 1863 г. оружие через княжества. Троянский также сообщил, что министр-председатель отдал приказание обратиться от имени князя Михаила к румынскому князю Карлу для получения согласия на «беспрепятственный перевоз военных принадлежностей» [13. С. 190].

Осенью 1867 г. в итоге длительных переговоров между Белградом и Петербургом Сербии было безвозмездно передано 100 тыс. ружей и предоставлен выгодный заем в размере 300 тыс. дукатов [20. С. 240]. Из этой суммы, если исходить из информации, имевшейся в распоряжении лидеров Добродетельной дружины, 40 тыс. червонцев изначально предназначались на нужды болгарских повстанцев [10. Т. 3. С. 109]. Однако, судя по переписке между Стремоуховым и Шишкиным, датируемой октябрем – декабрем 1867 г., Гарашанин, используя различные предлоги, сумел от этого обязательства уклониться [10. Т. 3. С. 109–110, 144–146; 13. С. 192–193].

Скорее всего, идея сербского посредничества в деле вооружения и субсидирования болгарских инсургентов не всегда была безальтернативным вариантом развития событий. Существуют документы, свидетельствующие, что параллельно с переговорами вокруг расширения Балканского союза русские дипломаты предприняли в начале 1867 г. ряд шагов, направленных на прямое стимулирование и финансовую поддержку повстанческого движения в болгарских провинциях.

3 марта 1867 г. российский генеральный консул в Адрианополе М.И. Золотарев направил Н.П. Игнатьеву письмо, в котором, указав на благоприятную политическую обстановку, предложил срочно приступить к конкретным мероприятиям по формированию отрядов четников [10. Т. 2. С. 396–397.]. Обсуждение деталей предстоящей операции Золотарев поручил своему доверенному лицу – Н.Д. Герову. По прибытии в Константинополь ему предстояло изложить посланнику «во всех подробностях план, к осуществлению которого важно было бы приступить уже сейчас, чтобы подготовить жителей Болгарии к событиям, представляющим неотвратимыми». «Если императорское правительство одобрит эту мысль, – подытожил Золотарев, – у нас уже есть на примете два-три человека, заслуживающих доверия и способных взять на себя руководство этими подготовительными действиями. Было бы желательно также, чтобы капитан Илия, находящийся сейчас в Сербии, появился на Балканах» [10. Т. 2. С. 396].

Как показали дальнейшие события, вооруженные отряды предполагалось высылать с территории Дунайских княжеств, используя для этого потенциал Добродетельной дружины. Не исключено, что предварительная договоренность с руководством Дружины была достигнута Оффенбегом уже к концу января 1867 г. в ходе его секретных переговоров по поводу расширения Балканского союза. Намек на это можно обнаружить в письме, направленном Геровым Игнатьеву 23 января, в котором упоминается, что почва для встречи вице-консула с представителями Дружины уже подготовлена Оффенбергом, который также намеревался информировать Петербург относительно «предмета» предстоящего «свидания» в ходе своей предстоящей командировки в Россию [11. С. 426].

Однако Геров посетил Бухарест лишь в апреле–мае. Официальным поводом для его путешествия стали имущественные дела его жены, родственницы Хр. Георгиева [10. Т. 2. С. 434] – одного из наиболее авторитетных и богатых болгар бухарестской диаспоры, входившего в руководящее ядро Дружины. Однако расходы, сопряженные с этим вояжем, были оплачены из фонда российской императорской миссии в Константинополе «по счетам чрезвычайных издержек». Упо-

минания об этих выплатах в размере более 120 червонцев встречаются в письме Н.П. Игнатьева П.Н. Стремоухову от 18 апреля 1867 г. [10. Т. 2. С. 434]. В данной связи стоит отметить, что еще в начале февраля подобных «издержек» посланник не планировал, предлагая Герову рассчитывать лишь на «курьерскую дачу в Бухарест и обратно» [11. С. 431]. Данное обстоятельство наводит на мысль о неких согласованиях по болгарскому проекту, которые были проведены позднее.

Главным дипломатическим результатом вояжа Герова стали переговоры Георгиева с сербским поверенным в Дунайских княжествах К. Магазиновичем. По словам Герова, речь на них шла о конкретных шагах по заключению союза «для низвержения турецкого ига» [10. Т. 2. С. 432–433]. Позднее, в рапорте от 9 декабря 1867 г., написанном на имя директора Азиатского департамента [21. Л. 72–73об.], вице-консул поведаль и о другом аспекте этих переговоров – о выполнении поручения Игнатьева касательно формирования отрядов четников. В частности, Геров сообщил, что еще в начале 1867 г. Игнатьев вызвал его в Константинополь и поручил «уверить» болгар, будто ему удалось добиться «у Порты автономии для них, но чтобы эта автономия была полнее и сообразнее с потребностями их, потребовал написать ему проект желаемых реформ». Для продвижения этих реформ он посоветовал «устроить некоторое движение в Балканах, чтобы тем самым опровергнуть возражения турецкого правительства, будто болгары довольны своим положением и не желают никаких перемен». Геров поставленную задачу успешно выполнил. По его словам, «по соглашению с болгарями» проект реформ был составлен. Затем, «с денежным пособием от его превосходительства», он послал «несколько молодых людей для составления в Балканах хайдутской банды». И, наконец, вице-консул отправился в Бухарест и «убедил тамошних болгар послать и оттуда некоторые банды в Болгарию». Рапорт завершала просьба об отставке. Геров мотивировал ее потерей доверия в среде соотечественников из-за провала инициированных им акций.

Замечание Герова относительно необходимости «устроить некоторое движение в Балканах», вызванное утверждениями Порты «будто болгары довольны своим положением и не желают никаких перемен» заслуживает особого внимания. Эти слова заставляют вспомнить о некоторых принципиально новых проблемах, возникших перед русскими дипломатами в ходе движения Османской империи по пути реформ (Танзимата) (подробнее см. [22]).

Политический кризис 1866–1869 гг. дал мощный толчок новой волне проводимых Портой преобразований. Поставив империю на грань распада, он резко стимулировал активность стран – гарантов Парижского мирного договора (1856), направленную на модернизацию местного социума. В феврале 1867 г. Порте был представлен французский проект реформ, разработанный на базе Хатт-и-хумайуна (1856) под непосредственным руководством министра иностранных дел Франции маркиза де Мустье. План был ориентирован на совершенствование системы администрирования и, как следствие, повышение материального благосостояния населения. Наибольший эффект от его реализации разработчики предполагали получить во внутренних, в частности болгарских провинциях империи, где общая ситуация была, на их взгляд, наиболее стабильной. Относительно районов с болгарским населением маркиз высказался вполне определенно: «Народ там мягкий, спокойный, преданный сельскому хозяйству и сам по себе весьма мало думает о восстании; будучи в общем бедным и не имея семей, которые могли бы завоевать престиж в стране, он не располагает вождями, способными встать во главе восстания. Здесь хорошая администрация является наилучшим средством, какое можно применить в нынешних обстоятельствах» [23. Д. 132. Л. 29].

В российском внешнеполитическом ведомстве французский проект вызвал нескрываемое раздражение. По мнению составителей годового отчета МИДа за 1867 г., вместо того чтобы заниматься защитой христиан от злоупотреблений ту-

рецкой администрации, этот план был нацелен исключительно на «возвышение исламизма до уровня современной цивилизации посредством установлений, скопированных с тех, которые существуют во Франции» [24. Л. 104].

Русский план, выдвинутый министром Горчаковым в апреле 1867 г., основывался на идее параллельного, но раздельного развития христианских и мусульманских народов. Как отмечалось в том же отчете МИДа, цель российского проекта состояла в стремлении «указать оттоманскому правительству на необходимость распространить административные автономии на все христианские народы как на единственный способ успокоить население, толкаемое на мятеж вопиющими злоупотреблениями силы и мусульманского фанатизма» [24. Л. 105об.]. Для иллюстрации этого тезиса российское руководство инициировало сбор компромата на Порту. Уже в марте 1867 г. императорская миссия в Константинополе получила из Петербурга секретную инструкцию, предписывающую «активно заняться составлением сведений о недовольстве христиан» [25. Д. 336. Л. 78]. Появление отрядов четников на фоне собранной дипломатами информации имело бы показательный характер, одновременно подтвердив ее объективность. Так весной 1867 г. заинтересованность России в антитурецких выступлениях приобрела дополнительный, сугубо конъюнктурный аспект, обусловленный логикой продвижения своего проекта реформ в противовес рекомендациям французского кабинета.

В апреле 1867 г. собрание Добродетельной дружины, на котором присутствовали представители Бухареста, Одессы, Браила, Галаца и Измаила, постановило снарядить к лету десять вооруженных отрядов и сразу же выделило воеводе П. Хитову деньги на вооружение одной–двух чет [26. С. 125]. В секретном докладе из Бухареста, датированном 1 мая 1867 г., Геров сообщил Игнатьеву, что «общество болгар снарядило и отправило за Дунай с полсотни людей для составления хайдуческих дружин под главным начальством опытного в этом деле предводителя. В предположении, что война против турок должна начаться в горах, означенному предводителю поставлено главнейшею задачей ознакомить дружины с местностями в Балканах и приготовить из них предводителей для этого рода войны. Вместе с этим ему поручено готовить народ к восстанию, но до времени удерживать его от онога» [11. С. 434].

В конце апреля четы начали переправляться через Дунай. Однако координация их действий была слабой, местное население поддерживать повстанцев не торопилось, а ответные мероприятия генерал-губернатора Дунайского вилайета Мидхат-паши оказались исключительно эффективными. Все отряды, включая наиболее хорошо подготовленные и опытные дружины Хитова и Ф. Тотю, были быстро рассеяны. Как выразился по этому поводу в феврале 1868 г. один из наиболее авторитетных лидеров болгарского церковного движения Ст. Чомаков, «разбойничьи банды [...] были задержаны самими болгарскими крестьянами» [27. С. 441]. Даже русские консулы, горячо сочувствовавшие повстанцам, вынуждены были признавать провал рейдов. Один из них, консул в Рушуке А.Е. Сученков, с горечью констатировал, что болгарские патриоты встретили в «соотечественниках весьма мало сочувствия» [10. Т. 3. С. 207].

Скорее всего, именно откровенные неудачи четников и низкий повстанческий потенциал местного населения воспрепятствовали дальнейшей разработке болгарского проекта и способствовали продвижению варианта сербского посредничества. Сохранилась переписка с участием Стремоухова, Игнатьева и Оффенберга от мая – июля 1867 г., иллюстрирующая эту тенденцию [10. Т. 3. С. 45–46; 28. С. 273–275]. Например, если секретное донесение Оффенберга от 20 мая с просьбой о выделении «материального пособия» на нужды «политического движения между болгарскими» практически мгновенно получило высочайшую резолюцию Александра II: «Сообразить», – то уже 19 июня директор Азиатского департамента настоятельно рекомендовал Игнатьеву отклонять в будущем ходатайства

подобного рода. К середине июля, когда все иллюзии относительно успехов четников окончательно рассеялись, и сам Игнатъев занял в отношении болгарских инсургентов четкую негативную позицию. В частности, в письме к Стремоухову от 11 июля он резко возражал против предложения выделить из секретного фонда императорской миссии 25 тыс. рублей на их нужды, аргументируя свою позицию неудачей четнических рейдов и необходимостью соотносить планы повстанцев с «намерениями сербского правительства». «Первые попытки появившихся в Балканах болгарских шаек, – отметил он, – наскоро сформированных и, как видно, недостаточно подчиненных общему плану действий, имели самые печальные результаты, доказывающие некоторую долю опрометчивости со стороны бухарестских деятелей и непрактичности их планов» [10. Т. 3. С. 63]. Он также посчитал необходимым напомнить, что секретный фонд миссии (в размере 200 тыс. рублей) был предназначен для обеспечения «успеха христианского дела в западной, едва ли не самой важной с военной точки зрения и для общего успеха, части Балканского полуострова». Поэтому, «если императорское министерство сочтет необходимым оказать пособие Бухарестскому комитету», то для этой цели необходимо изыскать дополнительные средства [10. Т. 3. С. 63].

Несмотря на провал четников, планируемый от их появления конъюнктурный эффект был достигнут. Общественность Европы смогла лишний раз убедиться в готовности турецких славян к восстанию, а заодно и в иллюзорности надежд, возлагаемых французским правительством на административные реформы. Многие авторитетные газеты (от французской «Le mond» до респектабельного российского «Голоса») с восторгом сообщали летом 1867 г. о тысячах восставших болгар, о захвате повстанцами горных перевалов, о больших потерях среди турок, тяжелом ранении командира карательного отряда Садык-паши² и далее в том же духе [10. Т. 3. С. 57–58, 81]. Все эти репортажи, мягко говоря, не вполне соответствовали действительности. В данной связи Игнатъев посчитал даже необходимым «предостеречь» Горчакова «от преувеличения новостей, которые идут из Болгарии», особо подчеркнув, что хотя в районе Балканского хребта и существует «несколько чет», «за исключением двух или трех незначительных стычек открытых боев не было» [10. Т. 3. С. 53–54].

Громкий общественный резонанс болгарских событий имел для российского МИДа кроме положительного эффекта и весьма неприятную сторону. На дипломатов посыпались обвинения в пособничестве так называемым разбойническим шайкам.

В конце июля 1867 г. маркиз де Мустье проинформировал российского посла в Париже А.Ф. Будберга о поступающих к нему жалобах по поводу «происков русских агентов в Болгарии» [23. Д. 133. Л. 85–87]. Послу была конфиденциально вручена («исключительно в личном порядке») подробная информативная записка, озаглавленная «Заметка о Болгарии». Данная записка сохранилась в фондах АВПРИ в двух экземплярах – в подлиннике [23. Д. 133. Л. 88–91] и копии, отправленной в Константинополь для Игнатъева [25. Д. 1538. Л. 235–238об.]. Разночтения в списках минимальны, они касаются лишь написания некоторых имен, искаженных во французском подлиннике и старательно выправленных в тексте, предназначенном для русского посланника. Документ представляет большой интерес для историков, поскольку позволяет реконструировать, хотя и в гипотетической форме, некоторые шаги, возможно, предпринятые русскими дипломатами в ходе подготовки к ожидаемому распаду Османской империи.

Согласно сведениям французской агентуры, в первой половине 1867 г. в Константинополе по адресу ул. Дервиш, д. №15 якобы находилась штаб-квартира

² Михаил Чайковский – польский эмигрант, резидент кн. А. Чарторыйского в Стамбуле. Принял ислам, получил новое имя Садык-паша, перешел на службу к султану.

секретного Центрального русско-болгарского комитета. Аналогичный орган действовал и в Бухаресте. Среди главных лиц Константинопольского комитета были названы врач императорской миссии, этнический болгарин В.К. Караконовский (председатель комитета), вице-консул в Пловдиве Н.Д. Геров, сотрудник консульства в Адрианополе К.Н. Леонтьев, редактор финансируемой российским МИДом газеты «Время» Кирсов (Киернов) и некто Лафско. В состав Бухарестского комитета якобы входили следующие лица: Гикулеско (Жигулеско) – адвокат российского генерального консульства; Романенко – управляющий землями князя Григория Ипсиланти (он же брат русского консула в Галаце); Христо Георгиев (Гиоргу) – богатый банкир (он же родственник по линии жены Герова).

В «Заметке» утверждалось, что в течение первой половины 1867 г. по линии этих двух комитетов русские консулы, аккредитованные в болгарских провинциях, неоднократно совершали поездки в Константинополь и Бухарест. В качестве примера в тексте упоминалось посещение Бухареста Геровым и вице-консулом в Тулче Мухиным (Махиным). Среди агентов-пропагандистов, которые «объезжали Болгарию, раздавая деньги», были особо отмечены четверо болгар из русской части Бессарабии – Димитр Василенко, Атанас Петрович, Максим Захаренко (Ящаренко), Григорий Яковенко. Явочной квартирой для этих эмиссаров служил дом российского подданного Павла Чернова, находящийся в местечке Ейндабести округа Ильфар. Обязанности резидента якобы выполнял некто Рубан – богатый русский фермер, специализирующийся на продаже леса и обративший на себя внимание французской агентуры еще в период военной кампании 1854 г., когда он занимался поставками для русских войск. Роль связных Рубана отводилась двум русским офицерам – Тинкову и Думкову (Дуанову), которые, по мнению составителей «Заметки», судя по тому, что часто «меняли обличье» и «заботливо избегали останавливаться в гостиницах», выполняли некую секретную «миссию». В документе выражалась особая обеспокоенность по поводу прибытия в Галацу в конце 1866 г. известного историка-слависта (менее известного в качестве начальника Третьего отделения Министерства внутренней торговли) Спиридона Палаузова. Сообщалось, что он открыл в городе торговую фирму. Хотя Палаузов и распространял в городе слухи о своем уходе с государственной службы, однако две его поездки по болгарским провинциям выглядели, по мнению агентуры, весьма подозрительно. Особенно настораживало обстоятельство, что якобы отставной чиновник прикрывался фальшивым паспортом, выданным российским консульством в Измаиле на имя некоего Ивана Талиссино, а сопровождал его поляк Оскольский (Ожковский), известный «своей службой у русских агентов в Княжествах».

«Заметка о Болгарии» вызвала переполох в российском МИДе не столько своим содержанием, сколько резолюцией императора Александра II: «Я приказал Игнатьеву взять копию, чтобы дать объяснение по поводу названных личностей» [23. Д. 133. Л. 91]. Объясняться пришлось не только Игнатьеву, но и Оффенбергу, который будто бы, никогда и не участвовал в переговорах по вооружению и субсидированию болгарских повстанцев, сославшись на ряд мелких неточностей, заявил, что французской агентуре доверять нельзя в принципе [23. Д. 16. Л. 70–72]. Игнатьев представил доклад под названием «Соображения по поводу «Заметки о Болгарии»», однако судить о содержании этого документа не представляется возможным ввиду отсутствия данного Приложения в архивном деле. Параллельно, однако, он поспешил предупредить Герова о развернутой слежке, призвав «соблюдать крайнюю осторожность и осмотрительность» [11. С. 443]. Впрочем, судя по тому, что барон Будберг еще 25 июля решительно опроверг все обвинения французской стороны [23. Д. 133. Л. 85], на официальную позицию российского МИДа ответ посланника повлиять не мог.

Косвенным образом информация, представленная маркизом де Мустье, подтверждается свидетельством некоего российского поручика В. Скалона, выполняв-

шего в 1867 г. секретное поручение Игнатьева к генерал-губернатору Новороссийского края П.Е. Коцебу [10. Т. 3. С. 154–157]. Хотя миссия Скалона имела сугубо военный характер – осмотр и подготовка для передачи болгарским повстанцам оружия со складов военного арсенала в г. Николаеве, однако отчет об ее выполнении был адресован врачу российской дипломатической миссии В.К. Караконовскому, названному в «Заметке» председателем секретного комитета в Константинополе. Судя по отчету, Скалоном было подготовлено для отправки 7665 нарезных ружей («переделанных из ударных»), 6835 – новых, «образца стрелкового батальона императорской фамилии», 32 000 – гладкоствольных ударных, т.е. всего 46 500 штук. Когда оружие было уже упаковано и речь шла о патронах и порохе, случайно выяснилось, что данная операция не была согласована Игнатьевым с военным министром Д.А. Милютиним. В ответ на запрос, последовавший в Петербург от военного губернатора г. Николаева Б.А. Глазенапа, от Милютина поступила зашифрованная телеграмма: «Приостановить отпуск оружия, но иметь необходимую укупорку (?), к нему приготовленную» [10. Т. 3. С. 156].

В исторической литературе существует традиция противопоставлять Игнатьева и Горчакова в вопросах тактики, классифицируя первого из них как сторонника активной, а второго – осторожной политики России на Балканах [29. С. 355–356; 13. С. 34; 17. С. 178; 20. С. 240]. По поводу причастности дипломатов к организации чет можно встретить даже предположения о «своеволии» посланника, якобы действовавшего весной 1867 г. без ведома начальства на свой страх и риск. Наиболее полно и последовательно данный тезис представлен в статье болгарского историка С. Радева [9. С. 39–44]. В этой работе, написанной на основе опубликованной переписки между Геровым и все тем же Караконовским [12], обыгрывается тема интриги. Четы были якобы организованы Игнатьевым по личной инициативе, а затем, когда выяснилось, что в Петербурге эту идею не поддерживают, посланник поспешил свалить всю вину на Герова, с которым у него был давний конфликт.

Однако все вышеприведенные документы противоречат этой версии. Дипломатическая переписка свидетельствует, что в обсуждении проблемы вооружения и субсидирования болгарских инсургентов был активно задействован Стремоухов, непосредственно курировавший в Петербурге балканское направление внешней политики России, а на некоторых документах присутствует виза императора Александра II. К тому же, заинтересованность российского руководства в появлении инсургентов имела в 1867 г. не только стратегический и конъюнктурный характер, но и логически вписывалась в новую тактику поддержки повстанческих инициатив турецких славян, предложенную в том же году Горчаковым.

В наиболее цельном и развернутом виде данная установка была сформулирована в докладе Горчакова, представленном Александру II в конце декабря 1867 г. Она, как подчеркивалось в документе, отражала позицию не только министра, но и всего «императорского кабинета», а необходимость ее принятия объяснялась успехом османских реформ. В докладе Горчаков выразил крайнюю озабоченность по поводу того, что преобразования, проводимые под указку Запада, могут серьезно изменить политическую конфигурацию в регионе и ослабить позиции России. «Система, которой добивается Франция, – отметил он, – к которой терпимо относятся Англия и которую принимают турки, и которая направлена на восстановление Оттоманской империи с помощью материального прогресса, будет иметь своим следствием то, что в распоряжении господствующей власти окажутся все ресурсы цивилизации Запада, а религиозные и национальные чувства, являющиеся единственной животворной силой христианского Востока, иссякнут благодаря импортированному извне благополучию». В данной ситуации фактор времени играет, по мнению Горчакова, против России и ее авторитета в среде турецких славян. Поэтому необходимо срочно менять тактику действий, которая некогда

была определена как «политика сдерживания от изолированных выступлений». В свое время эта тактика была рассчитана на то, что «постепенный упадок исламизма приведет, в конце концов, к преобладанию христианских народов». Сейчас, под воздействием реформ, ситуация меняется, и Россия не имеет «ни права, ни выгоды останавливать размах их борьбы, иначе мы рискуем оттолкнуть их от себя и бросить в объятия враждебного влияния Запада». «Императорский кабинет рассудил, – подытожил Горчаков, – что единственное, что следует сейчас сделать – это оставить христианам Востока свободное поле действия». Официально Россия не может вмешиваться, поскольку проявление ее «каких бы то ни было слишком явных действий» неизбежно повлечет за собой муссирование темы «русских домогательств», которая, в свою очередь, «непременно навлечет» не только на Россию, но и на самих повстанцев «враждебность Европы». Однако кроме «горячей моральной поддержки и сочувствия» Россия может попытаться обеспечить славянам «преимущество невмешательства» [30. Л. 1–18об.].

По предложению Горчакова это преимущество было официально оформлено в виде международного документа еще в октябре 1867 г. Российский министр предложил великим державам подписать коллективную декларацию о невмешательстве в балканские дела. Впрочем, как точно отметил В.Н. Виноградов, на практике инициатива Горчакова обернулась против повстанцев, поскольку западные державы придали ей качественно иное толкование – обязательство невмешательства Греции, Сербии и Черногории во внутренние дела Османской империи, т.е. отказ от помощи в рамках Балканского союза [31. С. 148].

К началу 1868 г. обстановка на Балканах изменилась. Дипломатическое урегулирование конфликта между Сербией и Портой, усиление западного вектора во внешнеполитической ориентации сербского кабинета и смерть князя Михаила не способствовали продвижению прежних российских инициатив. Балканский союз распался. Уже в январе 1868 г. российский МИД срочно разослал своим агентам в Турции шифрованную инструкцию, предписывающую противодействовать любым повстанческим акциям болгарской диаспоры [14. Д. 535. Л. 121]. Добродетельная дружина, следуя в фарватере внешней политики России, отказалась от поддержки любых форм вооруженных выступлений. Ранней весной 1868 г. Хр. Георгиев прямо рекомендовал «всеми силами убеждать богатых болгар» не предоставлять материальной поддержки воеводам, а при необходимости прибегать к «правительственной силе» [32. С. 97]. И хотя часть диаспоры все же смогла подготовить в июне 1868 г. тринадцатидневный рейд воевод Ст. Караджи и Х. Димитра, однако его провал лишний раз ярко продемонстрировал, что без активной поддержки со стороны России болгарское повстанческое движение вряд ли имело в рассматриваемый период какие-либо шансы на успех. Причем вне зависимости от того, какими именно побудительными мотивами руководствовались в том или ином случае русское правительство. События 1867 г. – яркое свидетельство, что эти мотивы могли быть и стратегического, и тактического, и сугубо конъюнктурного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Българското революционно движение в навечерието на създаването на БРЦК през 1869 г. София, 2000.
2. Василев Р. Масонската ложа и братството на Левски. Историческо разследване. София, 2005.
3. Георгиев В. Масонството в България. София, 1986.
4. Даскалов Р. Как се мисли българското Възраждане. София, 2002.
5. Лалев И. Някои страни по въпроса за размоняването на Васил Левски // БРЦК в историческата съдба на българския народ. Велико Търново, 2003.
6. Тодев Ил. Бунтарите на прицел. Посттоталитарни проблеми в иконография на българските национал-революционери // Тодев Ил. Батак 1876 – мит или история? Текстовете по Българското възраждане. София, 2010.

7. *Тодоров Г.* Бесовете на война или ангелите на мира // *Култура*. 2001. № 33. 28 септ.
8. *Стоянов Ив.* История на Българското възраждане. Велико Търново. 2010.
9. *Радев С.* Генерал Игнатиев и българските чети в 1867 г. // *Годишник на българския библиографски институт*. 1948. Т. 1.
10. Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. София, 1990. Т. 2; София, 2002. Т. 3.
11. Документи за българската история. София, 1931. Т. 1. Архив на Найден Геров. 1857–1876. Ч. 1. (1857–1870).
12. Из архивата на Найден Геров. Писма, доклади и материали за възраждането на българския народ. София, 1911. Т. 1.
13. *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение (1860–1869). София, 1978. Приложение.
14. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. V-A₂.
15. *Зуева Н.В., Шатохина Е.М.* Руските дипломати на Балканите за положението на Османската империя и решаването на българския въпрос през 1866–1867 // *Българско възраждане и Русия*. София, 1981.
16. *Карасев А.В.* Балканский союз 60-х гг. XIX в. // *Становиште славенског порчекла у Албанији*. Титоград, 1990.
17. *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* М., 1986.
18. *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // *Прилог*. 5, 14. Београд, 1963.
19. *Пирочанац М.* Кнез Михаило и заједничка радња балканских народа. Београд, 1995.
20. *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М., 2009.
21. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. Политический отдел. 1866–1868. Д. 6.
22. *Макарова И.Ф.* Танзимат и балканская политика России в 60–70-е гг. XIX в. // *Новая и новейшая история*. 2011. № 3.
23. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1867.
24. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1867 г.
25. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Посольство в Константинополе. 1867.
26. *Бурмов А.* Четническо движение в България през 1867 г. // *Бурмов А.* Избрани произведения в три тома. София, 1974. Т. 2.
27. *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. София, 2008. Т. 2. Документи.
28. *Улуяня А.А.* Из истории национально-освободительного движения в Болгарии в 60–70-х гг. XIX в. По донесениям русских дипломатов // *Известия на Института за история*. София, 1968. Т. 20.
29. *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914 гг. М., 2010.
30. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1362.
31. *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005.
32. *Червенков Н.Н.* Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х – 60-х гг. XIX в. Кишинев, 1982.

© 2012 г. В.И. КОСИК

ЧЕРНАЯ ГОРА (1918–1941)

В статье анализируется борьба черногорцев с Белградом за самостоятельность в период вхождения в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). Представлены картины социально-экономического положения населения страны, политической жизни королевства.

The article analyses the struggle of Montenegrins with Belgrade for their independence in the period when they belonged to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians (from 1929 – the Kingdom of Yugoslavia). It depicts economic and social conditions of the population of the country, characterises political life in the kingdom.

Ключевые слова: сепаратисты, коммунисты, федералисты, Коминтерн, национализм, просвещение, традиция.

После вхождения в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) Черногория вместе с потерей прежней независимости «растворилась» в новом объединенном славянском государстве. В 1921 г. там проживало около 313 тыс. человек [1. С. 289], в то время как в КСХС – примерно 12 млн. Власть на черногорских землях принадлежала Исполнительному народному комитету, избранному Подгорицкой скупщиной. В его функции входило установление общественного порядка, формирование судебной, полицейской и военной власти, организация местных органов управления, открытие школ. Однако за пять месяцев работы Комитет успел немного: вся его деятельность была сосредоточена на борьбе с мятежниками, сторонниками прежней власти. Подгорицкая скупщина и Комитет были распущены 20 апреля 1920 г. Управление Черногорией вверялось уполномоченному королевского правительства. Вскоре уполномоченного заменил инспектор МВД, управлявший страной до весны 1922 г. Именно тогда, 22 апреля 1922 г., в Белграде было принято решение об административном делении страны на области. С этого времени Черногорией стал управлять великий жупан. Более того, из официального обращения изымалось само название – Черногория, большая часть которой включалась в Зетскую область. Новые административные образования не соответствовали ни историческим, ни этнографическим границам. Вся местная власть области и срезов находилась в руках чиновников, назначаемых из Белграда, так что о самоуправлении можно говорить с большой натяжкой [2. С. 295].

Противники объединения, выступавшие за восстановление независимого черногорского государства во главе с прежним властителем страны королем Николой I Петровичем, терпели поражение за поражением. Однако неудачи не останавливали их. Уже тогда, в конце 1918 г., появились в Черногории «старые отечественные» офицеры, бросившие лозунг «За отделение от Белграда, за самостоятельную, свободную Черногорию!». В начале следующего года на черногорских землях вспых-

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

нуло инспирированное ими восстание. В обессиленной после Первой мировой войны стране началась братоубийственная борьба. Действия сепаратистов тайно поддерживала незаинтересованная в создании сильного унитарного югославского государства Италия, корабли которой перевозили в черногорское приморье или в северную Албанию сторонников бывшего короля Николы I, заявлявшего, что он никогда не допустит объединения Черногории с Сербией, так как оно «не отвечает его личным интересам». При этом само крайне тяжелое послевоенное социально-экономическое положение населения страны отнюдь не способствовало выработке у народа доверия к Белграду, политика которого в Черногории вызывала неудовольствие. «Черногорцы охладевают к делу единства или точнее растет число тех, которые против него», – говорилось в докладе премьер-министру Л. Давидовичу. В селах Черногории вспыхивали неорганизованные бунты, которые сепаратисты стремились направить в русло движения за отсоединение Черногории от Югославии. Независимо от крестьянских движений в сентябре 1919 г. вспыхнуло неорганизованное солдатское восстание в 29-м полку. Как и предыдущие военные восстания оно было подавлено [3. С. 19]. В декабре правительственные войска после шестидневных боев взяли Цетинье. С этого времени сторонники черногорской государственности только оборонялись. И хотя к концу 1919 г. они были окончательно разгромлены, вооруженные столкновения длились еще целый год, до смерти короля Николы I в 1921 г.

Большие трудности центральному правительству доставляли и сторонники Октябрьской революции в России. В 1919–1920 гг. под их руководством были организованы первомайские и ноябрьские праздники [4. С. 54]. На выборах в скупшину в ноябре 1920 г. из тех, кто пришел к урнам – 40% отдала голоса коммунистам, 20% – республиканцам, остальные – монархическим партиям [5. С. 59]. Поэтому неудивительна победа коммунистов на выборах в местные органы осенью 1920 г. в известном Петровце, где они с 1919 г. имели свою ячейку и успешно распространяли социалистические и коммунистические идеи. Красная коммуна Петровца, длившаяся 307 дней [6. С. 45], перестала существовать только в июле следующего года, когда черногорские коммунисты были уже «под запретом». Тем не менее они продолжали действовать: в октябре 1921 г. под их руководством вспыхнуло восстание под лозунгом пролетарской революции, за советскую Черногорию [7. С. 13]. В определенной степени это была реакция на узаконенное Белградом гонение на коммунистов после покушения на принца-регента Александра и убийства министра внутренних дел М. Драшковица. В обоих случаях в терактах были замешаны люди, связанные с этой партией. Тогда же все 58 депутатов-коммунистов были лишены парламентской неприкосновенности и отданы под суд. Всего были арестованы около 2 тыс. функционеров Коммунистической партии Югославии (КПЮ), которая перешла на нелегальное положение. В Черногории коммунисты не захотели признать свое поражение, и пошли на авантюру. Поводом к выступлению населения послужила засуха и неурожай, нищета крестьянства. В ход шло все, даже тезис о ранее независимой Черногории.

Надо сказать, что еще задолго до восстания коммунисты вели соответствующую работу. Один из агитаторов – Вукашин Маркович, еще будучи в России «связывал отдельные группы балканских революционеров с Коминтерном, писал письма и прокламации, жарко агитируя за советскую Черногорию» [7. С. 16], по приезде на родину рассказывал о Ленине, партии большевиков, их программе по уничтожению социальной несправедливости и устройству мира на справедливых основаниях. Однако разрозненные крестьянские выступления жестоко подавлялись. Так, было сожжено более сотни дворов пиперов, живших в скалах близ Подгорицы. Сотни их погибли в 1921–1922 гг. в схватках с сербскими войсками, в полицейских участках, от голода и т.д. [7. С. 15].

И тем не менее борьба продолжалась. В 1923 г. революционный совет выпустил одну из прокламаций, в которой говорилось: «Чем скорее победит мировая революция, тем скорее настанет царство коммунизма и братство всех народов. В этой революции организуйте советскую власть и коммунистические партии. Без советской власти и без коммунистической партии не может рабоче-крестьянский союз ни победить фашистов и буржуазию, ни удержать свою диктатуру над буржуазией. Так учит ленинизм, большевизм. По этой только ленинской, большевистской науке балканская беднота победит буржуазию и восстановит на Балканах союзную советскую республику и коммунизм» [7. С. 38]. Такие призывы рассылались по всей Черногории. При этом следует подчеркнуть активную заинтересованность Коминтерна в черногорцах, революционная деятельность которых могла послужить делу революции на Балканах, развалу королевской Югославии, созданию на ее месте Балканской социалистической федеративной советской республики. Так, в докладной записке в Балканскую комиссию ЦК РКП (б) и ИККИ «Мероприятия по обеспечению успеха болгарского восстания извне» 29 августа 1924 г. указывалось на желательность организации восстаний со стороны черногорцев, наряду с хорватами и македонцами [8. С. 354]. И хотя Коминтерн не добился тогда результата, он не оставлял без надлежащего внимания Черногорию. В 1935 г. коммунисты подчеркивали в своей прессе необходимость соединения всех революционных сил «за классовое и национальное освобождение», «за права рабочих и крестьян [...] За труд, землю и мир [...] за самоопределение черногорского народа вплоть до отделения, за рабоче-крестьянскую советскую Черногорию» [9. С. 133]. Эти идеи находили многочисленных сторонников.

В то же время нельзя пределять Черногорию как оплот коммунистов: кроме них в стране, как и на всей территории КСХС действовали радикалы, демократы, республиканцы и пр. Собственно черногорской партией можно считать федералистов, требовавших равноправного положения черногорцев с другими народами королевства в составе федеративной Югославии. При этом следует подчеркнуть, что на парламентских выборах, проходивших в королевстве каждые два года, федералисты добивались определенного успеха: в 1923 г. они получили два депутатских мандата, в 1925 г. – три, в 1927 г. – один. Коммунисты были настроены сотрудничать с ними, однако сторонникам федеративного устройства страны претил радикализм и бескомпромиссность политических требований левых [2. С. 307–308].

Борьба сербства с национализмом населявших страну народов, в том числе и черногорского, хотя и в гораздо меньшей степени, была характерна для всего межвоенного периода существования королевской Югославии. При этом следует подчеркнуть, что идеологи сербства видели задачу создания единого цивилизованного пространства различных традиций и культур только через сильную государственную власть. Был провозглашен курс на Европу с «отрицанием» каких-либо сепаратистских устремлений, вызванных этноконфессиональными различиями, политическими играми и культурной принадлежностью к тому или иному миру. Однако стратегия Белграда по реализации идеи югославского «братства и единства» при этом не исключала контроль над ней. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что эта идея, получившая распространение, прежде всего, в сербской и черногорской молодежной среде и не принимаемая теми же хорватами, все же была скрытой, во многом еще неясной формой сербизма наоборот, цель которого заключалась в создании нового человека – югослава. Однако этот процесс требовал определенных условий, прежде всего консенсуса всех народов. А этого не было и не могло быть по причинам хотя бы исторического характера. Даже среди черногорского народа находились сторонники воссоздания и упрочения своей государственности. Добавлю, что сам термин «югославянство» многими трактовался в духе великосербской идеи [10. С. 323].

Конституция 1921 г., определявшая Королевство сербов, хорватов и словенцев как конституционную, парламентскую и наследственную монархию, была основана на централизме с перевесом исполнительной власти над законодательной, короны над народом. Правительство страны в основном составлялось не в Народной скупщине, а во дворце Александра, слывшего мастером политических игр. В сущности, министры были лишь исполнителями и проводниками королевской воли и политики. При этом отмечу, что посты премьер-министра, главы скупщины, министра иностранных дел почти всегда находились в руках сербов. Разумеется, это не означает, что они должны были вести просербскую политику, но сам факт концентрации власти в сербских руках налицо. В такой ситуации не приходится говорить о каком-либо «черногорском» факторе в политической жизни унитарного государства.

Неординарность ситуации состояла и в том, что в Сербии сформировались два консервативных политических центра: один в окружении короля Александра, другой – вокруг лидера радикалов Н. Пашича. Безусловно, оба они отстаивали централизм в управлении государством, в котором, грубо говоря, сербы доминировали над остальными народами. Но Пашич главной политической силой в Югославии считал конституционную и парламентскую монархию, обладающую мощным полицейским и бюрократическим аппаратом управления, позволяющим держать под контролем Белграда внутреннюю ситуацию, в новых землях особенно. При этом тезис тех же радикалов о том, что сербы, хорваты и словенцы – один народ, отходил на задний план. Король же упорно работал прежде всего над утверждением и укреплением монархической, самодержавной власти. Именно власть монарха без какого-либо посредничества могла, по его мнению, гораздо успешнее решать задачи государственного единства, нежели скупщина с партиями и их политиками. Сама фигура монарха должна была символизировать народное единство и государственную целостность.

6 января 1929 г. король издал манифест об административном переустройстве страны на бановины (департаменты), чем нанес сокрушительный удар по сторонникам федеративного устройства королевства. Политические партии запрещались. Создавался суд по защите государства. Свои действия король оправдывал «высшими народными и государственными интересами и их будущностью». Так, черногорцы в основном снова оказались в составе Зетской бановины. Ограничивалось местное самоуправление. Земля была поделена на срезы и общины. Управление было, по-прежнему, строго централизовано.

В сущности, вся политическая жизнь королевства (или «Великой Сербии») была связана, так или иначе, с национальным вопросом, в частности, с сербохорватскими противоречиями в этой сфере. Борьба с переменным успехом шла по многим направлениям. Для этого использовался комплекс приемов, методов, средств – от политической борьбы в цивилизованных рамках многопартийного государства до террора. Все, в чем хорваты превосходили сербов, черногорцев служило наглядным доказательством примитивизма последних: здесь были и земляные полы в сельских домах, и неграмотность массы населения и пр. Но и черногорцы не забывали преступлений, совершенных в ходе недавней войны хорватами, которые сражались под знаменами Австро-Венгрии. Поэтому сама идея «югославянской нации» не была им так уж близка.

Наступление «югославизма» сопровождалось и созданием новых проправительственных политических формирований: Югославская национальная партия (до июля 1933 г. именовалась Югославской радикально-крестьянской демократической) и Югославская народная партия. В немалой степени активизации политической жизни содействовали так называемые Загребские пункты (ноябрь 1932 г.), с которыми крестьянско-демократическая коалиция выступила против диктатуры в стране [2. С. 311]. В новой обстановке вместе с коммунистами решились высту-

пить и некоторые из их бывших политических соперников, участвуя в устроенных КПЮ в Никшиче и Цетинье грозных антиправительственных демонстрациях 1932 г. Именно на основе сплочения всех оппозиционных режиму сил коммунисты попытались создать общий фронт борьбы с диктатурой. Однако «вечный» антагонизм между федералистской партией и сторонниками унитаризма, как и ранее мешал достижению единства. Но не только это. Нужно подчеркнуть значительную популярность в черногорском обществе Югославской национальной партии, собравшей в своих рядах многих из тех, кто поддержал курс Белграда образца 1929 г.

Однако самой влиятельной политической силой в черногорском обществе стало сформированное главой правительства Миланом Стоядиновичем Югославское радикальное объединение, в которое вошли представители всех народов Королевства Югославии, хотя хорватов в ней, по известным причинам, было значительно меньше.

К сказанному необходимо добавить, что население Черногории в основном поддерживало все же сторонников централизованного устройства своего «сербского» государства. Именно М. Стоядинович, воспринимаемый как сторонник Н. Пашича и его идей, на парламентских выборах 1925 и 1927 гг. избирался от Черногории. Вскоре после своего прихода к власти (июль 1935 г.) он прибыл туда для проведения организационно-пропагандистской работы по расширению базы своей партии. И как результат: в мае 1936 г. была проведена бановинская конференция, на которой был избран Исполнительный комитет во главе со Стоядиновичем. В новую партию вошла большая часть радикальной партии, а также некоторые сторонники демократической и крестьянской партий, большое количество бывших приверженцев югославской национальной партии. Тем самым гражданская оппозиция в Черногории состояла из федералистов и левого крыла партий, распущенных в 1929 г. [2. С. 315].

Однако традиционное общество, господствовавшее в стране, постепенно начинало сдавать позиции, прежде всего в политической сфере, наиболее легкой для манипулирования общественным сознанием. На парламентских выборах в 1938 г. победу одержали сторонники Стоядиновича. Однако перевес правительства был не слишком велик: в Черногории за курс Стоядиновича проголосовали 40 017 человек, в то время как объединенная оппозиция набрала 34 195 голосов [2. С. 321].

Рассматривая вопросы просвещения, следует подчеркнуть, что если по уровню грамотности Югославия была на одном из последних мест в Европе, то в этом была и определенная «вина» Черногории, в которой в 1921 г. насчитывалось около 70% неграмотных [10. С. 44], в то время как в Словении 8,85%, в Сербии – 65,43% [11. С. 419]. Практически, почти все сельское население не умело ни читать, ни писать: грамотность для черногорцев была роскошью. Государственные субсидии на просвещение в Словении были в четыре раза больше, чем в Черногории, т.е. само государство подпитывало неравномерность развития населения [11. С. 426].

В стране, в которой множество людей еле-еле сводили концы с концами, считалось непозволительным вкладывать деньги в просвещение: в школы, университеты, театры и пр. В то же время в межвоенном периоде грамотных среди лиц старше 10 лет было около 43%. Причем среди неграмотных женщины традиционно составляли большинство. Так, судя по регионам, неграмотных в Черногории было: в приморском регионе 46,1% (62,3% женщин); в среднем – 51,2% (76,1%); в горном – 53% (77,1%); полимско-плевальском – 68% (87,3%) [1. С. 197].

В 1929/1930 уч. гг. в Зетской бановине, которая охватывала Черногорию, Герцеговину, Новопазарский санджаки, южную часть Далмации, насчитывалось 373 основных школы, в которых учились 28 070 школьников. В то же время в банови-

не работали: десять государственных и три частных гимназии – 4084 учеников; две учительские школы – 169 студентов; торговая академия – 159 студентов; морская академия – 106 курсантов; 13 девичьих специализированных школ – 390 учениц, обучавшихся различным ремеслам, десять других ремесленных школ – 559 учеников, восемь детских садов [2. С. 325].

Для образования священства в Черногорско-приморской епархии с центром в Цетинье было открыто пять семинарий.

В дальнейшем число школ все же постепенно увеличивалось. В 1939/40 уч. г. в Черногории уже действовало 440 основных школ с 38 000 учениками, 20 восьми-летних школ и гимназий с 9000 учениками и 10 специализированных школ с 996 учащимися [1. С. 197]. При этом отметим, что родители мальчиков видели в учебе вернейшее средство для последующего устройства на государственную службу [1. С. 275].

Закон предписывал всем лицам до 25 лет, которые не получили образования, в обязательном порядке посещать курсы по ликвидации неграмотности, которые должны были быть открыты при всех народных школах от 1 ноября до 1 марта в вечерние часы. После наступления 25-летнего возраста посещение не было обязательным. В армии также проводилась необходимая работа по ликвидации неграмотности. Предусматривалось законодательством и открытие для домохозяек в возрасте от 15 до 30 лет начальных женских курсов [12. С. 131].

Закон предполагал и образование специальных школьных общин, цель которых заключалась в создании и содержании школ. При этом каждая школьная община имела соответствующий местный школьный комитет. Все эти органы должны были заботиться обо всем: от покупки книг для бедных учеников до устройства школьных кухонь и поликлиник [12. С. 136].

После 6 января 1929 г. и переименования страны в Королевство Югославия Министерство просвещения стремилось еще глубже и сильнее пропитать школу государственной югославской идеологией. При школах могли открываться общества, имевшие подчеркнуто югославский характер: Ядранская стража, стрелковый союз, союз югославянских школьных объединений и др. Преподаватели музыки в средних и учительских школах могли выбирать песни для ученических хоров исключительно из министерского списка. Музыка – только национальная, из западной литературы – только классическая. В преподавании истории, географии, языка учителя должны были развивать и воспитывать дух югославянства [10. С. 262]. Особое внимание в преподавании уделялось истории, словесности, географии – «главным предметам для развития национального самосознания и гордости». При этом на уроках истории преподаватели должны были обращать внимание своих учеников на те сюжеты, которые соединяют, а не разделяют народы королевской Югославии. Одновременно необходимо было соблюдать «симметрию» в преподавании национальных историй [12. С. 136].

Один народ, одно государство, один король – вот суть новой югославской идеологии, которая пронизывала все учебные заведения на всей территории страны. И именно воспитанию молодежи белградские власти уделяли особое внимание.

Основная школа в Черногории длилась четыре года. По закону от 1929 г. она должна была открываться там, где в радиусе четырех км имелось тридцать детей школьного возраста, в особо тяжелых условиях проживания было достаточно и двадцати учеников [12. С. 125].

При этом конфессиональное преподавание было обязательным. Вел его учитель или священник в зависимости от желания родителей [12. С. 126]. Впоследствии все преподаватели Закона Божьего, назначаемые из подданных королевства указом министра просвещения, должны были принять священнический сан.

Закон позволял ученикам участвовать в торжествах только общегосударственного и общенационального значения или прямо соотносившихся с различными

школьными праздниками. Учителями могли быть только окончившие государственную учительскую школу. Вступая на государственную службу, учитель приносил соответствующую присягу.

Однако история королевской Югославии, которой они присягали, приближалась к своему завершению. И немаловажную роль в будущих процессах строительства новой Югославии будет играть крестьянство, т.е. население аграрной страны. Только в Черногории свыше 80% населения были крестьяне, т.е. аграрная структура со всеми вытекающими последствиями в социальной, общественной, культурной сфере. Обрабатываемая земля занимала чуть больше 20% ее скалистой территории. На 100 га обрабатываемой земли приходилось 236 жителей, в то время как в Воеводине – 81, в Сербии – 163, в Хорватии и Славонии – 158, Македонии – 136 [11. С. 415].

Введение стального плуга, символа модернизации, растягивалось на сто лет. Небольшие участки земли, в основном, не больше двух гектаров, могли прокормить с трудом только одну семью. Так, в 1931 г. такие земельные владения составляли 45,6% всех крестьянских хозяйств. В то время как в целом по Югославии – 33,8%. «Трудные» почвы, неразвитость агротехнических приемов, – все это и многое другое объясняло получение урожая, которого едва хватало на одну семью, не говоря уже о рынке. В 1939 г. на одного жителя в Югославии приходилось 510 кг зерновых культур, а в Черногории – 107 кг [2. С. 296].

Достаточно сказать, что сам труд в сельском хозяйстве, которым в основном занимались женщины, был практически не механизирован, древние деревянные ораля оставались основным орудием для так называемой вспашки на каменистых землях.

Тем не менее после окончания Первой мировой войны наблюдался определенный прогресс и в сельском хозяйстве. Так, если в 1922 г. площадь сельскохозяйственных угодий составляла 165 369 га, то в 1939 – 611 836 га. Соответственно, под зерновыми культурами в 1922 г. было 41 495 га, а в 1939 – 56 342 га. [2. С. 296]. В приозерных районах (вблизи Скадарского озера), межгорных котловинах, долинах рек крестьянство могло выращивать пшеницу, кукурузу, ячмень, картошку.

Однако в некоторых отраслях прогресс был очевиден. В 1939 г. по сравнению с 1931 г. увеличился сбор плодов: слив на 43,2%, груш на 54,3%, ореха на 77% и т.д. При этом следует заметить, что увеличению сбора фруктов, вне всякого сомнения, содействовала и работа четырех питомников, где можно было приобрести качественные саженцы плодовых деревьев [2. С. 296]. Среди плодовых деревьев самым популярной была слива, из которой гнали ракию.

Главная отрасль – горнопастбищное животноводство, прежде всего овец и коз. При этом сами горные пастбища и луга достигали 40% от всей территории Черногории. В 1921 г. там насчитывалось 625 905 голов скота – коров, лошадей, овец, коз и т.д. К 1939 г. поголовье выросло почти вдвое и составило – 1 101 567 [2. С. 296]. Однако приемы выращивания и содержания в основном сохранялись на «дедовском» уровне. При этом стоит заметить, что почти 50% крестьянских хозяйств не имели тягловой силы для обработки земли [2. С. 296].

Традиционный уклад жизни обуславливал определенную закрытость черногорской семьи, общества, территории. При этом в горных районах со слабыми коммуникациями именно обычаи во многом определяли нормы поведения черногорского населения. Действуя почти как закон, они охватывали и регулировали почти всю жизнь черногорца, причем не только поведение, но и мышление, переходя из поколения в поколение [11. С. 457].

Прошлое проявлялась, жило и действовало через коллективную память. Традиция была фундаментом жизни [1. С. 458]. Европейский пиджак был все еще отличительным знаком образованности, принадлежности к Европе, в то

время как для крестьян органичной была одежда как у предков. Глядя на платье черногорца или черногорки, можно было легко определить край проживания, принадлежность к тому или иному племени, его обычаи. Дома в основном строились из камня и дерева, особенно камня, которого было вдоволь в горной стране. Села состояли из 30–60 домов, а часто и из 2–3 хаток [10. С. 47]. Причем плодородная земля была настолько ценна, что на ней никогда черногорцы не строили дома.

Черногорская семья в среднем состояла из шести человек – земля, горы требовали работников. Большинство людей рождалось, жило и умирало в своих селах, что опять-таки свидетельствует о патриархальности черногорцев. Не было особого недостатка в пище, так что для многих пост длился гораздо дольше установленного количества дней. Хлеб был основной пищей крестьян. На втором месте в бедняцких краях шла фасоль, которую ели каждый второй день. Жиры употребляли меньше чем в городе [11. С. 455]. Мясо больше всего ценилось, но меньше всего елось: две трети белка было растительного характера.

Вера, традиции, обычаи предков, вплоть до кровной мести, воинственность и честность этих балканских спартанцев не уступали «без боя» своего места массовой культуре в «дикой» Черногории. Заметим, что в сознании православных черногорцев все еще крепко держались суеверия с колдовством, с вампирами и прочей нечистой силой, что не мешало им также твердо выставлять себя православными людьми, готовыми отдать жизнь за веру.

Традиция была своеобразным фундаментом самого существования, героика прошлого была той формой, в которой жила и укреплялась национальная гордость, находившая «пищу» в подвигах предков, сражавшихся постоянно со своим вечным и племенным неприятелем – турками. Приверженность обычному, устойчивому рождала постоянный страх перед последствиями нововведений, входящих в противоречие с традиционным укладом жизни.

Переходя к характеристике социально-производственной базы Черногории, сразу подчеркну, что в стране, где сохранялись традиции родоплеменного строя, она создавалась крайне медленно. До 1918 г. было восемь промышленных предприятий. Тем не менее и здесь наблюдалось определенное продвижение. Так, к 1938 г. введено в строй 12 новых фабрик. Уже на следующий год насчитывалось 24 предприятия, на которых трудились 1335 рабочих [2. С. 298]. 934 из них были неквалифицированными, 183 квалифицированными, девять технических работников и 36 человек административного персонала [1. С. 283].

В стране, богатой лесом, в 1931 г. работало 28 пилорам для первоначальной обработки древесины [2. С. 298].

Еще одна деталь, позволяющая судить о состоянии черногорского хозяйства: до 1918 г. в стране было электрифицировано всего два населенных пункта, к 1939 г. – 28 [2. С. 298]. Плюс немаловажный показатель для характеристики экономической инфраструктуры – дороги: до 1914 г. в стране было 523,5 км проселочных трактов и железная дорога Бар – Вирпазар. В межвоенный период прокладывается 71 км железнодорожного полотна. Здесь следует назвать узкоколейки Плавница – Подгорица и Билеча – Никшич. На 100 кв. км территории Черногории приходилось 0,5 км железнодорожного пути, в то время как в среднем по Югославии этот показатель составлял 4,2 кв. км [2. С. 300].

Несколько лучше обстояло дело с ремесленными мастерскими, которых в 1935 г. насчитывалось около полутора тысяч. И тем не менее и тут Черногория стояла по этому показателю на последнем месте. В 1939 г. на ее территории одна мастерская приходилась на 247 жителей, в то время как в Сербии и Словении – на 53, в Хорватии – на 78, в Македонии – на 112, в Боснии и Герцеговине – на 191 [2. С. 299]. Почти так же обстояло дело и с предприятиями торговли, которых в 1935 г. насчитывалось около 2 тыс. [2. С. 300].

Безусловно, в бановине действовали кредитные учреждения, однако их количество было весьма незначительно – 13 банков, из них – восемь черногорских и пять филиалов югославских банков. Слабость финансового капитала не позволяла оказывать сколько-нибудь существенного влияния на экономику страны: в 1931 г. капитал восьми черногорских банков составлял всего 20 млн динаров [2. С. 302].

Тяжелые экономические условия заставляли одних черногорцев эмигрировать в Северную и Южную Америки, других перебираться в Космет (Косово и Метохию) обживать новые земли и «разбавлять» албанское население, третьих становиться горожанами. За счет притока сельской молодежи увеличилось население таких центров, как Подгорица, Никшич, Цетинье, Иванград, Бело Поле, Плевле. И если в 1921 г. только 14,7% населения имело доходы, не связанные с сельскохозяйственной деятельностью, то в 1931 г. этот процент повысился на 6,2% [1. С. 195].

В приморском регионе с его центрами в Баре, Которе 62% населения было занято в сельском хозяйстве, лесном деле, рыболовстве; 11,6% – в промышленности, ремеслах; 8,1% – в торговле, кредитном деле, транспорте; 12,2% числились служащими, находились в армии. В срединном, куда входили такие города, как Подгорица, Цетинье, Даниловград, эти цифры составляли – 75,3%, 6,8%, 4,5%, 7,5%. В горном – с такими центрами, как Колашин и Никшич, соответственно – 88,3%, 3,5%, 2%, 3,3%. В полимско-плевальском регионе с городами Андриевица, Бело Поле, Плевле, Бераны и другими – 86,4%, 4%, 2,8%, 4% [1. С. 273]. При этом в приморском регионе преобладало земледелие и плодоводство, в горном – животноводство, в срединном больше представлена земледелие, в последнем – плодоводство и лесное дело [1. С. 273–274]. Среди городов наиболее были развиты Бар и Улцинь, известные приморские центры. В этом регионе трудилась половина от общей численности всех рабочих в Черногории [1. С. 284]. В 1931 г. в сельском хозяйстве, лесном деле, рыболовстве было занято 130 925 тыс. человек (79,6%) от общей численности активного населения; в промышленности и ремеслах – 8 937 (5,4%); в торговле, кредитном деле и транспорте – 4730 (2,9%); в государственной службе, в группах служащих, лиц свободных профессий, в армии – 12 421 (7,6%); в остальных категориях – 7430 (4,5%) [1. С. 275].

При этом в социальной структуре населения рабочие составляли 5,9%, а служащие – 5,1% [1. С. 196]. Подробные комментарии излишни: мало рабочих, много чиновников. По данным из 1925 г. в 32 населенных пунктах городского типа жили 60 400 жителей, в то время как в 1313 сельских поселениях проживали 260 000 жителей [1. С. 194–195].

К концу 1930-х годов в Черногории был один театр на 250 мест, 12 кинотеатров с 2060 мест и два музея. На каждого 194-го жителя приходился один радиоприемник [1. С. 197]. Открыли свои двери музыкальные школы в Цетинье (1932) и в Подгорице (1937).

Разумеется, развитие шло, но необходимо было время. Но его не было. В сентябре 1940 г. в Цетиньском монастыре патриарх Гаврила Дожич после святой литургии говорил: «Все сотрясается, все качается, земля грохочет. В эти тяжкие и судьбоносные времена должны мы себя спросить: в чем наш долг? Вот в чем: сегодня когда все уничтожается, когда рушатся дома и города, когда одна торпеда уносит тысячи жизней на морское дно, мы должны осознавать эту ситуацию и сплотиться, чтобы сохранять то, что кровью и через муки создали» [13. С. 600].

Однако те, кто вершили политику, «сплачивание» понимали по своему. 25 марта 1941 г. правительство в Белграде решилось пойти на присоединение к Тройственному пакту, входя фактически в орбиту Германии. Однако народ – ни в столице, ни в провинции – не хотел вникать в тонкости высокой политики своих правителей и не скрывал неприязни, мягко говоря, к пакту с Гитлером со «швабами», давними неприятелями сербов и черногорцев. Известно, что создававшаяся ситуация

была использована группой офицеров во главе с генералом Д. Симовичем для совершения государственного переворота. 27 марта 1941 г. под лозунгом «лучше рат, чем пакт» военный Белград, казалось, смешал германскую карту. В самой стране на стороне вождей переворота, противников пакта с фюрером решительно выступила Сербская православная церковь во главе с патриархом. Еще до заключения договора с Гитлером он посетил принца-регента Павла и заявил ему свое категорическое осуждение планируемого акта. Глава Сербской церкви, судя по некоторым совпадениям, например, срочном созыве Архиерейского собора накануне переворота, был посвящен в акцию Симовича и его сторонников в армии. 27 марта в речи с балкона здания патриархии он говорил следующее: «В эти дни перед нашим народом судьба снова поставила вопрос, какому царству мы больше расположены. Сегодня на заре [...] на этот вопрос был дан ответ: расположены мы царству небесному, т.е. царству Божьей истины и правды, народного согласия и свободы. Этот вечный идеал, носимый в сердцах всех и согреваемый в святилищах наших православных храмов и написанный на наших народных знаменах, – сегодня утром засветился чистый и светлый как солнце, очищенный и омытый от грязи» [14. С. 256]. Белград ликовал. Однако были и такие люди, которые отчетливо понимали всю неотвратимость гитлеровского нападения. 6 апреля в 5 часов утра Берлин передал по радио объявление войны Югославии. Через несколько часов на улицах и площадях ее столицы рвались немецкие бомбы. Начиналась очередная война с Германией и ее союзниками. Жизнь черногорского народа вступала в привычную военную колею. Королевство терпело поражение, но не черногорцы. Именно Зетская дивизия, сформированная в основном из черногорцев, успешно ведя бои против итальянцев, успела захватить в плен свыше тысячи солдат и офицеров [2. С. 324].

Но силы были неравны. 17 апреля 1941 г. Королевство Югославия капитулировало. Черногорцы возвращались домой. Оружие они сдавать не собирались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Радусиновић П.С.* О Црној Гори и њеном становништву. Андријевица, 2002.
2. *Вујовић Д.-Д.* Црна Гора у Југославији (1918–1941) // Црна Гора. Београд, 1976.
3. *Vršina L.* Краљевина срба, hrvata i slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa. Beograd, 1956.
4. *Бојовић Ј.Р.* О неким специфичностима револуционарног покрета у Црној Гори током 1919–1920 године // Петровачка комуна 1920 године – прва комунистичка општина на Јадрану. Зборник радова са научног скупа одржаног 23, 24 и 25 новембра 1984. Титоград, 1986.
5. *Пајовић Р.* Општински избори у Црној Гори 1920 године, с посебним освртом на победу комуниста у Петровцу на мору // Петровачка комуна 1920 године – прва комунистичка општина на Јадрану. Зборник радова са научног скупа одржаног 23, 24 и 25 новембра 1984. Титоград, 1986.
6. *Зеновић У.* Револуционарне традиције Петровца // Петровачка комуна 1920 године – прва комунистичка општина на Јадрану. Зборник радова са научног скупа одржаног 23, 24 и 25 новембра 1984. Титоград, 1986.
7. *Тиенский Р.М.* За советскую Черногорию. Очерки революционного движения в Черногории. М., 1934.
8. Македонский вопрос в документах коминтерна. Скопје, 1999. Т. 1. Ч. 1. 1923–1925 гг.
9. *Лакић З.* Свијест о Петровачкој комуни у револуционарном покрету Црне Горе // Петровачка комуна 1920 године – прва комунистичка општина на Јадрану. Зборник радова са научног скупа одржаног 23, 24 и 25 новембра 1984. Титоград, 1986.
10. *Димић Ј.* Културна политика у Краљевини Југославији 1918–1941. Београд, 1996. Први део. Друштво и држава.
11. *Димић Ј.* Културна политика краљевине Југославије 1918–1941. Београд, 1997. Трећи део.
12. *Димић Ј.* Културна политика краљевине Југославије 1918–1941. Београд, 1997. Други део.
13. *Слијачевић Ђ.* Историја српске православне цркве друга књига Београд, 1991.
14. *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2.

© 2012 г. М.В. ШКАРОВСКИЙ

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В МАКЕДОНИИ В 1941–1944 ГОДАХ И СОЗДАНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Статья посвящена истории церковной жизни в 1941–1944 гг. и основанию в первые послевоенные годы самостоятельной Македонской православной церкви при активном содействии коммунистического правительства Югославии, заинтересованного в ослаблении влияния Сербской православной церкви.

The article is devoted to the history of church life from 1941 to 1944 and the foundation, in the first postwar years, of the Macedonian Orthodox Church, which came into being with an active cooperation of Yugoslavia's Communist government interested in the weakening of the Serbian Orthodox Church.

Ключевые слова: Македонская православная церковь, Вторая мировая война, коммунистическое правительство Югославии, Сербская православная церковь.

Период Второй мировой войны и первые послевоенные годы стали временем фактического создания новой автокефальной Православной церкви – Македонской (официально провозглашенной в 1967 г.), хотя ее самостоятельность так и не была признана другими Поместными православными церквями, в том числе Московской патриархией, на которую сторонники автокефалии и коммунистические власти послевоенной Югославии возлагали большие надежды. Относительно самого процесса образования новой Церкви в югославской и болгарской историографии существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Почти все прежние югославские и нынешние сербские историки-религиоведы (Д. Слийепчевич, Б. Зеченич, С. Димевский, Р. Радич и др.) считают, что инициировали этот процесс македонские коммунисты, поддержанные руководством югославской компартии, а местное сепаратистски настроенное духовенство было лишь «послушным орудием» в их руках. В этой связи важное значение придается состоявшемуся в октябре 1943 г. собранию нескольких связанных с партизанами священников освобожденной от оккупантов территории Западной Македонии, которое якобы положило начало македонской церковной организации под покровительством коммунистов. При этом сам факт создания Македонской православной церкви оценивается резко негативно (см., например, [1–3]).

С другой стороны, болгарские историки (С. Елдыров, В. Стоянова, П. Петров, Х. Темелский, Д. Калканджиева и др.) полагают, что главную роль в указанном процессе сыграло проболгарски настроенное македонское духовенство, а основой будущей Церкви стало созданное в годы войны в Македонии болгарское духовное

Шкаровский Михаил Витальевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

управление (см., например, [4–6]¹). В этом с ними частично согласен только сербский историк П. Пузович, полагающий, что инициатива отделения от Сербской церкви во многом исходила от оставшихся в республике болгарских священнослужителей. Однако он расходится в оценке процесса с болгарскими и современными македонскими историками, которые в основном позитивно рассматривают факт создания новой Церкви. Изученные автором достаточно полно сохранившиеся в архивах документы духовной администрации Болгарской православной церкви (БПЦ) в оккупированной Македонии свидетельствуют, что болгарские историки находятся ближе к истине в понимании начальной стадии указанного процесса, хотя влияние югославских коммунистических властей все-таки было сильнее, чем они считают [7].

До войны православные приходы Македонии входили в состав трех епархий Сербской православной церкви (СПЦ): Скопленской, Злетовско-Струмичской и Охридско-Битольской. Первую из них с 1932 г. возглавлял один из самых известных сербских иерархов XX в., митрополит Скопленский (Скопийский) Иосиф (Цвийович, 1878–1957). Вторым служившим накануне войны в Македонии архиереем был будущий патриарх Сербский (1950–1958), епископ Злетовско-Струмичский Викентий (Проданов), одновременно управлявший Охридско-Битольской епархией.

Нападение весной 1941 г. нацистской Германии и ее союзников – Италии, Венгрии и Болгарии на Югославию имело трагические последствия для СПЦ в Македонии. Немецкие войска очень быстро – уже 7 апреля 1941 г. захватили главный македонский город Скопье (Скопле), а затем и всю территорию края (болгары пришли только через несколько недель). Еще в начале апреля прекратились занятия в Битольской семинарии. Ее здание последовательно занимали немецкая часть, немецкий военный госпиталь и, наконец, болгарская полиция. В середине мая 1941 г. все преподаватели семинарии уехали из Битоли в Сербию [1. С. 62].

Вскоре после начала немецкой оккупации Македонии митрополит Иосиф был заключен под домашний арест. 4–5 мая его вместе с епископом Викентием и священнослужителями, которые родились в Сербии, были женаты на сербках или считались лояльно настроенными к сербам, выслали из Македонии [1. С. 51; 8. С. 260].

В конце апреля Македония была разделена оккупантами на две части: большая, восточная, с г. Скопле отошла к Болгарии, а меньшая, западная, – к созданной итальянцами под своим протекторатом так называемой Великой Албании. Демаркационная линия между итальянскими и болгарскими оккупационными зонами была определена Венским соглашением в конце апреля 1941 г. Эта граница не устраивала обе стороны, периодически там происходили вооруженные столкновения. В сентябре 1941 г. болгарский премьер-министр Б. Филов заявил: «Мы не довольны ни границей Западной Македонии, ни позицией Италии. Эта граница не обоснована и не оправдана ни исторически, ни стратегически, ни экономически» (цит. по [9. С. 249]). Положение обострилось настолько, что болгарский военный министр Луков предсказывал в скором будущем конфликт между Италией и Болгарией, так как итальянская имперская политика, по его мнению, преследовала цель восстановления Римской империи и распространения ее господства на Балканы. С другой стороны, поддерживаемые Италией албанские жители Восточной Македонии выражали недовольство ее присоединением к Болгарии. Так, 28 ноября 1941 г. в Скопле состоялась антиболгарская демонстрация с требованием включить этот город в состав Албании. Только 29 марта 1943 г. в Тиране был

¹ Болгарская православная церковь не признала Македонскую церковь по политическим причинам.

заключен договор о разграничении итальянской и болгарской оккупационных зон [9. С. 249].

Болгарские войска завершили оккупацию восточной части края (так называемой Вардарской Македонии) 6 мая 1941 г. Вскоре здесь было организовано болгарское военное, гражданское и духовное управление (18 мая завершилась передача власти болгарам от возглавлявшего немецкую администрацию генерала Линдемана). Приехавшая из Болгарии группа македонских эмигрантов организовала с участием представителей местных элит Центральный болгарский комитет. Сразу же был взят курс на то, чтобы привить славянскому населению Македонии болгарское самосознание, в котором значительную роль отводили БПЦ. Следует отметить, что к тому времени македонская нация еще окончательно не сформировалась. Население восточной части Македонии фактически говорило на диалекте болгарского языка и руководством Болгарии официально считалось болгарскими.

Священный Синод считал, что в отношении занятых территорий Болгарская церковь лишь восстанавливает историческую справедливость, возвращая себе то, что принадлежало ей до 1913 г.² Решением Синода от 29 апреля в Македонии были созданы летом 1941 г. три епархии Болгарской церкви: Струмичско-Драмская, куда включили часть греческой Эгейской Фракии (под управлением митрополита Неврокопского Бориса), Скопле-Велешская (под управлением митрополита Тырновского Софрония) и Охридско-Битольская (под управлением митрополита Ловечского Филарета). Они делились на архиерейские наместничества, а те, в свою очередь, на приходы (парохии). Учрежденная летом 1941 г. временная духовная администрация в основном сохранялась вплоть до осени 1944 г. [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 67. Л. 30, 43; 11. R5101/23177. Вл. 131; 5. С. 55–65].

Священный Синод сразу же решил принять меры для пополнения духовенства на новых территориях. 29 апреля он постановил возвратить в новые епархии болгарских священников, которые служили там до окончания Первой мировой войны, кроме того, епархиальным архиереям было поручено направить из своих епархий достойных священнослужителей – не менее 5 % от общей численности приходских священников. Первоначально Синод рассчитывал командировать на «новоосвобожденные земли» около 200 приходских священников и чиновников церковных канцелярий из Болгарии, а также использовать 500 местных славянских священников, продолжавших окормлять свои приходы. В окружные центры предполагалось командировать 30 архиерейских наместников, которые должны были выбрать из подведомственных им священников членов Епархиальных советов [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 67. Л. 32–37; 4. С. 245–246].

Первоначально из Болгарии в Македонию приехали протосингел Софийской митрополии архимандрит Стефан (Николов), ставший протосингелом Скопле-Велешской митрополии, три священника, секретарь и кассир. 6 мая, впервые за 23 послевоенных года, в Скопле состоялись совершенные болгарскими клириками богослужение и благодарственный молебен за освобождение Македонии. Через несколько дней в край прибыли архиереи БПЦ; в частности, митрополит Софроний, заявивший, что «считает своим долгом» исполнять возложенное на него управление новой епархией, приехал в Скопле 11 мая и поселился в здании Скопленской митрополии, почти не пострадавшем от бомбардировок города [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 66. Л. 191].

Следует отметить, что в целом в Восточной Македонии, где македонцы составляли подавляющее большинство населения, духовная администрация БПЦ была воспринята местными жителями в основном лояльно. 12–13 июня 1941 г. Синод

² Хотя до Балканских войн 1912–1913 гг. Македония входила в состав Османской империи, большая часть ее православных приходов относилась к юрисдикции Болгарского экзархата. Лишь после поражения Болгарии во Второй балканской войне 1913 г. они перешли к СПЦ.

заслушал доклады управляющих новыми епархиями о ситуации в них. Митрополит Софроний в докладе от 7 июня сообщал, что он был встречен большей частью прихожан радушно, и только на северных окраинах недавно образованной Скопле-Велешской епархии (в Южной Сербии и Косово) новая церковная власть была воспринята «прохладно». Здесь – в Сурдолицком, Вранском, Прешевском и Качаникском духовных округах проживало значительное число албанцев-мусульман, от террора которых бежали многие священники-сербы. Оставшихся митрополит утвердил на приходах.

В г. Скопле с 80 тыс. жителей имелось 16 приходов и шесть храмов, которые в большинстве незначительно пострадали от немецких бомбардировок и были быстро отремонтированы (больше других пострадал кафедральный храм Богородицы). Бомбардировки причинили сильные разрушения Епархиальному музею: погибли или пострадали многие ценные церковные предметы. Было разрушено и здание, в котором находился склад издательства «Хрищанское дело». Служивших в приходах города 16 сербских священников и диаконов выслали в Белград вместе с митрополитом Скопленским Иосифом до прибытия владыки Софрония. В городе остались только русские и македонские священники.

В Скопленском округе (помимо города) было 15 православных приходов, в каждый из которых входило 10–15 сел. Митрополит Софроний посетил три старых монастыря (св. Андрея, «Матка», св. Николая) и некоторые из приходов, отметив, что во многих церквях «за 23 года сербского завоевания надписи на иконах заменены со славяно-болгарских на сербские». Кроме того, владыка осмотрел второй епархиальный центр – г. Велес, который сильно пострадал от бомбардировок. Здесь имелись три церкви и пять приходов, часть сербских священников уехала, но некоторые остались и продолжили свое служение [10. Ф. 791. Оп. 2. А.е. 226. Л. 1–3].

Из 189 приходов (в каждом от 600 до 3 тыс. душ) 145 окормляли оставшиеся местные священники (македонцы), 21 – командированные из Болгарии и 23 не имели духовенства (к 3 июля общее число приходов выросло до 206); кроме того, в Скопле-Велешской епархии существовало 37 мужских и женских монастырей. Митрополит Софроний принял в Скопле всех игуменов и игумений, часть которых пожелала служить в Болгарской церкви, часть – уехать в Сербию (их «отпустили с миром»). К 7 июня владыка также назначил 12 временных архиерейских наместников в важнейшие города епархии.

В конце доклада митрополит Софроний перечислил основные проблемы, которые, по его мнению, Синоду предстояло решить в ближайшее время: открыть специальный курс в Софийской семинарии для молодых священников, не знавших церковнославянского языка и с трудом говоривших по-болгарски; прислать в Македонию церковную, апологетическую и научно-богословскую литературу; выплатить денежные пособия священникам, отстраненным сербскими церковными властями от службы; разъяснить вопрос о смешанных браках болгар с сербами и их детях и т.д. [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 226. Л. 4–5].

20 июля 1941 г. митрополит Софроний прислал в Синод второй доклад о ситуации в Скопле-Велешской епархии; речь шла, в основном, о тяжелом положении македонского духовенства в занятой итальянцами ее западной части. Владыка также просил передать военным и гражданским властям Болгарии требование не допустить на новоосвобожденные земли агентов католической пропаганды (которые активно действовали в итальянской зоне) и протестантских сект. Относительно принятых против католической пропаганды мер Скопле-Велешская митрополия и в дальнейшем (1942–1943) вела активную переписку с премьер-министром Б. Филовым и Министерством иностранных дел и вероисповеданий [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 100. Л. 1–24; Оп. 2. А.е. 226. Л. 9–10].

Несколько лучше было положение в основной части Охридско-Битольской епархии, где почти все 170 приходов имели священников, в том числе 150 – македонского происхождения (к 3 июля 1941 г. уточненное количество приходов составило 195). Новая паства лояльно, а кое-где даже радостно встретила митрополита Филарета. В попавшей в итальянскую зону части епархии положение македонцев оставалось тяжелым. Митрополит посетил занятые итальянцами г. Охрид и монастырь св. Наума, но свою резиденцию устроил в Битоли.

Самой сложной была ситуация в Струмичско-Драмской епархии, которую образовали в результате механического соединения двух епархий (македонской и греческой), долго находившихся под различной церковной и политической властью и сильно различавшихся по внутрицерковному устройству и этническому составу населения. В Эгейской Фракии (350 приходов) митрополита Бориса встретили в основном враждебно и лишь в македонской части епархии он смог найти понимание и опору. Здесь митрополит учредил четыре духовных округа (позднее их стало пять) и архиерейских наместничества: в Струмице, Гевгели, Кавадарци, Берово; в Струмице также была устроена митрополичья резиденция и сформирован временный Епархиальный совет. Из 80 македонских приходов епархии 20 были вакантными, а в остальных остались служить несколько сербских священников [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 67. Л. 53–56, 77–81].

Заслушав отчеты митрополитов, Синод для рассмотрения поставленных вопросов назначил специальную комиссию, которая вскоре представила доклад «О церковном устройстве и управлении епархиями в новоосвобожденных землях». Его основная идея заключалась в утверждении неизбежности того, что эти епархии станут неотъемлемой частью Болгарской церкви, и их устройство и управление должно осуществляться на основе устава Экзархата [10. Ф. 1318к. Оп. 1. А.е. 2264. Л. 1–6]. В дальнейшем постановлением Синода от 19 ноября 1942 г. искусственно образованная Струмичско-Драмская епархия была ликвидирована. 1 января 1943 г. ее греческую часть выделили в качестве самостоятельной Драмской епархии, а македонскую часть разделили и включили в состав трех соседних епархий: два округа – в состав Охридско-Битольской, один округ – Скопле-Велешской и два (в том числе Струмичский) – болгарской Неврокопской епархии [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 10. Л. 93–95; 12; 5. С. 149–150].

В декабре 1943 г. (на «пике» развития церковной жизни при болгарской духовной администрации) оставшиеся две македонские епархии насчитывали: Скопле-Велешская – 360 храмов, 36 часовен, 167 священников, 35 мужских и три женских монастыря, 63 монаха и монахини, Охридско-Битольская – 398 храмов, 43 часовни, 148 священников, 38 мужских и четыре женских монастыря, 19 монахов, 32 монахини и 100 послушников в обителях [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 163. Л. 51, 54].

4 июля 1941 г. Синод назначил помощником управляющего Охридско-Битольской епархии ректора Софийской семинарии (с освобождением от этой должности) викарного епископа Драговитийского Харитона. Одновременно было решено перенести центр Охридско-Битольской епархии из Битоли в Охрид. Через год, 3 июля 1942 г., Синод решил направить епископа Харитона для постоянного проживания в Охрид. Однако этот город находился в итальянской зоне оккупации, долгое время служить там владыка не мог и в основном проживал в Битоли, в том числе в конце 1944 – начале 1945 г. уже при коммунистической власти Югославии [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 67. Л. 168].

Церковную жизнь на занятых территориях существенно осложняла проводимая болгарским правительством политика дискриминации сербов. За время войны из Восточной Македонии в Сербию были выселены 45 тыс. человек. Изгнание коснулось большинства сербского и части русского духовенства, проводились аресты священнослужителей, при этом, за исключением единичных случаев, все-таки не

было физического насилия и убийств (как в Западной Македонии со стороны албанцев, где погибли 11 священников). Однако высылаемые священники должны были собраться за 48 часов, им разрешалось взять только движимое имущество, вся их недвижимость подлежала конфискации. Только из Скопленской епархии были депортированы 45 священников и 11 монахов, а всего из трех епархий в Македонии и Южной Сербии изгнали 86 приходских священников [3. С. 85; 13. С. 211–213; 14. С. 29, 59]. Из Македонии депортировали не только сербов, но и греков. Так, например, на заседании Синода БПЦ 18 июня 1942 г. митрополит Филарет с возмущением говорил, что власти решили выселить из Битольского округа жителей одного села под предлогом, что они – греки, а они на самом деле – македонцы [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 10. Л. 26].

Одновременно активно проводилась болгаризация всех сторон общественной жизни. Письма, издания и административные акты принимались только на болгарском языке, в школах использовали только болгарские учебники, сербов не брали на государственную службу. Вскоре после начала оккупации была создана специальная комиссия для уничтожения «чужих» проявлений в области культа. В результате ее деятельности сербские надписи, эмблемы, иконы, церковные книги изымались из употребления и заменялись болгарскими; вместо сербских святителей и владык пропагандировались болгарские подвижники и просветители. Таким образом, уничтожались все свидетельства сербского исторического прошлого этих земель и восстанавливалась память о былом вхождении македонских епархий в состав Болгарского экзархата. В обязательном порядке, без оглядки на существовавшую ранее практику, богослужения должны были проводиться только на церковно-славянском языке, запрещались распространенные в СПЦ обычаи. Летом 1941 г. были организованы курсы болгарского языка для церковных служащих [15. С. 58; 16. С. 211].

В целом же БПЦ занимала гораздо более терпимую позицию по отношению к сербам, чем правительство страны. Все сербские архиереи и значительная часть священников были высланы из Македонии немецкой и болгарской администрацией еще до установления болгарской церковной власти. В дальнейшем желавшие уехать монахи сербского происхождения были отпущены управляющим Скопле-Велешской епархии митрополитом Софронием «с миром». Все имущество Скопленской митрополии зарегистрировали в специальных инвентарных книгах, а личные вещи митрополита Иосифа, в том числе два окованных серебром архиерейских жезла и орден св. Саввы, в июне 1941 г. отправили специальным курьером в Белград. Оставшиеся на занятой территории священнослужители неболгарского происхождения для продолжения религиозной деятельности должны были подписать декларацию о лояльности БПЦ. Согласившиеся получали жалование из государственного бюджета наравне с болгарским духовенством. Это было сделано по ходатайству болгарских иерархов, считавших такую меру принципиально важной. Так, например, в Охридско-Битольской епархии до осени 1944 г. на средства митрополичьей кассы содержались сербские протоиереи Милошич и Хаджич и оставшиеся сербские монахи и монахини [4. С. 256–257].

Одной из основных проблем было заполнение вакантных священнических мест, что представляло трудность для БПЦ и в старых границах. С этой целью несколько десятков македонцев были приняты на учебу в Духовные семинарии Болгарии и на богословский факультет Софийского университета. В частности, 7 июля 1942 г. Священный Синод выделил кредит для 30 таких учащихся из Македонии и Добруджи в Софийской семинарии [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 10. Л. 68].

Скоро, однако, стало ясно, что только возвращением в новые епархии когда-то служившего там клира Болгарского экзархата и подготовкой молодых священнослужителей проблему не решить. 25 ноября 1941 г. Синод постановил: ходатайствовать перед правительством о разрешении командировать на новые земли

священников из старых епархий и из-за острой нехватки духовенства, в крайнем случае, рукополагать в священный сан лиц без надлежащего богословского образования [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 67. Л. 241].

Народное собрание одобрило выделение кредита для оплаты 280 болгарских священников и диаконов, которые были распределены по приходам и монастырям Македонии. Эти священнослужители временно командировались из Болгарии для контроля над местным духовенством (многие из них входили в состав архиерейских наместничеств) и через четыре–пять месяцев должны были заменяться новыми. 26 июня 1942 г. Синод назначил комиссию, которая по жребью распределяла места назначения духовных лиц, командируемых на новые земли [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 70. Л. 65, 72–74].

При этом комиссия старалась отбирать наиболее образованных и деятельных священников. Те, кто добровольно оставался на занятых территориях больше положенного срока, получали дополнительные льготы: им повышали на 30 % жалование, выплачивали награды за выполнение «специальных заданий» в «новоосвобожденных землях», передавали в пользование бесхозные земли, имущество выселенных сербов и интернированных евреев. К концу оккупации – в сентябре 1944 г. – в Македонии и, главным образом, в Эгейской Фракии все еще служили около 160 командированных болгарских священников, что составляло более 8 % от их общего числа в стране [11. R5101/22177. Вл. 159; 17. С. 42]. Таким образом, процесс болгаризации достиг уровня приходов и монастырей. В частности, руководство БПЦ старалось, чтобы в каждом монастыре был хотя бы один монах-болгарин, который, чаще всего, и управлял обителью [15. С. 54; 17. С. 41].

Впрочем, и местных македонских священнослужителей новых епархий активно привлекали к участию в органах церковного управления. Уже с мая 1941 г. их включали во временные Епархиальные советы, однако, согласно уставу Экзархата, эти органы должны были избираться, и окружным посланием от 17 августа 1942 г. Синод БПЦ назначил проведение двухстепенных выборов. 4 октября 1942 г. во всех новых духовных округах избрали по три священника и три мирских выборщика, которые через полгода провели выборы членов постоянных Епархиальных советов. Новоизбранные советы были утверждены указом Синода от 24 июля 1943 г. [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 68. Л. 366, 483–489, 499–451].

В целом в восточной части Македонии численность командированных из Болгарии священников не превышала 10 % клира. Таким образом, утверждения некоторых югославских историков, что местное духовенство составляло незначительное меньшинство, умышленно игнорировалось болгарской духовной властью и массово заменялось присланными в край священнослужителями [15. С. 47–75; 18. С. 223–228; 19. С. 444–450], не соответствующим действительности. Македонских клириков, как правило, не лишали их постов, командированные священники занимали должности архиерейских наместников или вакантные посты настоятелей храмов.

Часть приехавших из Болгарии священнослужителей занималась не только церковной, но и политической деятельностью: участвовала в создании различных союзов, братств и политических организаций, проведении националистических митингов и конференций, вела великоболгарскую пропаганду с церковного амвона. Некоторые священники также старались выполнять данную Церкви болгарским Народным собранием директиву – духовно включиться в борьбу с коммунистами – и тем или иным образом участвовали в борьбе с партизанским движением [2. С. 993–996].

Рассматривая церковные здания и имущество в Македонии как свои собственные, БПЦ выделяла значительные средства для поддержания их в порядке. Так, в Охридско-Битольской епархии она израсходовала с 1 июля 1941 г. по 30 сентября 1944 г. 24 314,3 тыс. левов. На эти деньги была отремонтирована

большая часть церковных зданий, оказывалась значительная помощь монастырям и приютам, 1050 тыс. левов выделили священникам-беженцам из итальянской зоны оккупации и столько же на содержание персонала митрополии. В Скопле-Велешской епархии БПЦ за тот же период времени израсходовала 44 824,4 тыс. левов: 5741 тыс. на зарплату местным македонским священникам, 5604 тыс. на наем помещений, 2612 тыс. на благотворительную и культурную деятельность и т.д. [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 192. Л. 3–6].

Несмотря на материальную помощь из Болгарии, в годы войны церковной жизни в Македонии (в основном в оккупированной итальянцами западной части) был нанесен существенный вред. Синод СПЦ в 1945 г. определил, что ущерб, причиненный церквям, монастырям и Духовной семинарии в Охридско-Битольской епархии составляет 756, 2 тыс. долларов [13. С. 214]. Следует отметить, что Синод неоднократно, так или иначе, реагировал на происходившее в Македонии. Так, например, на заседании 18 марта 1943 г. он заслушал представленный митрополитом Иосифом доклад протоиерея Каранфила Йовича от 9 марта о положении церквей, духовенства и народа при болгарской оккупации. На этом же заседании Синод постановил просить главу коллаборационистского сербского правительства М. Недича ходатайствовать перед оккупационными властями, чтобы болгарские и другие военные священники не совершали богослужений в сербских храмах [20].

Болгарские оккупационные власти жестоко преследовали участников движения Сопротивления. Уже 14 июля 1941 г. было издано распоряжение об аресте «сомнительных элементов». Однако подавить зарождавшееся сопротивление не удалось. В конце сентября 1941 г. в Македонии был образован первый партизанский отряд, а в начале октября – еще два, причем, в болгарской зоне оккупации. 5 ноября 1941 г. краевой комитет Коммунистической партии Югославии (КПЮ) в Македонии принял решение превратить оккупированную итальянцами часть края в базу народного восстания, однако осуществить это на практике удалось значительно позднее – через два года [21. С. 197–198].

В Западной Македонии значительная часть православного духовенства сотрудничала с партизанами. Вскоре после капитуляции Италии (8 сентября 1943 г.) и освобождения значительной части оккупационной зоны – 11 октября 1943 г. в Македонии (раньше, чем в других частях Югославии) была создана религиозная комиссия, в которую, наряду с партийными работниками, входили священники и богословы. 15 октября главный штаб Народно-освободительной армии (НОА) и партизанских отрядов Македонии назначил религиозным референтом архиерейского наместника из Дебра священника Велё Манчевского, активно борového в частях Тито. Его указания были обязательными для всех священников на освобожденной территории. Одним из первых решений религиозной комиссии при главном штабе НОА стало упразднение в будущем зависимости Македонии от церковных властей за ее пределами и введении македонского языка в качестве административного и богослужебного в храмах. Религиозная комиссия также решила, что духовенство должно помогать партизанам, организуя покупку для них питания и одежды. Кроме того, комиссия занималась школьным образованием и составила список учителей, которые могли преподавать на македонском языке [22. С. 19; 16. С. 215–216; 23. С. 159].

21 октября по указанию религиозной комиссии на занятой партизанами территории в с. Издеглавле состоялось собрание православных священников, в котором из 13 приглашенных священников участвовали 11; из них двое были активными партизанами, а остальные сотрудничали с органами так называемой народной власти. В проходивших под председательством о. В. Манчевского заседаниях участвовали и представители мирян из нескольких сел, а также несколько партийных работников. Собрание приняло решение о создании на освобожденной от окку-

пантов территории (район Караормана, между городами Охридом и Дебром) особого архиерейского наместничества во главе со священником с. Слатино Антимом (Анфимом) Поповским, избранного наместником без одобрения кого-либо из епископов. Образованное таким неканоническим путем наместничество состояло из девяти приходов (охватывавших 30 сел) во главе с настоятелями. Собрание также единогласно высказалось за поддержку НОА и партизанских отрядов Македонии, отправив приветственную телеграмму ее командующему М. Апостольскому, провозгласило назначения священников в некоторые храмы и установило цены за требы и другие церковные услуги. Восстановление древней Охридской архиепископии провозглашалось возможным, но лишь после освобождения Македонии [22. С. 21; 2. С. 1012].

Собрание было заметным, но все-таки достаточно локальным событием, и его нельзя считать, как полагают некоторые югославские и сербские исследователи, «зачатком» будущих Церковно-народных соборов или «зачатком македонской церковной организации под руководством коммунистов». Нельзя согласиться и с утверждением, что собрание четко поставило цель создания самостоятельной Македонской церкви и ее выхода из юрисдикции Сербского Патриархата [22. С. 21; 17. С. 43; 16. С. 215–216]. Хотя следует упомянуть, что на Втором заседании Антифашистского веча народного освобождения Югославии в ноябре 1943 г. Македония была признана свободной федеративной единицей в будущем послевоенном государстве. По мнению многих македонцев, в связи с этим предстояло решить вопрос о независимой церковной организации [1. С. 283].

Партизанское архиерейское наместничество просуществовало меньше двух месяцев. 4 декабря 1943 г. сменившие итальянцев немецкие войска и формирования албанской организации «Балы комбтар» («Национальный фронт») начали наступление на партизан и вскоре захватили освобожденную территорию Западной Македонии. Священник А. Поповский был арестован, подвергнут пыткам и заключен в тюрьму г. Дебра, наместничество ликвидировано, а на его территории восстановлено управление Албанской церкви. Большинство партизанских священников погибли или были интернированы в Болгарию, но некоторые все же уцелели и, хотя и подчинились юрисдикции Албанской церкви, продолжили участвовать в движении Сопротивления [17. С. 44; 22. С. 23].

На первом заседании Антифашистского собора народного освобождения Македонии (АСНОМ) – главного органа ее законодательной власти, состоявшемся 2 августа 1944 г. в монастыре св. Прохора Пчинского и провозгласившем создание Народной республики Македония, ощущались сепаратистские и антисербские настроения. В работе Собора первоначально участвовали два священника – Кирилл Стоянов (Стояновский) из Скопле и Иван Йоргов из с. Дреново, а 27 октября 1944 г. в члены АСНОМ был дополнительно кооптирован священник Методий Гогов. Собор решил для соблюдения принципа свободы вероисповедания сформировать религиозную комиссию [17. С. 44].

Выход Болгарии из войны в сентябре 1944 г. и установление власти Отечественного фронта привели к ликвидации болгарского военно-административного и духовного управления в Македонии. 6–10 сентября из Скопле-Велешской епархии в Болгарию уехали 23 клирика. Примерно 20 клириков в это же время вернулись туда из Охридско-Битольской епархии [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 106. Л. 15].

Управляющие этими епархиями – митрополиты Софроний и Филарет еще в августе покинули Македонию. Перед отъездом владыка Софроний сформировал новый временный Епархиальный совет из местных священников, которые должны были управлять Скопле-Велешской епархией от его имени до установления законной церковной власти, чтобы «избежать анархии и грабежа церковного имущества». Таким образом, начало действовать временное руководство епархии в составе председателя совета священника Кирилла Стоянова, служившего в

церкви свв. Константина и Елены г. Скопле, и двух членов – священника Стоила Давидова и протоиерея Спиро Личановского (бывшего Дебрского архиерейского наместника), служивших в церкви св. Димитрия г. Скопле (при этом отцы К. Стоянов и С. Давидов были избраны членами Епархиального совета еще в 1942 г.). Кроме того, согласно инструкции митрополита, протосингел и другие уезжавшие болгарские священнослужители передавали церковно-административную власть в окружных городах старшим духовным лицам из числа местного населения в качестве архиерейских наместников. Митрополит Софроний и в дальнейшем, находясь в Болгарии, некоторое время продолжал поддерживать с ними связь через отдельных военных и гражданских лиц. В отчетном докладе председателю Синода митрополиту Неофиту от 15 сентября владыка писал: «Сохранено преемство в церковном управлении и в целом в епархии, и на местах» [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 106. Л. 15–17].

1 декабря 1944 г. митрополит Софроний представил председателю Синода докладную записку о денежных средствах Скопле-Велешской епархии [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 232. Л. 1]. В 1946 г. в разделе «Культурные и исторические памятники в Македонии» он описал состояние церквей и монастырей [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 234. Л. 1–2]. Переписка же с болгарскими органами власти об оставленном церковном имуществе в Скопле-Велешской и Охридско-Битольской епархиях продолжалась до 29 октября 1946 г. [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 132. Л. 1–215].

Многие руководящие посты в Скопле-Велешской епархии в августе – сентябре 1944 г. заняли местные священники, особенно тесно сотрудничавшие в период оккупации с болгарским духовным управлением. Так, например, о. Методий Гогов был в это время членом церковного суда в Скопле и советником митрополита Софрония; о. Стоил Давидов состоял в Центральном болгарском комитете в Скопле, а будущий секретарь «Инициативного комитета для организации Православной церкви в Македонии» (с 1946 г.) священник Илия Мукайстов из Джевджелии 26 июня 1943 г. писал митрополиту Филарету о своей верности болгарскому делу [7. С. 3].

Преемственность церковно-административной власти была сохранена и в Охридско-Битольской епархии: там управление также передали местным священникам – бывшим членам Епархиального совета или новоназначенным архиерейским наместникам. Эта церковная администрация действовала до установления в республике коммунистического режима после освобождения от немецкой оккупации всей Восточной Македонии осенью 1944 г. (в ходе наступления 2-й, 4-й болгарских армий и частей Народно-освободительной армии Югославии). Приведенная в статье предыстория создания Македонской церкви осталась безо всякого внимания со стороны большинства югославских историков (см. [16. С. 215–218; 24. С. 137–140]).

В крае также действовали некоторые болгарские священники и церковные чиновники, настроенные против сербов; особенную активность в этом плане проявлял первоначально оставшийся в Скопле бывший секретарь Священного Синода БПЦ и архимандрит Стефан. В период оккупации он некоторое время руководил Скопле-Велешской епархией и после освобождения края по-прежнему выступал за право БПЦ управлять ею. Некоторые сербские историки считают, что именно по настоянию архимандрита Стефана было объявлено по радиостанции София, что Болгарская церковь доверила руководство церковной жизнью в Македонии священникам Кириллу Стоянову и Методию Гогову [1. С. 283].

В Битоли для оказания помощи в управлении церковными делами до начала 1945 г. оставался бывший ректор Софийской духовной семинарии викарный епископ Драговитийский Харитон [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 122. Л. 20]. Правда, весной 1945 г. он был арестован по указанию коммунистического руководства республики.

В этой связи экзарх Болгарской церкви митрополит Стефан 20 апреля обратился к руководителю югославской военной миссии в Софии с настоятельной просьбой освободить епископа и дать ему возможность вернуться в Болгарию, так как он в Македонии все время «руководствовался только архиерейским долгом и был добрый отец и душепечитель вверенной ему пастве и не совершил ничего, что может быть предметом преследования со стороны властей» [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 55. Л. 1]. Просьбу экзарха выполнили, владыка Харитон был освобожден и возвратился в Болгарию.

Оставшиеся в Скопле после эвакуации болгарского церковного руководства члены временного Епархиального совета уже в сентябре образовали новый орган церковного управления – так называемую инициативную группу из пяти местных священнослужителей (к указанным трем членам Совета добавились священник Никола Апостольский и еще один иерей). Именно эти священнослужители в дальнейшем возглавили движение за создание автокефальной Македонской церкви; по версии некоторых сербских историков, таким образом они хотели избежать наказания со стороны руководства СПЦ «за канонические преступления в период оккупации» [7. С. 6].

Независимо от указанной группы в октябре 1944 г. на освобожденной партизанами территории в г. Врановичи, где временно находился главный штаб Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) в Македонии, был образован «Инициативный комитет для организации церковной жизни в Македонии» в составе священников Велё Манчевского, Методия Гогова, Панде Поповского, Спиро Димевского и Шако. Этот орган ставил первоочередной задачей образование в городах края «священнических комитетов», которые взяли бы на себя руководство церковными делами сразу после освобождения населенных пунктов. Вскоре такие комитеты были созданы в двух занятых партизанами городах Македонии: Битоля и Прилеп [22. S. 27; 1. С. 283].

3 ноября 1944 г. Скопле был освобожден бригадой НОАЮ и болгарской дивизией³. В тот же день отцы К. Стоянов и Н. Апостольский заняли здание Скопленской митрополии, где собрались священники города и приехавшие из Врановичей некоторые члены инициативного комитета. На этом заседании был образован новый инициативный комитет по организации Македонской православной церкви из четырех человек: К. Стоянова (председатель), Н. Апостольского, М. Гогова и В. Манчевского. Вскоре комитет обратился ко всем архиерейским наместникам края с письмом, в котором предлагал организовать «священнические комитеты» для регулирования церковных дел (эта форма была заимствована у БПЦ, создавшей подобные комитеты в 1941 г.) [22. S. 28]. 15 декабря Президиум АСНОМ решил оказать материальную помощь церковным служащим и священникам Скопле-Велешкой епархии. Таким образом, сохранилось введенное в период болгарской оккупации церковно-административное деление Македонии.

В заключительный период войны сепаратистски настроенные македонские священники стали все более тесно сотрудничать с руководством Коммунистической партии Македонии (КПМ), которое поддержало их устремления. Планируемое воссоздание древней Охридской архиепископии предоставляло реальную возможность политическими способами (хотя бы и с помощью коммунистов) решить «македонский церковный вопрос», т.е. сделать Македонскую церковь полностью независимой от других юрисдикций (автокефальной).

Еще до полного освобождения Македонии – 18 октября 1944 г. председатель Синода СПЦ митрополит Скопленский Иосиф издал указ о возвращении выслан-

³ На завершающей стадии Второй мировой войны болгарские части воевали на стороне антигитлеровской коалиции и участвовали в освобождении Югославии вместе с советскими войсками и НОАЮ.

ных сербских священников и монахов на прежние места их службы, но новые коммунистические власти республики стали чинить всевозможные препятствия этому процессу. 2 декабря митрополит Иосиф обратился к членам Синода с вопросом о возвращении духовенства в Южной Сербии (т.е. Македонии) на свои прежние места службы. Указом Синода от 30 декабря 1944 г., временным администратором Скопленской и Охридско-Битольской епархии был назначен епископ Иеротей, но до его реального вступления в должность дело так и не дошло [1. С. 283–284].

3 января 1945 г. члены инициативного комитета отправили в Священный Синод письмо, в котором выразили пожелания и чаяния македонского духовенства, заверив, что они остаются «верными и преданными канонам и законам Святой Православной Церкви». 20 января Синод решил, что все свои просьбы и обращения «самозванный» комитет должен направлять исключительно митрополиту Иосифу как своему законному правящему архиерею. Митрополит ответил членам комитета 22 января предложением еще раз, исходя из каноничной церковной точки зрения, обдумать свою позицию и встретиться для переговоров в Белграде или Скопле, осудив тот факт, что они ведут себя как сторона, равнопоставленная Синоду [7. С. 7].

Также 3 января К. Стоянов, Н. Апостольский и М. Гогов от имени инициативного комитета отправили поздравление с Рождеством экзарху БПЦ митрополиту Стефану. В ответном письме главного секретаря Синода говорилось, что экзарх был глубоко тронут выраженными в поздравлении добрыми чувствами к Болгарской церкви и молится «за процветание Святой Македонской Православной Церкви» [10. Ф. 791к. Оп. 2. А.е. 34. Л. 15–16]. Таким образом, Болгарский экзархат фактически поддержал действия членов инициативного комитета.

16 января 1945 г. Синод обратился к югославскому руководству с просьбой о содействии возвращению духовенства в три южносербские (македонские) епархии, но оно не откликнулось на эту просьбу. После окончания оккупации оба изгнанных в начале войны из Македонии сербских архиерея (митрополит Иосиф и епископ Викентий), несмотря на неоднократные попытки, не смогли вернуться в свои епархии, так как не получили разрешения со стороны коммунистических властей [7. С. 4–6; 8. С. 258–260].

С согласия органов власти республики 4–5 марта 1945 г. в Скопле состоялся первый Церковно-народный собор, собравший около 300 делегатов от духовенства и мирян и гостей, представлявших органы власти и другие конфессии (архиереи отсутствовали). Собор принял резолюцию из семи пунктов, в том числе: 1. Македонский православный народ в лице своих избранных делегатов со всей Македонии решил восстановить Охридскую архиепископию как самостоятельную Македонскую церковь и не будет подчиняться никакой другой Поместной церкви; 2. Она имеет своих епископов и свое народное священство; 3. Первый македонский епископ носит титул «Охридский архиепископ», а Македонская церковь называется «Св. Климентовская Охридская архиепископия». Избранные на Соборе делегаты должны были посетить Православные церкви-сестры и письменно известить их о цели македонцев – добиться канонического признания своей Церкви. Кроме того, было решено выдвинуть на следующем Соборе кандидата в епископы и для его хиротонии пригласить архиереев из других Православных церквей. Таким образом, фактически провозглашалось создание Македонской церкви во главе с Охридским архиепископом. Правда, отмечалось, что когда будет создан Всеюгославский патриархат (такие планы существовали у коммунистического руководства страны), Македонская церковь войдет в его состав, как и другие Православные церкви в федеративной Югославии (Сербская, Черногорская и т.п.). Наконец, на Соборе был избран новый «Инициативный комитет для организации Православной церкви в Македонии» (во главе с

прот. Кириллом Стояновым), который получил право назначать на приходы священников. Характерно, что Собор в ходе работы отправил приветственные телеграммы и письма только Й.Б. Тито, Московскому и Константинопольскому патриархам, а также главам Болгарской и Греческой (Элладской) церкви [7. С. 7–8; 22. С. 29; 2. С. 1028–1031; 17. С. 45].

Только 8 марта инициативный комитет послал Священному Синоду телеграмму на македонском языке с извещением о решениях Собора и пожеланием, чтобы Синод «скорее признал Македонскую православную церковь и восстановил историческую Охридскую архиепископию». Сообщалось также, что в Скопле «была сформирована делегация, которая посетит все сестринские Православные церкви и разъяснит им всю оправданность своих требований». Замещавший патриарха митрополит Иосиф и другие архиереи Сербской церкви негативно отнеслись к решениям Церковно-народного собора. 12 марта Архиерейская конференция признала действия этого Собора неканоничными и решила, что митрополиту Иосифу необходимо, по возможности, скорее выехать в Скопле, чтобы на месте разобраться с ситуацией и отстаивать интересы Сербской церкви [22. С. 31; 24. С. 140–147; 6. С. 156–159].

В этой связи владыка 13 марта письменно обратился к коменданту Белграда с просьбой о содействии в возвращении архиереев и священников в освобожденные от врага местности и выделении ему в Скопле помещения для канцелярии. В письме отмечалось, что богослужения в Македонии до сих пор совершаются на болгарском языке и из храмов убраны богослужебные книги на церковнославянском. В ответе министра внутренних дел от 17 марта говорилось, что он не может издать указ о приезде в Скопле митрополита Иосифа, и предлагалось вызвать священников, сообщивших о создании Македонской церкви, в Белград и на этой встрече обговорить возможность возвращения митрополита и других архиереев в Македонию. 19 марта Синод сообщил министру о готовности организовать эту встречу, но в тот же день обратился за разрешением возвращения архиереев и священников к Президиуму Совета министров Югославии. Ответ последнего от 23 мая информировал лишь о том, что по вопросу возвращения духовенства будут запрошены местные власти. Это означало замаскированный отказ [7. С. 10–11].

В конце марта митрополит Иосиф приехал в южносербский город Вранье, где временно организовал Епархиальное управление и Скопленский церковный суд. Из Вранье владыка извещал Синод о положении дел в Македонии, в том числе о контактах инициативного комитета и представителей властей с Поместными православными церквами с целью добиться признания новой церковной организации. При этом митрополит так писал о членах инициативного комитета: «Люди, которые руководят местной Церковью, находятся под чужим руководством и делают то, что им поручают с этой стороны (т.е. со стороны руководства компартии. — *М.Ш.*)» [7. С. 12–13].

Особенное внимание митрополита Иосифа привлек разговор министра Народной республики Македония Э. Чучкова с главой приезжавшей в апреле 1945 г. в Белград делегации Московского Патриархата епископом Сергием (Лариным). В ходе этой беседы министр просил Московскую Патриархию не только признать Македонскую церковь, но и помочь в ее организации, в частности, прислать своего архиерея для руководства новой Церковью. Однако эти переговоры закончились безрезультатно. В июле 1945 г. в беседе с министром внутренних дел В. Зечевичем епископ Браничевский Вениамин указал на недопустимости отсутствия в Македонии церкви архиерея и получил ответ, что в республике существует Церковный совет, который управляет жизнью епархий, и, кроме того, приглашен некий епископ из России (здесь министр явно выдал желаемое за действительное) [7. С. 12, 14].

12 октября 1945 г. глава сербской Американско-Канадской епархии епископ Дионисий в опубликованном в прессе открытом письме патриарху Московскому Алексию выразил удивление, что со стороны Русской православной церкви (РПЦ) не поднимается голос «против изгнания сербских епископов из Южной Сербии и Македонии и замещения их болгарскими епископами: Софроний и другие, которые там и остались все до настоящего дня [...] Вашей Святости, вероятно, известно, что белградское радио в конце августа месяца объявило, что скоро будет приступлено к избранию главы “Независимой Православной Церкви в Македонии”. Мы молим Вашу Святость воспрепятствовать этому избранию, а если и произойдет оно, то не признавать его» [25. С. 31; 26. Д. 18. Л. 146–147].

Упреки, в основном, были несправедливы: Московская патриархия не хотела портить отношения с правительством Югославии и вмешиваться во внутренние дела страны, поэтому и не заступилась за двух высланных из Македонии сербских архиереев, никаких же правящих болгарских епископов в 1945 г. в республике уже не было. Правда, во время пребывания митрополита Иосифа во главе делегации СПЦ в Москве в конце января – начале февраля 1945 г. его безрезультатно убеждали признать основание Македонской церкви. По мнению сербской исследовательницы Р. Радич, «вероятно, за идеей о создании Македонской православной церкви стояла Русская православная церковь, т.е. интересы советской внешней политики» [1. С. 284]. Однако это утверждение лишено всяких документальных оснований и не соответствует действительности.

Убедившись в негативной реакции митрополита Иосифа, Московская патриархия, несмотря на неоднократные предложения со стороны югославских властей, осталась верна своей дружбе с Сербской православной церковью, не признала Македонскую церковь и не помогла в ее организации. Советские органы власти в лице Совета по делам Русской православной церкви также не настаивали на ее признании (их отношения с коммунистическим руководством Югославии были довольно сложными). Сам владыка Иосиф в своих мемуарах писал, что приезжавшая в апреле 1945 г. в Югославию делегация московского Патриархата отказалась от встречи с прибывшими в Белград представителями македонского духовенства и не поддержала желавших отделиться от СПЦ [8. С. 260]. В разговоре же с членами Синода СПЦ участники русской делегации выразили уверенность, что этот конфликт может быть решен по примеру положения Украинской православной церкви в составе Московского патриархата (т.е. предоставлением автономного статуса) [27. С. 21, 31].

В ответном письме епископу Американско-Канадскому Дионисию, отправленном в декабре 1945 г., патриарх Алексий подчеркивал: «Когда представители Македонской церкви обратились к нам с просьбой поддержать их стремление к автокефалии, мы отклонили ее и пренебрегли ответом, не желая ничем мешать Сербской православной церкви [...] Ни одна из образовавшихся в Югославии самостийно, без согласия Сербской церкви, автокефальная Церковь, как поступившая против священных канонов, не может быть нами признана» [26. Д. 18. Л. 151–152].

В итоге МПЦ так никто и не признал, но борьба за ее создание продолжалась. В письме от 27 июля 1945 г. члены инициативного комитета выразили митрополиту Иосифу свое недовольство тем, что в Македонии распространяется официальный печатный орган СПЦ журнал «Гласник», за пределами республики – в г. Вранье создан Скопленский церковный суд, и Синод по своему желанию выделяет материальную помощь епархиям Южной Сербии, между тем как уже существует «Македонская Народная Православная Св. Климентовская Церковь». В ответ Синод в резолюции от 29 сентября указал, что не может признать самостоятельность и независимость Церкви в Македонии, так как решением Кон-

стантинопольского патриарха в 1920 г. Македония была передана в юрисдикцию Сербской церкви, да и раньше она принадлежала к Печской патриархии. Кроме того, Синод с негодованием подчеркнул, что члены инициативного комитета считали себя самостоятельными и равноправными Священному Синоду [28. № 10. С. 92–93; 17. С. 46–48].

Вскоре, помимо инициативного комитета, и правительство республики Македония выразило Синоду протест по поводу указанных действий и запросило финансовую помощь приходскому македонскому духовенству (из тех 15 млн динар, которые югославское правительство выделяло Сербской церкви). Однако Синод отказал в финансовой поддержке, признал действия инициативного комитета самовольными и неканоничными и призвал македонское духовенство покориться своим законным церковным властям [28. № 9. С. 82].

11 октября делегацию инициативного комитета принял Й.Б. Тито, который поинтересовался делами «народной Церкви» и обещал ей материальную поддержку. В результате 13 ноября Министерство финансов выделило Македонской церкви в качестве временной помощи 1 млн динар [29].

Опасаясь влияния священноначалия СПЦ на паству, члены инициативного комитета совместно с властями настаивали на том, чтобы не было никаких контактов Синода с духовенством и мирянами в Македонии. Однако в республике все-таки были недовольные неканоническим отделением от Церкви-Матери – собравшиеся 1 января 1946 г. на конференцию в Битоли 32 священника приняли резолюцию: просить Синод разрешить организовать в Македонии автономную Церковь, которая бы оставалась в канонической связи с Сербским патриархатом [7. С. 18].

Когда в феврале – марте 1946 г. в Белград вновь приезжала делегация Московского патриархата во главе с епископом Сергием (Лариным), группа священников (автокефалистов) из Скопле ходатайствовала об их приеме владыкой; одновременно епископ получил телеграмму от протоиерея Кирилла Стоянова, в которой говорилось о желании священства и народа Македонии автономии, а не автокефалии своей Церкви. Владыка Сергей не принял македонскую делегацию, но она 27 февраля посетила митрополита Иосифа и в беседе с ним упорно настаивала на предоставлении автокефалии [1. С. 288–289]. В результате 18 марта владыка Иосиф прямо спросил приглашенного на заседание Архиерейской конференции епископа Сергия: «Каково отношение Московской патриархии к проискам македонских священников против Сербской церкви?», – и получил вполне удовлетворивший его ответ [26. Д. 18. Л. 172–173].

Открытый конфликт между сторонниками автономии и автокефалии произошёл на состоявшемся 8–10 мая 1946 г. заседании Скупщины православного македонского духовенства в Скопле. Накануне, 2 мая, два члена инициативного комитета (К. Стоянов и Н. Апостольский) «от имени Церковно-народного собора» обратились к Синоду БПЦ с обширным посланием, в котором излагалась история Охридской архиепископии, причем отмечалось, что «с деятельности св. Климента и св. Наума в Охриде начался светлый период в истории македонских славян», и указывалось, что созданный без всякого принуждения священством и народом Македонии 4 марта 1945 г. Церковно-народный собор принял решение о возобновлении Охридской архиепископии и организации Македонской церкви с народным епископом и народными священниками. В послании выражалась надежда, что самостоятельная Македонская церковь будет признана в качестве равноправного члена организуемой Православной церкви Югославии, и содержалась просьба к Болгарской церкви-сестре помочь «в правильном разрешении их церковных просьб», поскольку «так хочет весь православный народ Македонии» [10. Ф. 791к. Оп. 1. А.е. 134. Л. 26–30]. Однако Синод БПЦ, не желая идти на прямой конфликт с Сербской церковью, не стал вмешиваться.

Положение автокефалистов еще больше осложнилось после возвращения в Югославию в конце 1946 г. патриарха Сербского Гавриила. Инициативный комитет запретил помянуть его в храмах, но был вынужден пойти на переговоры, в принципе признав верховенство Сербского патриархата. Переговоры проходили 10 мая 1947 г. в Белграде и закончились неудачей. Патриарх был готов предоставить Церкви в Македонии значительную самостоятельность во внутренних делах, однако настаивал на возвращении в Скопле митрополита Иосифа, с чем категорически не соглашались члены македонской делегации [7. С. 25]. Они, несомненно, чувствовали за собой мощную поддержку, так как не только македонские коммунисты, но и руководство КПЮ, которому было выгодно ослабление и раздробление Сербского патриархата, активно поддержало отделение Македонской церкви.

Эта ситуация несколько изменилась в конце 1940-х годов, после разрыва югославских коммунистов с Советским Союзом и возглавляемым им блоком стран «социалистического лагеря». В Македонии начались жестокие репрессии в отношении проболгарски настроенных священников, многие из которых возглавляли движение автокефалистов [7. С. 20]. В тоже время у правительства Й.Б. Тито появилась идея создать «единую автокефальную Македонскую православную церковь», включавшую не только Вардарскую, но и отошедшие к Болгарии и Греции части Македонии (т.е. Пиринскую и Эгейскую Македонию), чтобы иметь инструмент вмешательства в дела этих стран.

В беседе с первым секретарем советского посольства А.М. Зубовым 23 марта 1950 г. патриарх Гавриил сообщил, «что некоторое время тому назад его посетили премьер Македонии Лазо Колишевский и ген[еральный] секретарь правительства Джурич, которые требовали от него, чтобы он признал автокефалию за православной церковью НР Македонии. По словам патриарха, он отказал [...] сказав, что если он признает автокефалию за православной церковью НР Македонии, то это может привести к тому, что он должен будет признать такие же права за церквами Черногории, Боснии и Герцеговины и другими. Колишевский и Джурич [...] на это ему ответили, что православная церковь НР Македонии занимает особое положение, ибо македонцы православного вероисповедания проживают не только в НР Македонии, но также и в Болгарии и Греции [...] Беседа Колишевского и Джурича с патриархом Гавриилом, по словам последнего, не привела ни к каким результатам» [30.С. 292–293]. Патриарх категорически не хотел признать автокефалию Македонской церкви.

Вскоре патриарх Гавриил скончался, и избранный 2 июля 1950 г. патриархом Сербским Викентий (Проданов) под давлением властей в первом же интервью корреспонденту югославского телеграфного агентства в день интронизации сказал, что «вопрос о предоставлении автокефалии Македонской православной церкви приближается к успешному разрешению» [26. Д. 734. Л. 36]. На проходившем 26 декабря 1950 г. расширенном заседании Главного комитета Союза православных священников Югославии секретарь Союза Ратко Елич в отчетном докладе также отметил, что «церковный вопрос НР Македонии созрел для разрешения, и можно надеяться, что он будет решен на первом заседании Арх[иерейского] Собора [...] Македонское духовенство заняло правильную позицию и самым решительным образом выступило против великоболгарской пропаганды, которая пыталась через церковь проводить имформбюровскую политику» [31. С. 709].

Однако подавляющее большинство сербских архиереев продолжали занимать в этом вопросе непримиримую позицию, что должен был учитывать патриарх Викентий. В беседе с послом Великобритании Ч. Пийком в конце декабря 1950 г. он заявил о намерении «делать все, что в его силах, чтобы заставить замолчать шовинистически настроенных священников Македонской церкви, так как считает, что единство должно быть сохранено любой ценой [...] Патриарх выразил на-

дежду, что к весне 1951 г. ему удастся найти удовлетворительное решение и этой проблемы. Викентий предполагает достичь с церковью Македонии определенного компромисса. Так, например, Македонской церкви будет предоставлено право совершать богослужение на родном языке» [31. С. 701–702; 26. Д. 846. Л. 63–64].

«Определенный компромисс» был достигнут только через семь с лишним лет. Состоявшийся 4–6 октября 1958 г. в Охриде Церковно-народный собор с участием 220 священников и мирян еще раз объявил о восстановлении древней Охридской архиепископии и основании автономной Македонской церкви. На Соборе были избраны глава Церкви – ее первый митрополит в лице молодого сотрудника Сербской патриархии епископа Дионисия и епископы для трех епархий: Скопийской, Охридско-Битольской и Златовско-Струмицкой. Новая Церковь заявила, что пребывает в каноническом единстве с Сербской церковью в лице ее патриарха. В июне 1959 г. Архиерейский Собор СПЦ признал автономию Македонской церкви, и в следующем месяце избранные епископы были рукоположены митрополитом Дионисием и сербскими архиереями.

Осенью 1966 г. Македонская церковь официально обратилась к Сербскому патриархату с просьбой предоставить ей автокефальный статус, но 3 декабря 1966 г. Архиерейский собор СПЦ отверг эту просьбу. 17–19 июля 1967 г. в Охриде состоялся новый Церковно-народный собор, основываясь на резолюции которого Синод Македонской церкви 19 июля провозгласил ее автокефалию при открытой поддержке правительства Республики Македония. Митрополит Дионисий получил новый титул «архиепископ Охридский и Македонский». Вскоре Македонская церковь перешла на новоюлианский календарь; к моменту объявления своей автокефалии она насчитывала 334 священника, служивших в 400 приходах и окормлявших около миллиона верующих [23. С. 159]. Архиерейский Синод объявил Македонскую Церковь раскольничьей религиозной организацией и порвал с ее иерархией всякое литургические и канонические общение, хотя и сохранил его с простыми верующими. Это решение было поддержано другими Поместными православными церквями: ни одна из них до настоящего времени не признала каноничности Македонской церкви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Радић Р.* Држава и верске заједнице 1945–1970. Београд, 2002. Д. 1. 1945–1953.
2. *Димевски С.* Историја на Македонската Православна Црква. Скопје, 1989.
3. *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске Православне Цркве. Келн, 1986. Књ. III.
4. *Елџров С.* Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004.
5. *Стоянова В.* Църковно-административната уредба на Македония и Тракия и изборът на патриарх на Българската православна църква (април 1941 – септември 1944 г.) // Минало. София, 1994. № 2.
6. *Петров П., Темелски Х.* Църква и църковен живот в Македония. София, 2003.
7. *Пузовић П.* Раскол у Српској Православној Цркви. Македонско црквено питање. Београд, 1997.
8. *Митрополит Скопски Јосиф.* Мемоари. Цетинье, 1998.
9. *Vogdanović D.* Kosovo. Vergangenheit und Gegenwart. Zürich; Lausanne, 1992.
10. Централен државен архив на Република България.
11. Bundesarchiv Berlin (BA).
12. Църковен вестник. София. 1943. 5 I.
13. *Димитријевић М.* Српска црква под бугарском окупацијом // Српска Православна Црква 1920–1970. Београд, 1971.
14. *Белич А.* Сербская православная церковь во время II Мировой войны. Дисс... канд. богословия. СПб., 2010.
15. *Терзиоски Р.* Бугарската православна црква во окупирана Македонија (1941–1944) // Гласник на институтот за национална историја. 1965. № 2.
16. *Димевски С.* Црковна историја на македонскиот народ. Скопје, 1965.
17. *Слијепчевић Ђ.* Македонско црквено питање. Минхен, 1969.
18. *Терзиоски Р.* Денационализаторската дејност на бугарските културно-просветни институции во Македонија (Скопска и Битолска окупациона област) 1941–1944. Скопје, 1974.

19. *Велјановски Н.* Бугарската црква и нејзиното религиозно воспитно влијание во Македонија во периодот на окупацијата од 1941–1944 година // Просветно дело. Скопје. 1967. № 7–8.
20. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts Bonn, Inland I-D, 4795.
21. История Югославии. М., 1963. Т. 2.
22. *Zečević B.* Die Autokephalieerklärung der Makedonischen Orthodoxen Kirche. Würzburg, 1994.
23. *Скурат К.Е.* История Поместных Православных Церквей. М., 1994. Ч. 1.
24. *Белчовски Ј.* Автокефалноста на Македонската православна црква. Скопје, 1986.
25. Церковная летопись. Лозанна. 1945. № 1.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 1.
27. *Живојиновић Д.* Српска православна црква и нова власт 1944–1950. Београд, 1998.
28. Гласник. Београд. 1945.
29. Архив Државне заједнице Србије и Црне Горе. Београд. Председништво Владе ФНРЈ. 50-128-257.
30. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 2002. Т. 2.
31. Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов. М., 2009. Т. 2.

© 2012 г. Е. Л. ВАЛЕВА

ИНАКОМЫСЛИЕ И ОППОЗИЦИЯ В БОЛГАРИИ В 1980-е годы

Организованное проявление недовольства социалистическим режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось в Болгарии лишь в конце 1980-х годов, что дало историкам основание назвать его «запоздалым». Но несмотря на специфику, касающуюся времени появления и форм деятельности, болгарские «неформальные» организации в момент глубокого общественно-экономического и политического кризиса в стране сумели создать благоприятную политическую атмосферу для осуществления перехода к демократии и рыночной экономике.

Organised manifestations of dissatisfaction with the Socialist regime, which are usually called the dissident movement, broke up in Bulgaria in the late 1980s. This circumstance let some historians call it «delayed». Nevertheless, despite their late coming into being and specific forms of activities, Bulgarian «informal» organizations – in the period of deep social-economic and political crisis – were capable of creating favorable political atmosphere for transitions to democracy and market economy.

Ключевые слова: история Болгарии, диссидентство, оппозиция, Болгарская коммунистическая партия, антитоталитарная революция, Т. Живков, Ж. Желев.

С самого начала отмечу, что болгарское диссидентство, в силу своей специфики, до сих пор вызывает неоднозначные оценки как у болгарских, так и у зарубежных исследователей [1]. Одни убеждены, что в Болгарии, в отличие от других стран Восточной Европы и СССР, диссидентства вообще не существовало или что оно возникло не ранее отстранения от власти Т. Живкова 10 ноября 1989 г., другие называют диссидентством любое выражение недовольства режимом, будь то в форме анекдотов или «разговоров на кухне». Более того, сами болгарские инакомыслящие в середине 1990-х годов по-разному отвечали на вопрос, считают ли они себя диссидентами (одна из главных причин – различный смысл, вкладываемый в это понятие) [2. С. 15–40]. Как пишет проводившая это анкетирование автор первой книги о болгарском диссидентстве и активный его участник Евгения Иванова, «то, что мы определяем как диссидентство, колеблется между героизацией и недооценкой» [2. С. 5]. Представляется справедливой позиция одного из организаторов болгарского оппозиционного движения и впоследствии президента страны Желю Желева: если под диссидентами понимать людей, которые не согласны с политическим режимом и открыто, публично выражают свое несогласие, тогда в Болгарии диссидентство существовало [2. С. 36].

Не вызывает сомнений тот факт, что, в отличие от Польши, Венгрии, Чехословакии, болгарскому обществу до конца 1980-х годов был более присущ скрытый

Валева Елена Любомировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

плюрализм, который не заявлял о себе значимыми публичными акциями. Болгарское инакомыслие как организованное движение явилось прямым следствием советской «перестройки», а также некоторой либерализации живковского режима, начатой «сверху». Речь идет о так называемой Июльской концепции¹, согласно которой, в частности, предусматривалась возможность создания объединений, клубов, форумов, движений и т.д. Выразителем растущего социального недовольства стала творческая интеллигенция, перешедшая от молчаливого внутреннего несогласия к открытой критике режима. При этом следует отметить, что Т. Живков всегда выстраивал особые отношения с творческой интеллигенцией, считая одним из основных факторов легитимации режима поддержку самыми известными и уважаемыми членами общества. В социалистической Болгарии интеллектуальную элиту подкупили, обеспечив стиль жизни, доступный лишь высшим слоям общества, в обмен на лояльность. «Заигрывание» Живкова с интеллектуалами затрудняло для них разрыв с властью, но советская «перестройка» настолько их воодушевила, что ситуация быстро и в корне изменилась. Взрыв произошел весной 1989 г., когда на съездах различных творческих союзов резко критиковалось ограничение гласности в Болгарии, сохранение «запретных для критики» зон, привилегий для номенклатуры и т.д. Острые статьи оппозиционной направленности стали появляться в печати, телезрители с большим интересом смотрели критическую передачу «Актуальная антенна».

Впрочем, и ранее всей стране были известны критически настроенные интеллектуалы – писатель Г. Марков, художник Св. Русев, поэтесса Бл. Димитрова, философ Ж. Желев, писатель-сатирик Р. Ралин, художники-карикатуристы Б. Димовский и Т. Цонев (их работы были прямо направлены против Т. Живкова). Особенно широкий отклик у общественности нашла монография Ж. Желева «Фашизм. Тоталитарное государство» (1982), запрещенная вскоре после выхода в свет из-за скрытых параллелей между фашистским и социалистическим государством. Часть творческой элиты, веря в возможность социализма с «человеческим лицом», с надеждой встретила Пражскую весну и с горечью переживала ее подавление. Но интеллигенция избрала не безнадежное в то время «безумство храбрых», а эволюционный путь борьбы с режимом через честную и гуманную творческую и гражданскую позицию [3–4]. Надо сказать, что храбрецы все же нашлись и в Болгарии – группы (в основном, студентов) во главе с Л. Собаджиевым, А. Фосколо и др. в 1968–1969 гг. распространяли листовки, в которых призывали граждан к борьбе с антигуманным коммунистическим режимом «марионетки Живкова», протестовали против ввода войск стран Варшавского Договора в Чехословакию. Все они в результате оказались за решеткой.

Что касается болгарской политической эмиграции, то в целом она не смогла объединиться в единый центр и практически не оказывала воздействия на общество внутри страны. Исследователи усматривают в этом еще одно отличие болгарского диссидентства от инакомыслия в СССР и странах Центральной Европы, где было несколько эмиграционных волн с участием известных личностей, которые не только популяризировали за границей демократические движения в своих странах, но и являлись опорой диссидентов внутри этих стран [5. С. 362–363].

¹ Концепция болгарской перестройки, разработанная ближайшим окружением Т. Живкова и принятая на июльском пленуме ЦК БКП в 1987 г., содержала весьма революционные положения: равенство и многообразие форм собственности, предоставление гражданам права образовывать «самодетельные» (негосударственные) организации, отход компартии от управления обществом в качестве его высшего эшелона и т.д. По мысли Живкова, осуществление этой концепции должно было обеспечить постепенное встраивание новой, соответствующей современным реалиям, модели социализма в старую, государственно-монополистическую модель, проигравшую экономическое соревнование с капитализмом.

По признанию писателя Г. Мишева, в Болгарии самой распространенной формой инакомыслия стала «эзоповская», т.е. завуалированная форма сопротивления существующей системе [2. С. 38–39]. Однако организованное проявление недовольства режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось лишь в конце 1980-х, что дало болгарским историкам И. Баевой и Е. Калиновой основание назвать его «запоздалым» [6. С. 231].

Отсутствие в Болгарии диссидентских организаций, подобных Хартии 77 в Чехословакии, КОС – КОР и «Солидарности» в Польше, групп, разработавших в середине 1980-х годов программы преобразования социалистического режима в Венгрии, нередко становилось основным аргументом в поддержку тезиса о том, что в начале демократических перемен болгары оказались к ним не готовы. Так ли это на самом деле? Материалы архивов, а также опубликованных документальных сборников и прессы свидетельствуют о том, что в 1988–1989 гг. (т.е. за два года до падения режима Т. Живкова) в стране оформилась организованная оппозиция правозащитного, экологического и синдикального типа. В момент глубокого общественно-экономического и политического кризиса болгарские неформальные организации сумели создать благоприятную политическую атмосферу для осуществления перехода к демократии и рыночной экономике. В документах таких неформальных организаций, как Общественный комитет по экологической защите города Русе, Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии, Независимый профсоюз «Подкрепа» («Поддержка»), Независимое общество защиты прав человека в Болгарии и др.) можно найти подробнейшие сведения об обстоятельствах возникновения и организационных основах, об учредителях и их взглядах, о характере и ближайших целях организаций, а также об отзывке, который их деятельность получила в обществе [7–8].

«Июльская концепция» придала смелости осторожной болгарской интеллигенции. На отчетно-выборной конференции партийной организации в Софийском университете осенью 1987 г. в ряде выступлений открыто прозвучала острая критика живковского режима. Четырех «провинившихся» профессоров немедленно уволили и исключили из рядов Болгарской коммунистической партии (БКП). Свидетельством пробуждения общества стали многочисленные протесты преподавателей и студентов с требованием отмены наказания. Немаловажную роль в развитии оппозиционного мышления сыграли «полудиссидентские» неформальные кружки, клубы и семинары, где философы, историки, писатели, кинодраматурги критиковали разные стороны социалистической действительности. Таким образом, в болгарском инакомыслии, как и в диссидентстве других стран Восточного блока, преобладали интеллектуальная структура и природа.

С самого начала в болгарском диссидентстве обособились два лагеря. Первый сформировали Независимое общество защиты прав человека в Болгарии (НОЗПЧ), Независимый профсоюз «Подкрепа», Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, второй – Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии, Общественный комитет по экологической защите города Русе (ОКЭЗР или Русенский комитет). В первый лагерь вошли идейные противники режима, откровенные антикоммунисты, в основном бывшие политзаключенные, создававшие организации главным образом в провинции. Членскую массу второго лагеря составляли представители софийской интеллектуальной элиты, пользовавшиеся широкой известностью и авторитетом в стране. Среди них было немало коммунистов реформаторского толка, настроенных против Живкова (хотя и там часть активистов была против системы в целом, но по тактическим причинам не выступала с этих позиций). Несколько особняком стояла «Экогласность», объединившая как приверженцев социализма, так и его противников, сплоченных общей тревогой за сохранение окружающей среды [9].

Однако независимо от множества различий в оппозиционных организациях в более глобальном плане диссидентство – это нравственная, а не политическая категория, нравственный протест (и здесь нельзя не согласиться с Е. Ивановой). От протеста против повседневного унижения человека на бытовом уровне до протеста против тотального подавления прав болгарских турок. Это потребность «жить не по лжи», как призывал А. Солженицын еще в 1974 г. Это «чувство невыносимости», как назвал свой рассказ болгарский писатель-диссидент Г. Марков, убитый в Лондоне в 1978 г. уколом отравленного кончика зонтика. Или, как объяснил причины своего диссидентства Р. Данов, «мотивы были чисто эгоистичными – ради [...] собственного психического равновесия» [2. С. 40].

Первая болгарская правозащитная, диссидентская организация и первая независимая общественная организация после 1947 г. – это, несомненно, Независимое общество защиты прав человека в Болгарии, созданное 16 января 1988 г.² Илией Миневым с 16-ю единомышленниками в его доме в г. Септември. Первые попытки Минева и еще нескольких бывших политзаключенных создать диссидентскую организацию датируются еще 1984–1985 годами (а сама идея, по признанию Минева, возникла еще в 1950-е годы в Шуменской тюрьме). Естественно, суд постоянно отказывал им в регистрации. Созданию НОЗПЧ предшествовало обращение весной 1987 г. нескольких болгарских правозащитников с открытым письмом-воззванием к участникам Венской конференции государств – членов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также предварительные переговоры между будущими основателями Общества в октябре – декабре 1987 г. НОЗПЧ объявило, что его деятельность основывается на Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Заключительном акте конференции в Хельсинки (1975) и ст. 52 конституции Болгарии. Основную задачу Общество видело в контроле над соблюдением прав и свобод человека в стране и информировании болгарского и мирового общественного мнения о нарушении этих прав. В Уставе НОЗПЧ отмечалось, что оно «имеет Заграничную секцию, членами которой являются болгары и болгарские граждане, проживающие более одного года за пределами отечества» [2. С. 42–43]. В эту секцию вошли, например, сумевшие бежать на Запад сокамерники И. Минева по Старозагорской тюрьме П. Бояджиев и А. Фосколо, а впоследствии – выдворенные за пределы Болгарии в октябре 1988 г. Э. Генев, И. и З. Янковы и другие активисты Общества. Бояджиев первым осознал, что для успеха своего дела оппозиция должна непременно контактировать с внешним миром. В 1988 г. во Франции оформилось эмигрантское крыло, которое сотрудничало с авторитетными европейскими СМИ. Благодаря прежде всего передачам журналистки радио «Свободная Европа» Румяны Узуновой в мире и в самой Болгарии узнали о первых неформальных организациях и об их протестах против нарушений прав человека. На протяжении двух лет, с 1988 по 1989 г., Р. Узунова ежедневно проводила по телефону по несколько интервью с болгарскими гражданами, освещая деятельность Независимого общества в защиту прав человека, профсоюза «Подкрепа» и других «неформалов» [10].

Первое открытое проявление НОЗПЧ состоялось в апреле 1988 г., когда в Государственный совет, Народное собрание, Министерство правосудия и в столичные средства массовой информации Общество направило Учредительный протокол, просьбу о регистрации и Воззвание с требованием освобождения политзаключенных. Как свидетельствует Д. Луджев в книге «Революция в Болгарии 1989–1991», в то время в болгарском обществе почти ничего не было известно о НОЗПЧ, кро-

² В этот день 20 лет назад чешский студент Ян Палах в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора совершил акт саможжения в центре Праги. Один из учредителей НОЗПЧ Эдуард Генев, будучи студентом, писал и распространял в 1968 г. воззвание «Вон войска маринетки Живкова из ЧССР!», за что получил суровый приговор как «инициатор и руководитель нелегальной контрреволюционной группы».

ме некоторых спорадических слухов о существовании такого общества и суровых мерах, предпринятых властями в отношении его членов [11. С. 48–49].

НОЗПЧ выступало за соблюдение прав всякого национального или религиозно обособленного меньшинства; в защиту окружающей среды; против любой формы привилегий, за исключением льгот для социально слабых. Со временем численность НОЗПЧ значительно возросла за счет насильственно переименованных болгарских турок, спонтанно искавших поддержки у болгарских правозащитных структур и создававших местные организации Общества. Его попытки получить юридическую регистрацию неизменно блокировались, собрания разгонялись, документы неправомерно изымались, на что члены Общества отвечали продолжительными голодовками в знак протеста. Поскольку члены НОЗПЧ являлись открытыми противниками коммунистического режима, бывшими политзаключенными³, которые не имели той известности и авторитета в обществе, какая была у интеллектуалов из Клуба в защиту гласности и перестройки или Русенского комитета, то репрессивные действия властей по отношению к ним были значительно более суровыми – многомесечные аресты, избиения, интернирование, высылка из страны. В органе ЦК БКП «Работническо дело» членов Общества всячески очерняли в глазах населения, называя их «лицами с криминальным и террористическим прошлым, которые ни перед чем не остановятся, чтобы завоевать престиж на Западе» [12]. С целью противостоять НОЗПЧ власти учредили казенный «Комитет по правам человека», возглавленный партаппаратчиком К. Теллаловым.

В начале января 1989 г. активисты Общества были арестованы за «распространение антиправительственных слухов», в доме П. Манолова конфискованы документы НОЗПЧ и личный архив поэта, жестоко избит И. Минева. В знак протеста 11 января Манолов объявил бессрочную голодовку, требуя возвращения изъятых документов, на следующий день к ней присоединился И. Минева (его голодовка продолжалась более двух месяцев). В это время Минева в его доме постоянно навещал член НОЗПЧ Р. Воденичаров, привозивший лекарства и информировавший о ходе голодовки «Свободную Европу». Однако вскоре Воденичаров, сумев привлечь на свою сторону многих членов Общества, постепенно перехватил лидерские функции у истощенного и издерганного Минева. 9 августа 1989 г. на общем собрании НОЗПЧ, энергичного оратора Воденичарова избрали председателем. И. Минева так и не признал результатов выборов, в Обществе начался раскол. С апреля 1988 г. по ноябрь 1989 г. значительная часть основателей НОЗПЧ была выслана из Болгарии. После ноября 1989 г. И. Минева не был принят в сформировавшуюся официальную оппозицию, оказался в изоляции и умер в 2000 г. в полном забвении и нищете.

И. Минева многократно заявлял, что Р. Воденичаров внедрен в НОЗПЧ госбезопасностью, чтобы сместить его с лидерского поста. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие диссиденты [2. С. 160]. Отстранение создателя Общества Минева с поста председателя без всяких на то оснований и избрание на эту должность Р. Воденичарова приводят в качестве наиболее яркого примера внедрения агентов в диссидентские организации. Это имело столь широкие масштабы, что заговорили об операции «Клин». Согласно мнению сторонников этого тезиса, большинство (или даже все) диссидентские движения в Болгарии были инспирированы госбезопасностью с двойной целью: направлять их деятельность в нужном направлении, а затем – расколоть и разбить оппозицию. Правда, организатор профсоюза «Подкрепа» К. Тренчев подчеркивает, что внедренные агенты на практике

³ Так, И. Минева (1918–2000) провел в разных тюрьмах страны около 30 лет. Во время Второй мировой войны он являлся членом правозащитной организации «Болгарские национальные легионы». Был арестован сразу же после прихода коммунистов к власти 9 сентября 1944 г. и практически до 1978 г. находился в заключении «за систематическое сопротивление коммунистической партии».

не могли повлиять на идеологическую направленность и решения диссидентских организаций, так как последние действовали открыто [2. С. 161]. Существовал ли план «Клин», пока остается загадкой. Но нельзя отрицать, что действия «неформальных» организаций были использованы в борьбе части партийной номенклатуры при осуществлении «дворцового переворота» 10 ноября 1989 г. Активный участник диссидентского движения Л. Собаджиев считает, что «результатом всей диссидентской деятельности оказалось то, что БКП сохранила свои позиции и в политической, и в экономической жизни» [2. С. 154–157]. «Неформалы» 1980-х годов почти единогласно утверждают, что во все их организации внедрялись агенты спецслужб и МВД, которые после 10 ноября 1989 г. «растолкали локтями» истинных диссидентов и пролезли во власть. Так, Н. Василев констатировал: «До 10 ноября (1989 г. – *Е.В.*) были диссиденты (весьма немногочисленные), не было диссидентства – и это лежит в основе продолжающейся болгарской трагедии. После 10 ноября исчезли диссиденты, появилось и достигло эпидемических масштабов “диссидентство”. И трагедия углубилась» [2. С. 83].

Голодовки проводились и другими членами НОЗПЧ, в частности, против выдворения Н. Колева-Босия в Бобовдол. Фактически активисты Общества не могли предпринять ничего, кроме голодовок и деклараций западным радиостанциям, которые звучали как призыв о помощи. Но члены НОЗПЧ стояли у истоков и других правозащитных организаций.

Репрессии против членов НОЗПЧ породили идею создания организации, ставящей целью защиту основных социальных и трудовых прав человека. Независимый профсоюз «Подкрепа» возник как альтернатива официальным («казенным») профсоюзам по идее врача К. Тренчева и поэта П. Манолова (оба члены НОЗПЧ) в начале февраля 1989 г. в Пловдиве (по другим данным – в Стара Загоре). Как признавал К. Тренчев, они стремились создать «другую организацию, в которой не будет бывших политзаключенных, поскольку это использовалось властями для усиленных спекуляций, что неформальные общества, в данном случае, Независимое, являются сборищем рецидивистов, асоциальных типов, что, естественно, было неправдой, но широко использовалось режимом» [2. С. 65]. В качестве модели взяли польскую «Солидарность», а поскольку в новую организацию первоначально вошло всего несколько человек – студенты, художники, врачи, то решили, что «Подкрепа» будет синдикальной организацией для «помощи людям, занятым научной, гуманитарной и культурной деятельностью» и для «оказания содействия демократическим преобразованиям в целях развития гражданского и профессионального сознания своих членов в рамках демократических принципов» [2. С. 68–69]. Суд отказался зарегистрировать новую организацию. Сразу же начались репрессии со стороны властей – обыск в доме председателя профсоюза К. Тренчева в г. Стара Загора, срыв собраний милицией, аресты и принудительное выдворение из страны членов «Подкрепы».

В мае 1989 г. К. Тренчев, Н. Колев-Босия и А. Запрянов были арестованы в связи с воззванием в защиту прав болгарских турок, которое они вместе с другими членами «Подкрепы» и НОЗПЧ направили правительству накануне Парижской конференции по правам человека стран-членов СБСЕ. В тюрьме Тренчев и Колев-Босия объявили голодовку. «Подкрепа» ежедневно информировала по телефону западные СМИ о положении в стране и состоянии арестованных лидеров профсоюза. Собирались подписи под требованием их освобождения и проводились «эстафетные» голодовки в знак протеста. По инициативе Л. Собаджиева (бывшего политзаключенного, семь лет проведенного в тюрьме за действия против живковского режима) в Русе был создан Комитет 273 в защиту арестованных активистов профсоюза и других болгарских граждан, преследовавшихся за политическую деятельность и инакомыслие, которым госбезопасность инкриминировала обвинения по статье 273 УК НРБ.

7 сентября 1989 г. была образована софийская организация «Подкрепъ», а 28 октября на общем собрании профсоюза в Софии принято решение открыть его для всех желающих (а не только для работников умственного труда). Была оглашена первая программная декларация «Подкрепъ», начались регулярные собрания ее членов на частных квартирах, уже в столице. Их число быстро возрастало, профсоюз был преобразован в Независимую конфедерацию труда «Подкрепа», выступавшую уже за радикальную смену власти в стране. В 40 экземплярах начал выходить самиздатовский журнал «Промяна» («Перемены») (редактор Г. Спасов), на страницах которого высказывались «альтернативные идеи» развития общества. После 10 ноября 1989 г. началось бурное организационное развитие профсоюза, ставшего самой массовой оппозиционной структурой, которая играла важнейшую роль в политической жизни страны [13].

9 марта 1988 г. по инициативе иеромонаха Хр. Сыбева и священника Б. Топузлиева был создан Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, выступавший за невмешательство светской власти в дела церкви, за развитие религиозно-духовной сферы, благотворительности [2. С. 72–74]. Окружной суд г. Велико Тырново отказал Комитету в регистрации, и его основная деятельность на протяжении последующих месяцев заключалась в попытках легализации.

Слабость (особенно на первом этапе) диссидентских организаций первой группы заключалась в том, что они были созданы в провинции, а не в столице, где концентрировалась вся политическая и культурная жизнь страны. Несмотря на их усилия по установлению контактов с Западом, информацию об их создании и деятельности, которую давали в специальных передачах для Болгарии западные радиостанции, представляли вышеназванных неформальных организаций оставались почти неизвестными широкой общественности страны вплоть до конца 1989 г. В соответствии с характеристикой, которую В. Гавел дал различным типам противодействия власти, объединения этой группы стоят ближе к политической оппозиции, чем к диссидентству. Их членская масса была весьма ограничена и представлена неизвестными широкой публике лицами. Она воздействовала на довольно узкий круг людей, в основном родственников и друзей, поскольку из-за биографий многих ее членов (как в период до Второй мировой войны, так и после нее) от них дистанцировалась большая часть болгарского населения. Поэтому их призывы, даже умеренные, и справедливое дело – борьба за права человека – не находили отклика и поддержки в широких общественных кругах. Следовательно, резюмирует болгарский историк Н. Христова, антикоммунисты из числа бывших политзаключенных не оказали реального влияния на формирование гражданского сознания у населения [5. С. 135, 139]. Это понимали и некоторые члены НОЗПЧ. Так, П. Манолов свидетельствует: «Я был рядовым членом Общества (лишь позже меня избрали секретарем), вращался среди них, но понимал, что у них нет необходимого интеллектуального потенциала. Нельзя все делать только путем голого сопротивления. Они были измучены, обременены заботами, но одного страдания недостаточно для борьбы с этой тысячеглавой гидрой. Поэтому я подал прошение и о вступлении в Клуб (в защиту гласности и перестройки. – *Е.В.*)» [2. С. 135].

Ко второй группе инакомыслящих можно отнести коммунистов или стоящих на близких к ним позициях оппонентов «старого режима» Т. Живкова. Они преследовали цель реформировать социализм и демократизировать систему, не выдвигая вопроса о замене ее другой. Чтобы не попасть под удар спецслужб, эта часть болгарских «несогласных» предалась неполитической деятельности: каталогизатором оформления диссидентского движения стали экологические проблемы, что в немалой степени объяснялось относительной безопасностью подобных нейтральных в политическом отношении вопросов.

Непосредственным поводом выдвижения этих проблем на первый план стали тревожные сигналы об экологической катастрофе, нависшей над дунайским городом Русе в виде хлорных выбросов химических заводов румынского города Джурджу, расположенного на другом берегу реки. Фактическое бездействие и беспомощность живковского руководства, не желавшего обострять и без того непростые отношения с «братской» Румынией, вызвали возмущение и демонстрации протеста русенских матерей. Их драма нашла в стране широкий отклик: Союз болгарских художников во главе со Светлином Русевым организовал специальную выставку, 12 февраля призыв Русева спасти Русе занял полстраницы газеты «Народна култура», его подхватили профсоюзные организации, научные институты, редакции газет и журналов, режиссер Юрий Жиров снял документальный фильм «Дыши!». Премьера (запрещенная властями, но тем не менее состоявшаяся при большом стечении народа) этого фильма в софийском Доме кино 8 марта 1988 г. и послужила поводом для учреждения первого объединения авторитетных граждан «с позицией» – Общественного комитета по экологической защите Русе. Собравшиеся 500 человек приняли устав и декларацию «Спасем Русе!», избрали руководство из 33-х членов, в которое вошли такие популярные общественные фигуры, как философ Желю Желев, историк Николай Генчев, актер Петр Слабаков, журналистка Соня Бакиш (жена председателя Народного собрания Станко Тодорова), художник Св. Русев, главный тренер страны по художественной гимнастике Нешка Робева [14; 7. С. 427–428]. Председателем был избран писатель Георгий Мишев. Позже он писал: «Русенский комитет остался спонтанным протестом несогласных с режимом, граждан, жаждавших свободного выражения человеческой мысли, слова и солидарных действий в интересах всего общества. Он был проявлением позиции личностей, преодолевших страх, хотя и всего на несколько часов, охваченных предчувствием конца Системы» [7. С. 10]. ОКЭЗР стал выражением общественной потребности в организованной гражданской оппозиции. Впервые после 1944 г. часть интеллектуальной элиты посмела нарушить договор о лояльности в обмен на обеспеченное существование, негласно заключенный между элитой и властями.

Создание Русенского комитета, объявившего себя независимым от существующей политической структуры, но соблюдающим конституцию и законы, вызвало бурю негодования в руководстве БКП и продемонстрировало его полную неготовность к демократизации. ОКЭЗР оказался лакмусовой бумажкой, показавшей реакцию властей на создание неконтролируемых ими организаций. Уже спустя два дня после образования Комитета был создан штаб в составе ответственных работников ЦК БКП, софийской городской парторганизации и Министерства внутренних дел, в задачу которого входило изучение фактов, связанных с созданием комитета, проверка ряда научных институтов, творческих союзов и высших учебных заведений. В информации от 20 марта 1988 г. штабом давалась следующая «партийно-политическая оценка» случившегося: «Созыв собрания, выборы “Общественного комитета” и принятие его документов произошли необычным для практики нашей страны образом – без участия компетентных партийных, государственных, общественных и научных органов и вопреки рекомендации не демонстрировать фильм “Дыши!” и не создавать подобный комитет» [8. С. 23]. Предлагалось принять необходимые меры в связи с создавшейся обстановкой.

Власти были вынуждены признать, что создание ОКЭЗР и последующие публичные высказывания его членов становились известными все большему числу жителей Софии, а также за ее пределами, что немало людей открыто одобряют создание Русенского комитета и выражают готовность включиться в его мероприятия. Растущий интерес к Комитету, особенно в среде интеллигенции и молодежи, вызывал у руководства БКП опасение, что проблема Русе из региональной

превратится в национальную, она начинает затрагивать гражданские чувства населения и, таким образом, может перерасти из экологической в политическую. Партийные чиновники с обеспокоенностью комментировали создание – наряду с официальными государственными общественными организациями – «параллельной, неофициальной организации, которая своим формированием и идеями относительно будущей работы представляет не только косвенную, но и прямую оценку неэффективности существующих структур и специализированных органов по экологическим проблемам, неверие в их решимость и способность оздоровить природную среду в Русе» [7. С. 43].

В связи с этим предлагалось, с одной стороны, ускорить разработку программы по оздоровлению окружающей среды в стране, а с другой – продолжить работу по изоляции организаторов Русенского комитета от рядовых его членов. Так стало ясно, что руководство БКП, на словах выступавшее за радикальную перестройку, не собирается мириться с политической самостоятельностью отдельных групп болгарской общественности.

Многие из присутствовавших на учредительном собрании 8 марта были вызваны в различные подразделения министерства внутренних дел для соответствующей «обработки». На заседании Политбюро ЦК БКП 4 марта 1988 г. Русенский комитет назван «рассадником корыстных политических целей», намечены меры по его уничтожению. Незамедлительно последовали санкции: из БКП исключили Г. Мишева, Хр. Смоленова, М. Варимезову, С. Бакиш (ее муж Ст. Тодоров сам подал в отставку с поста председателя Народного собрания). Св. Русева вывели из состава ЦК БКП. Осенью 1988 г. был расформирован Институт философии и ряд других учреждений, сотрудники которых участвовали в Русенском комитете. В новообразованный Институт философских наук приняли лишь половину сотрудников прежнего института, причем отбор «подходящих» проводила особая комиссия.

Практически сразу же после провозглашения Русенский комитет не смог проводить никакой работы. Партийные структуры и силы госбезопасности заставили его учредителей отказаться от дальнейших действий. Однако данный им импульс не остался без последствий. Позже, в апреле 1989 г. как продолжение Русенского комитета было создано независимое общество «Экогласность» во главе с П. Слабаковым (неофициально оно функционировало с февраля 1989 г.), положившее начало движению «зеленых» в Болгарии и поставившее во главу угла защиту окружающей среды в целом. Общество выступало за открытость информации по экологическим проблемам, предупреждало общественность об опасности для окружающей среды вследствие работы конкретных горнорудных, металлургических и химических предприятий. Через выдвижение и освещение проблем экологического характера этой организации удавалось привлечь внимание населения к общей ситуации в стране, и тем самым она неизбежно приобретала политический характер. В частности, «Экогласность» организовывала публичные петиции и демонстрации против спорных проектов отвода на север части вод рек Струма и Места, а также против строительства АЭС «Белене». Подготовленные организацией доклады по этим проблемам и по вопросам сохранения болгарского природного наследия распространялись среди общественности, направлялись в местные и западные СМИ, адресовались как болгарским государственным и партийным органам власти, так и проводившейся с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии встрече по охране окружающей среды 35 стран СБСЕ [15]. В декабре 1989 г. заявила о своем учреждении «Зеленая партия», акцентировавшая внимание на человеческой личности и качестве ее жизни (лидер А. Каракачанов).

Первой организацией, открыто поставившей политические вопросы и призывавшей общество включиться в их обсуждение, стал уже упоминавшийся Клуб

в поддержку гласности и перестройки. Его учредительное собрание прошло 3 ноября 1988 г. в Софийском университете, утвердившемся к этому времени как центр свободомыслия. Среди учредителей и активистов Клуба были виднейшие болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже давно зарекомендовавшие себя оппонентами коммунистического режима, последовательно отстаивая свои эстетические, научные и гражданские ценности, – Бл. Димитрова, Ж. Желев, Р. Ралин. Председателем был избран социолог П. Симеонов.

Собравшиеся приняли Программную декларацию и список из 81 учредителя. Декларация ставила задачу наметить основные социальные проблемы и пути их решения (при этом в ней не было ни слова против режима). С этой целью Клуб создал шесть секций: 1. Экономическая ситуация; 2. Права человека и гражданские свободы; 3. Демографические проблемы; 4. Экология; 5. Проблемы болгарской культуры; 6. Нерешенные проблемы болгарской истории.

С целью защиты Клуба от репрессий со стороны властей в его руководство было включено много представительных и авторитетных фигур, академиков и профессоров, а также так называемых активных борцов против капитализма и фашизма⁴. Позже Ж. Желев признавал, что «активные борцы» были выведены на передовую вполне сознательно: «Я хотел, чтобы мы создали оппозиционную организацию, с которой режим не мог бы справиться и которая стала бы прикрытием для других организаций [...] Для этого была необходима широкая политическая спина “активных борцов”, против которых режим не имел ни морального, ни политического права действовать» [2. С. 59]. О стремлении подстраховаться и предотвратить возможные репрессии свидетельствует и Программная декларация Клуба, в которой подчеркивалось, что он будет работать в рамках Конституции НРБ, при полной поддержке решений Июльского пленума ЦК БКП 1987 г. Поскольку Клуб (учтя горький опыт запрещенного Русенского комитета) умышленно отказался от официальной регистрации через суд, то на этом основании объявлялось, что он не может быть закрыт или распущен никакой инстанцией, а только своими основателями [8. С. 170].

Исследовательница Д. Лаверн не без основания пишет, что «благодаря участию Желю Желева и других личностей, действовавших в болгарской политике после 1989 г., таких, как будущий вице-президент Блага Димитрова, Клуб символизирует болгарское диссидентство, но также и основную его слабость – тесную связь с коммунистической партией» [16. С. 195]. Клуб выступил не против социализма, а за его реформу, т.е. демократизацию и гуманизацию в духе гласности и перестройки. Его риторика основывалась на передовой роли болгарских интеллектуалов, которые, по примеру своих центрально-европейских коллег представляли себя как социальную группу избранных лиц, носителей политической и моральной миссии. Таким образом, Клуб фактически являлся чисто интеллигентской закрытой организацией, хотя в Программной декларации объявлял себя открытым всем гражданским структурам. Тем не менее основной причиной популярности Клуба среди населения был именно тот факт, что его возглавляли известные и уважаемые в стране интеллектуалы, моральные авторитеты, которые заслужили общественное доверие еще в годы социализма.

Болгарское партийно-политическое руководство было явно сбито с толку и не знало, как реагировать на новую неформальную организацию. Нежелание создателей Клуба регистрироваться означало, что им нельзя отказать в регистрации. А ссылки на конституцию и «Июльскую концепцию» представляли собой формальное препятствие для запрещения организации как нарушающей закон. Пар-

⁴ Привилегированная прослойка в болгарском обществе, аналогичная «старым большевикам» в СССР.

тийные документы, в которых анализируется сам факт создания Клуба и его деятельность, демонстрируют беспомощность и озлобление властей. Так, в справке Софийского комитета БКП от 28 февраля 1988 г. говорилось, что позиция Клуба находится «в грубом противоречии с партийным пониманием социалистического плюрализма», что в ходе проводимой партией перестройки нашлись люди, «превратно понимающие созданные условия для демократизации нашего общества [...], стремящиеся занять позиции в обществе, руководствуясь своими личными корыстными интересами» [8. С. 116–117]. В духе пропаганды времен холодной войны подчеркивалось, что Клуб «быстро нашел горячую и всестороннюю поддержку западных средств массовой информации, вражеской эмиграции, за которой стоят подрывные империалистические центры», поэтому «партийные органы и организации приняли практические меры для нейтрализации его дальнейшей деятельности» [8. С. 119–120]. Но меры оказались крайне неэффективными, и властям не удалось задуть Клуб в поддержку гласности и перестройки, как это было сделано с Русенским комитетом.

В докладе начальника Шестого управления Госбезопасности⁵ А. Мусакова от 23 декабря 1988 г. делался вывод о продолжающейся демонстративной неприимчивости инициаторов и организаторов Клуба, несмотря на принятые меры и официальные предупреждения. Проводя параллели с центрально-европейскими диссидентскими движениями, Мусаков предупреждал: «Учитывая широко разрекламированную поддержку западных подрывных центров и опыт отдельных акций в других социалистических странах, можно ожидать обособления в будущем части интеллигенции в альтернативное движение или организацию с целью дискредитации партийного и государственного руководства и проводимой им линии на перестройку, подобно Хартии 77 в ЧССР, КОС – КОР в Польше и т.д.» [8. С. 116–117].

Исследователь болгарского диссидентства И. Баева полагает, что создание Клуба в поддержку гласности и перестройки знаменует собой новый этап в расколе болгарского общества накануне переходного периода. Если до 1988 г. можно было говорить лишь о молчаливом, пассивном или индивидуальном несогласии с властями, то с возникновением Клуба оформилась группа открытых критиков режима, обособившаяся от бездеятельного большинства [17].

В Клубе, точнее, в его активе имелись серьезные различия и противоречия. Самые серьезные разногласия существовали по вопросу, должен ли Клуб развиваться как оппозиционная политическая организация, за что больше всех ратовал Ж. Желев, или он должен оставаться «дискуссионным», с элитарным интеллигентским составом и характером (как считали Бл. Димитрова, К. Червенкова, И. Панова, Ч. Кюранов, Н. Василев). Большинство в Правлении выступило против «массовизации» Клуба, приема туда студентов и рабочих, на чем настаивали Ж. Желев, Е. Иванова, Д. Луджев.

И имелись и некоторые принципиальные различия. Члены Клуба – коммунисты протестовали против авторитарного режима Живкова и призывали к реформированию компартии. Меньшинство, группа вокруг Желева, считали, что социализм скомпрометирован как система и что необходимы перемены в направлении современного капитализма. Со временем, когда бурное развитие процессов в Польше, Венгрии и СССР весной 1989 г. стало предвестником серьезных перемен, «различия в Клубе начали проявляться более отчетливо и стали превращаться в препятствие для перехода к политическим акциям протеста и к проявлению Клуба в качестве политической оппозиции» [11. С. 100].

⁵ Шестое управление Комитета госбезопасности в составе МВД Болгарии было создано в 1968 г. с целью раскрывать и предотвращать попытки антигосударственных и антипартийных проявлений в среде интеллигенции и партийной элиты.

По свидетельству Д. Луджева, в Клубе довольно быстро оформилось «радикальное крыло» (Луджев, Е. Иванова, Г. Величков, А. Желязкова и др.), где не было коммунистов и которое выступало не за «перестройку», а за радикальные перемены, за ликвидацию монополии компартии. Речь идет о направлении, которое официально называлось «Историческая секция Клуба», но наряду с выявлением «белых пятен» в истории пыталось создавать альтернативные программы, разрабатывать новые экономические и юридические стратегии, вносить уточнения в законодательство. Уже на этом этапе в данном направлении были созданы экспертные группы из числа экономистов и юристов. Это дало основание Д. Лавверн усмотреть в программах секций Клуба элементы рабочей программы будущих болгарских think-tanks, «мозговых трестов», «невидимой рукой» направлявших трансформационные процессы в Болгарии [16. С. 198].

Первой внешней акцией болгарского диссидентства стал нашумевший «рабочий завтрак» с французским президентом Ф. Миттераном в январе 1989 г. во время его визита в Болгарию. Миттеран согласился посетить Болгарию лишь при условии, что ему будут организованы две встречи с «неформалами»: в Софии – с представителями Клуба, в Пловдиве – с представителями НОЗПЧ. Болгарские власти отступили, но до известного предела: помешали встрече с И. Миневым и другими представителями НОЗПЧ и добились права определить половину из приглашенных во французское посольство. В итоге на завтраке присутствовали 12 болгарских интеллектуалов, среди которых были как члены Клуба (Бл. Димитрова, Ж. Желев, Р. Ралин, А. Шелудко, К. Червенкова и Н. Василев), так и «независимые интеллектуалы», не имевшие ничего общего с неформальными движениями. По сведениям Шестого управления, высказанные болгарам во время завтрака точки зрения на происходящее у них на родине варьировались от резко критических до умеренных [8. С. 164–167]. Независимо от этого, значение беседы с французским президентом заключалось прежде всего в международном и внутриполитическом признании Клуба как важнейшей диссидентской организации в Болгарии. С этого момента болгарские власти не могли себе позволить уничтожить Клуб без неприятных для себя последствий.

Одной из первых массовых кампаний Клуба стал сбор подписей под открытым письмом против вынесения приговора и тюремного заключения чешского драматурга-диссидента Вацлава Гавела в январе 1989 г. Письмо и фамилии 102 подписавших его представителей болгарской интеллигенции были зачитаны Бл. Димитровой по радио «Свободная Европа» и «Deutsche Welle». Эта акция болгарских диссидентов получила признание в Европе, поскольку, как выяснилось впоследствии, она оказалась первой и самой массовой, прошедшей в социалистической стране. Даже в Чехословакии подписка в защиту Гавела началась не сразу, а с некоторым запозданием [5. С. 367; 8. С. 184–188].

В мае 1989 г. в интервью «Свободной Европе» Ж. Желев обнародовал «Декларацию об основных принципах гласности и перестройки в Народной Республике Болгарии», содержащую конкретные требования законодательных и политических перемен – правового государства, политического плюрализма, свободы слова и информации, свободы объединений, равноправия национальных меньшинств [18]. Несмотря на проведенные госбезопасностью обыски и аресты активистов Клуба, собиравших подписи под декларацией (ее подписал 131 человек), 12 мая она была внесена в парламент страны. Фактически это была первая успешная политическая акция Клуба, которой проявила себя группа сторонников его преобразования в политическую оппозицию [11. С. 113].

В начале 1989 г. в Болгарии стали выходить и первые литературные самиздатовские журналы – «Мост» Эдвина Сугарева и «Глас» Владимира Левчева тиражом 60 экз. Тем не менее нельзя не согласиться с Д. Луджевым, констатировавшим: «Несмотря на заметное брожение умов и более явные оппозиционные настроения

среди части столичной интеллигенции, едва ли кто-нибудь мог бы утверждать, что весной 1989 г. в болгарском обществе, даже в Софии, имелось сильно выраженное критическое отношение к режиму, какая-то более определенная ментальная и психическая готовность к переменам, как в Варшаве, Будапеште и, до некоторой степени, в Праге и Москве» [11. С. 97].

Весной и летом 1989 г. Болгария привлекла к себе внимание прежде всего массовыми акциями протеста мусульманского населения против так называемого возрожденного процесса⁶ и массовым переселением болгарских турок в Республику Турция. Как уже отмечалось, во второй половине 1988 г. несогласные с «возрожденным процессом» турки и болгары-мусульмане (принявшие ислам в период турецкого ига) стали массово присоединяться к Независимому обществу по защите прав человека. В конце года Мустафа Юмер, Сабри Искендеров и Али Орманлиев учредили турецкую Демократическую лигу в защиту прав человека в Болгарии. Она ставила своей целью возвращение турецких имен, защиту прав человека в Болгарии, борьбу против ассимиляции мусульманских меньшинств и против запрета соблюдать исламские обычаи и традиции; восстановление демократических принципов в общественной жизни [19]. Организаторы подчеркивали, что будут добиваться этого легальными, мирными средствами, и убеждали турок не прибегать к насильственным действиям. К маю 1989 г. в Лигу входило несколько сот человек. В апреле 1989 г. в г. Джебел образовалось «Общество в поддержку – Вена’ 89». О требованиях этих организаций гарантировать права нацменьшинств в Болгарии население узнавало главным образом из передач западных радиостанций.

Предстоявшая в конце мая 1989 г. в Париже Конференция по правам человека стран – членов СБСЕ активизировала деятельность правозащитных организаций. Они стояли у истоков так называемых майских событий 1989 г., выразившихся в голодовках протеста, демонстрациях, митингах и ставших кульминацией борьбы турецкого населения в Болгарии за демократию и права человека. По сути, это был самый большой организованный и осознанный политический протест, который видела коммунистическая Болгария, и болгарские турки показали дух свободолюбия и гражданского достоинства [11. С. 124]. Демонстрации привели к столкновениям с силами внутренних войск, имелись убитые и раненые с обеих сторон. В ответ на протесты власти фактически спровоцировали массовое переселение мусульман в Турцию летом 1989 г. (около 360 000 человек), вошедшее в историю под эвфемизмом «большая экскурсия».

Действия властей вызвали возмущение и протесты болгарских диссидентов, прежде всего членов Независимого общества в защиту прав человека и Клуба в поддержку гласности и перестройки. Отношение к турецкому вопросу превратилось в ключевой вопрос легитимации диссидентов и правозащитников. Позиция по этому вопросу привела к окончательному их разделению на критиков – реформаторов режима и диссидентов – политических оппозиционеров. Болгарская оппозиция (но не общество) в целом симпатизировала борьбе турецкого меньшинства за свои права и поддерживала его требования. Историк А. Желязкова пишет «Как специалисту, мне было совершенно ясно, что в Болгарии совершается преступление по отношению к туркам и болгарам-мусульманам, и моим основным мотивом

⁶ Этим термином обозначается политика, которую режим Т. Живкова проводил по отношению к мусульманскому населению страны в декабре 1984 – январе 1985 г. Тогда насильственно сменили турецко-арабские имена на болгарские 850 тыс. турок, запретили использование турецкого языка в общественных местах, а также совершение традиционных ритуалов и ношение одежды, типичной для турецкой этнической группы. Вводились и ограничения при исповедании ислама и посещении мечетей. Подобными действиями власть стремилась сохранить целостность болгарской нации, однако они означали нарушение государством основных прав человека, таких, как право на самоопределение и свобода вероисповедания.

включиться в неформальные движения стало найти единомышленников, чтобы защищать их права» [2. С. 34]. После «майских событий» по инициативе активистов Клуба группа граждан внесла в Народное собрание декларацию, в которой требовалось: «Признать право вернуть свои имена тем болгарским гражданам, которые этого желают. Освободить всех, кто был задержан или осужден за борьбу в защиту этнической самобытности и преемственности в культуре. Прекратить насильственное изгнание из страны болгарских граждан» [2. С. 204].

В то же время организованные Отечественным фронтом⁷ в конце мая – начале июня 1989 г. откровенно националистические демонстрации и митинги во многом способствовали усилению враждебного отношения к туркам со стороны большей части болгарского населения. Наряду с лозунгами «Болгария – для болгар!» на митинге в Софии был развернут и лозунг «Долой Софийский клуб и его демагогические тезисы о гласности и демократии!» [17. С. 27]. Ораторы из числа партийных функционеров клеймили членов Клуба как «родоотступников» и «предателей».

Нарушение прав турок нанесло сильнейший удар и по международному имиджу Болгарии, тем более, что в этот период общеевропейский процесс выводил на передний план именно защиту основных человеческих прав и свобод. Мировое сообщество оказывало все более сильный дипломатический нажим на правящие круги в Софии [20]. Таким образом, сопротивление болгарских турок против насильственной ассимиляции в 1988–1989 гг. внесло значительный вклад в оформление открытого гражданского противопоставления коммунистическому режиму и стало катализатором его падения.

Со временем Клуб в защиту гласности и перестройки, остро реагирующий на все, что происходило в зарождавшемся оппозиционном движении, уже стремился стать объединительным центром диссидентских организаций. В «Декларации об отношении к остальным неформальным объединениям в стране» (март 1989 г.) заявлялось, что Клуб морально поддерживал и будет поддерживать в дальнейшем все неформальные организации, преследующие легальные цели легальными средствами [2. С. 152–153]. В сентябре состоялась встреча представителей Клуба, профсоюза «Подкрепа», «Экогласности», Союза репрессированных, Независимого общества в защиту прав человека, что говорит о том, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании Клуба Ж. Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию [21].

Во время проходившей с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии встречи по охране окружающей среды стран СБСЕ (Экофорума) в одном из столичных кинотеатров был сделан нашумевший доклад на тему «Экология и демократия». В нем охрана окружающей среды трактовалась очень широко, с акцентом на «социальное загрязнение» – создание «паразитных прослоек», номенклатуры и т.п. 26 октября активисты «Экогласности» организовали в центре Софии сбор подписей против сооружения гидрокомплексов «Рила» и «Места», грозивших нанести непоправимый вред природе. «Неформалы» (среди них оказались члены всех диссидентских организаций – Клуба, НОЗПЧ, «Подкреп») были избиты милицией на глазах иностранных журналистов, заснявших это на пленку.

Если летом 1989 г. диссиденты протестовали главным образом против репрессий, то на первой пресс-конференции, которую члены «Подкреп» дали иностранным и болгарским журналистам во время Экофорума, главной темой уже был тоталитаризм и его антигуманная и антиобщественная природа. После поднявшейся волны протеста как внутри страны, так и за рубежом власти были вынуждены разрешить публичное шествие для внесения в парламент петиции против упомянутого правительственного проекта, собравшей 11.5 тыс. подписей. 3 ноября

⁷ Самая массовая общественная организация в социалистической Болгарии.

1989 г. «Экогласность» возглавила первую за 45 лет социализма независимую демонстрацию, участники которой (около 4 тыс. чел.) впервые скандировали слова «Демократия» и «Гласность» [15. С. 167–168]. Буквально через неделю Живков был отстранен от власти...

Тем не менее еще раз подчеркну, что до ноября 1989 г. оппозиции как реальной политической силы в Болгарии не существовало. Ни одна из групп протеста не выдвинула в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой она была готова бороться за власть. Зарождавшееся демократическое движение в Болгарии, разнородное по своему составу и организационно разобщенное, не смогло создать консолидированную силу, способную свергнуть живковский режим. В то же время, заслугой болгарских диссидентских организаций является то, что за недолгий (фактически полтора года) период своей деятельности они сумели подготовить болгарское общество к переменам, показали всему миру, что и в Болгарии ведется борьба за демократию и права человека.

Стремясь помешать оппозиции возглавить демократический процесс, наиболее дальновидные силы в БКП постарались захватить стратегическую инициативу. На пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 г. Т. Живкова отстранила от власти часть партийной номенклатуры, надеявшаяся укрепить позиции компартии и свои личные, воспользовавшись славой реформаторов. Кстати, тот факт, что болгарские диссиденты сами не участвовали в политических переменах на первом этапе, лежит в основе многих проблем, проявившихся позднее в процессе трансформации в Болгарии, который там затянулся на более долгий срок, чем в странах Центральной Европы.

Смена верхушки в аппарате власти в широком контексте способствовала либерализации общественной атмосферы в целом. В конечном счете, замена партийной элиты не смогла предотвратить смены системы. Резко возросла гражданская и политическая активность населения. В Софии и других крупных городах Болгарии проводились массовые митинги в поддержку перемен и с требованием дальнейшего развития демократического процесса. В считанные месяцы в стране сформировалась мощная оппозиция, для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубокой трансформации политической системы. Об этом свидетельствовал первый митинг неформальных организаций во главе с Клубом в поддержку гласности и перестройки, Конфедерацией труда «Подкрепа» и «Экогласностью», проведенный 18 ноября 1989 г. в центре Софии и собравший около 100 тыс. человек. Главными ораторами на нем были Ж. Желев, П. Симеонов, Бл. Димитрова, Р. Ралин и др.

1–2 декабря Клуб в поддержку гласности и перестройки провел общее собрание уже в новых условиях. В докладе его неформального лидера Ж. Желева впервые открыто говорилось о чисто политическом характере этой организации и о его будущем в качестве «политического движения болгарской интеллигенции за демократию и демократическую перестройку современной Болгарии». В принятой резолюции четко просматривалась амбиция Клуба разработать общую программу для всех диссидентских организаций, которые уже вели конкретные переговоры об объединении [17. С. 18]. Фактически, идеи Клуба превратились в реальную политическую альтернативу БКП.

Уже сам факт смещения Живкова стал мощным стимулом для появления в стране новых политических сил, развития альтернативных общественных структур. К уже утвердившимся независимым формированиям прибавлялись все новые неформальные группы, желавшие участвовать в политической жизни страны. В ноябре – декабре 1989 г. возобновили свою деятельность партии, запрещенные или распущенные в 1946–1948 гг.: Болгарская социал-демократическая партия (БСДП, председатель П. Дертлиев), Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) – «Никола Петков» (БЗНС–Н.П., председатель М. Дренчев), Радикально-

демократическая партия (РДП, лидер Э. Константинова), Демократическая партия (ДП) и др. В декабре 1989 г. был образован Клуб репрессированных после 1945 г., то есть осужденных или вынужденных эмигрировать из «народно-демократической» Болгарии социалистов, демократов, «земледельцев», независимых интеллектуалов. Председателем Клуба стал Д. Баталов. По аналогии с чехословацким «Гражданским форумом» в Болгарии сформировалось Национальное движение «Гражданская инициатива» во главе с Л. Собаджиевым, выросшее из образованного им еще в конце 1988 г. Союза за гражданскую инициативу.

Тот факт, что диссиденты не участвовали в непосредственной подготовке политических перемен, вынуждало их ускорить свое объединение с тем, чтобы включиться в уже начавшиеся процессы. Появлением действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии считается создание 7 декабря 1989 г. коалиционного Союза демократических сил (СДС), объединившего пестрые диссидентские группы и организации и предложившего обществу свою программу. СДС категорически отверг «демократический социализм» как ориентир развития страны и делал упор на ликвидацию власти БКП. В своей Учредительной декларации СДС не ограничился общими требованиями гражданского общества, политического плюрализма, многопартийной системы, правового государства, рыночной экономики (надо заметить, что такие же термины вскоре стали широко использоваться и в новых документах БКП). В Декларации провозглашались и более конкретные цели: равноправие всех форм собственности перед законом; новое трудовое и социальное законодательство, гарантирующее трудящимся право на забастовку и создание независимых профсоюзов; проект новой демократической конституции; деполитизация армии и милиции; проведение демократических выборов в Народное собрание; полная свобода слова, печати, собраний и объединений; реабилитация всех незаконно репрессированных в период тоталитарной власти; новый демократический закон о вероисповедании; новый подход к этническим и религиозным меньшинствам в соответствии с Хартией прав человека и др. [22].

Уже вскоре после своего создания СДС, объединивший 13 оппозиционных организаций – от левых (социал-демократов и членов Земледельческого союза) до крайне правых (включая националистов), стал играть важную роль в развитии политических процессов в стране. Его печатный орган «Демократия», основанный в феврале 1990 г., сразу стал одним из самых популярных и в течение последующих лет сохранял свое особое положение как первая действительно антикоммунистическая газета. Председателем Национального координационного совета СДС был избран Ж. Желев.

Оценивая роль болгарских диссидентов с точки зрения сегодняшнего дня, следует признать, что 1988–1989 гг. они все еще находились на стадии разработки задач и организационных структур, причем под влиянием и по примеру оппозиции в Польше, Чехословакии, Венгрии и в Советском Союзе. Влияния на широкую общественность они пока не имели: к началу политических перемен влияние болгарских диссидентов распространялось лишь на сравнительно узкие круги интеллигенции [23].

Кратковременное существование болгарского инакомыслия не позволило противникам социализма начать перемены. Сами они честно признают: несмотря на надежды, что и в Болгарии должно случиться нечто подобное происходящему в других странах Восточного блока, 10 ноября 1989 г. они были удивлены, хотя и приятно. Так, будущий лидер Радикальной партии Е. Константинова «восприняла это как что-то очень неожиданное, как невероятное везение» [2. С. 222–226]. Тем не менее, не все согласны с утверждением, что они были «скорее сторонними наблюдателями, чем участниками в начале переходного периода» [6. С. 251]. Д. Луджев убежден, что оппозиционные «неформальные» структуры, пусть мало-

численные и плохо организованные, стали катализатором и открытым выразителем настроений все более широких слоев общественности, как коммунистов, так и беспартийных, и, прежде всего, влиятельных кругов болгарской интеллигенции. Они легитимировали гражданскую критику режима Т. Живкова, усиливали чувство недовольства среди коммунистов, как рядовых, так и на всех этажах власти. Это создавало общественную атмосферу и усиливало морально-политический настрой на скорейшее смещение Т. Живкова, хотя в большинстве случаев с корыстным желанием сохранить социализм, власть компартии и свое привилегированное положение [11. С. 210–211].

Однако оппозиция быстро наверстала упущенное. СДС, эта действительно влиятельная антикоммунистическая коалиция озаменовала рождение новой плюралистической политической системы в Болгарии. Хотя диссидентские организации и не начали перемены в Болгарии, они постоянно подталкивали их вперед. Итогом нескольких бурных недель ежедневных митингов, шествий и демонстраций стали созыв национального «круглого стола» для диалога между властью (в феврале 1990 г. образовалось однопартийное коммунистическое правительство) и оппозиционным СДС, отмена первого параграфа конституции, регламентировавшего руководящую роль БКП в обществе, восстановление гражданских свобод и свободы печати, подготовка первых свободных выборов.

Начавшийся с конца 1989 г. бурный процесс политизации и поляризации болгарского общества привел к тому, что за короткое время в стране сформировалась двухполюсная политическая система, суть которой выражалась в противостоянии одной крупной политической партии – БКП/БСП⁸ – и крупного оппозиционного союза – СДС. При относительном равновесии этих двух основных сил на болгарской политической арене в январе 1990 г. возникла еще одна политическая формация – турецкое Движение за права и свободы (ДПС) во главе с А. Доганом, истоки которой также следует искать в диссидентском движении. В итоге диссидентство внесло наибольший вклад в формирование плюралистической партийной системы и, тем самым, новой государственности в Болгарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Христова Н.* Историографски интерпретации на проблема «българско дисидентство» // Предизвикателствата на промяната. Национална научна конференция. София, 10–11 ноември 2004 г. София, 2006.
2. *Иванова Е.* Българското дисидентство. 1988–1989. София, 1997. Част 1.
3. *Христова Н.* Българският скандал «Солженицин» 1970–1974. София, 2000.
4. *Мигев В.* Пражката пролет '68 и България. София, 2005.
5. *Христова Н.* Специфика на българското «дисидентство»: власт и интеллигенция 1956–1989 г. Пловдив, 2005.
6. *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939–2005. София, 2006.
7. Русенският комитет. Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. София, 2002.
8. Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. София, 1999.
9. *Баева И.* Българският преход след 1989 г. в исторически контекст // Исторически преглед. 1996. Кн. 1.
10. Някога, в 89-та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007.
11. *Луджев Д.* Революцията в България 1989–1991. София, 2008. Кн. 1. «Нежната» 1989-а и нейното време.
12. Работническо дело. 1989. 11 П.
13. <http://www.omda.bg/bulg/news/party/podkrepa.htm>.
14. *Баева И.* Из историята на българското дисидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта // Известия на държавните архиви. София, 2000. Т. 76.
15. Независимо сдружение Екогласност 1989 г. София, 2009.

⁸ На проходившем в апреле 1990 г. референдуме было принято решение переименовать БКП в социалистическую партию – БСП.

16. *Лаверн Д.* Експертите на прехода. Българските think-tanks и глобалните мрежи за влияние. София, 2010.
17. *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. София, 2004. Т. 87.
18. http://www.omda.bg/arhiv/dokumenti_politicheski/Deklaratsiata_090589.htm.
19. http://www.omda.bg/arhiv/Bg_hronika+10_06_1990.htm.
20. «Възродителният процес». Международни измерения. (1984–1989). София, 2009. Т. 2.
21. *Симеонов П.* Голямата промяна. 10 XI. 1989 – 10 VI. 1990. Опит за документ. София, 1996.
22. Демокрация. 1990. 9–10 II.
23. История и цивилизации. Профилирана подготовка. София, 2002.

Václav Havel – Vilém Prečan. Korespondence (1983–1989) / Eds. V. Čelko, V. Prečan. Praha, 2011. 834 s.

Вацлав Гавел – Вилем Пречан. Корреспонденция (1983–1989) / Сост. В. Челко, В. Пречан.

Более чем 800-страничная книга «Корреспонденция. 1983–1989» являет собой один из интереснейших источников жизнеописания Вацлава Гавела и «биографии» оппозиционного движения в Чехословакии в указанный период, содержащая также сведения как о Пражской весне, так и Хартии 77. Анализ происходивших в стране процессов имеет не только сугубо исторический интерес – затишье перед бурей революций 1989 г. более 20 лет спустя представляет собой пример латентно нараставшего протеста, приведшего к смене правящего режима. В этом плане всестороннее рассмотрение давней переписки позволяет ответить на вопросы о причинах и побудительных силах такой смены, например, в арабских странах, охваченных своей «весной» уже в начале второго десятилетия XXI в.

С 1983 по 1989 г. В. Гавел переписывался с В. Пречаном, который признается одним из ведущих деятелей чешской эмиграции не только чехами, но и словаками (по свидетельству Ф. Миклошко, он регулярно собирал и словацкие документы оппозиционного характера). Вилем Пречан – известный чешский историк, после эмиграции в ФРГ в 1976 г. основал Чехословацкий документальный центр независимой литературы в замке Шварценберг в Шейнфельде (ФРГ). После возвращения на родину стал основателем и первым директором Института современной истории ЧСАН (после 1993 г. – АН ЧР), а с 1998 г. возглавил Чехословацкий документальный центр (ЧСДЦ).

Конечно, деятельность чехословацкой оппозиции предполагала резонирование ее идей в первую очередь на Западе и до 1983 г. Именно Пречаном была создана определенная инфраструктура трансляции этих идей, включавшая издание книги и статей Гавела, а также других оппозиционеров, подготовку заявлений в связи с преследованиями хартистов, контакты с представителями СМИ.

Но есть более чем достаточно оснований утверждать, что без приведенной в книге переписки история оппозиционного движения будет представлена неполно, причем история не только как отражение событий, но и как ход событий. Ведь период с весны 1983 г., когда больной Гавел под давлением международной общественности был освобожден из заключения, и до конца 1989 г., когда он стал президентом страны, напоминал собой биение мощных подземных ключей, вырвавшихся на поверхность и накрывших водами обновления всю страну.

В книге приведены 244 письма: 113 от Пречана к Гавелу и 131 – от Гавела к Пречану; объем каждого из них – от нескольких строк до 8–9 страниц. Кроме этого в книге содержится 19 приложений, включающих переписку Гавела с видными деятелями оппозиционного движения, а также информативное послесловие чешского историка И. Сука.

Письма хронологически разбиты на разделы, что помогает ориентироваться в них, отыскивая общую линию на усиление тех или иных сторон деятельности оппозиции.

За некоторыми исключениями письма передавались курьерской дипломатической почтой, что давало возможность открыто обмениваться взглядами и информацией через железный занавес. Это помогло дипломатам, работавшим в Праге в посольствах ФРГ и Канады, в первую очередь немца Вольфганга Шойера (в именном указателе это наиболее часто упоминаемая фамилия) и канадца Петера Бейквелла. В приложении (140 стр.) к книге публикуются документы, тесно связанные с корреспонденцией: в частности переписка Гавела с Й. Шкворецким об издании книги «Письма к Ольге», П. Тигридом (четыре письма в 1984 г.) и И. Пеликаном.

Переписка крайне разнообразна в связи со складывавшимися непростыми ситуациями. Часто Пречан отправлял несколько корреспонденций, в ответ на которые получал одно письмо, но весьма обстоятельное и содержавшее замыслы многих заявлений и действий Гавела. Иногда письма отправляла супруга Пречана Елена, порой переписка сводилась к обмену краткими записками в связи с тем, что передающий не мог долго ждать. Переписка дополнялась телефонными переговорами, заявлениями, адресованными другим людям и организациям, а также другими формами корреспонденции. И все же именно собранные письма представляют собой важный источник, который может осветить подробности продвижения Гавела (из мест заключения он был освобожден 4 марта 1983 г.) к президентству (избран единодушно федеральным парламентом, состоявшим из членов преследовавшей его компартии, 29 декабря 1989 г.). На его основе можно создать полноценное художественное произведение, ярко освещающее фрагменты жизни корреспондентов и их окружения. Что касается профессионального подхода с позиций историка, то здесь наиболее важен взгляд на то, как идеи небольшой группы интеллектуалов вызвали широкий общественный резонанс, что привело к краху «режима нормализации».

Уже 22 марта 1983 г. Пречан отправил через посольство ФРГ письмо, в котором одной из главных тем был призыв не допустить манипулирования информацией и общественным мнением в связи с действиями оппозиции (с. 3). К письму прилагались копии некоторых материалов. Это, в первую очередь, несколько откликов на книгу «Власть безвластных», рецензия И. Ковтуна в журнале «Svědectví», затем реакция

поляков. Так, польский независимый политический ежеквартальник «Кгутука», издаваемый на Западе, опубликовал в 1980 г. (№ 5) полный текст книги Гавела «Власть безвластных». В 1981 (№ 8) журнал поместил беседу «Как это началось» с участием польских оппозиционеров З. Буяка, З. Янаса, Я. Литинского и А. Михника.

Далее в письме шла речь о том, что Пречану стало известно о существовании 164 писем Гавела (цифра, названная им самим), написанных из тюрьмы. Пречан в этом письме предлагает издать их на чешском языке: «Если Вы не приняли пока никакого решения на этот счет, то мне хотелось бы проинформировать Вас, что есть Томский в Лондоне, который был бы рад издать эти письма как продолжение сборника “Об идентичности человека”» (с. 4).

Гавел согласился, что опасность некоего упомянутого в письме Пречаном манипулирования реально существует: одни советуют ему отдохнуть, лечиться и оглядеться, но тут же начинают втягивать его в самые разные дела, в большинстве интересны для него. «Чрезвычайно сложно, — пишет он, — сориентироваться в этом, уметь и отметить интересные вещи, и в то же время не впасть в ту диссидентскую суматоху, которая столь хорошо известна мне по периоду до заключения» (с. 10). Поэтому, считает он, нужны конкретные дела, например своевременная и правильная публикация за рубежом сообщений созданного в 1979 г. Комитета защиты несправедливо преследуемых (КЗНП), поиск людей с организаторским талантом, а не диссидентские колебания, мешающие писать пьесы (с. 12). Особенно обрадовала Гавела польская реакция на книгу «Власть безвластных».

Переписка примерно в такой тональности наладилась, до октября 1983 г. она включала 26 писем. Уже по этим письмам было видно, что оба корреспондента ставят своей главной задачей донесение взглядов оппозиционеров широкому окружению, а также отслеживание реакции на заявления и действия диссидентов в Чехословакии и за ее рубежами. Широлось количество упоминавшихся имен и организаций, углублялась тематика переписки. Фактически она стала неким зеркалом, отражающим ход мыслей и планы действий диссидентов. А поскольку она носила во многом конфиденциальный характер, то это зеркало было достаточно четким.

Работа над столь серьезным источником ведется и будет вестись со всей тщатель-

ностью. В данной рецензии хотелось бы отразить одну, может, не первостепенную, но заметную линию, касающуюся оценок корреспондентами и их окружением позиции СССР и его лидеров. Принципиальным является здесь следующий момент, указанный в послесловии Суком: «Хартия 77 – особенно пока ее репрезентовал Гавел – сохраняла дистанцию как в восточной, так и в западной политике. Пропагандистское утверждение режима о том, что Хартия является агентом враждебного империализма, не было правдой, так же как и противоположное мнение политической правницы о том, что Хартия не борется против коммунистического режима, так как является криптокоммунистической» (s. 797).

Вот как, к примеру, развивалась дискуссия об источнике возможной войны с востока: «было бы иллюзией думать, что исчезновение Советского Союза с мировой арены означает уже решение всех проблем с войнами и вообще со всем остальным. Войны были еще до возникновения СССР и даже Вторая мировая война началась не по советской инициативе», – писал в письме от 25 декабря 1983 г. В. Пречан.

Гавел в письме от 4–6 января 1984 г. признает его правоту, отмечая, что если бы кто-либо разбил СССР, то начали бы драться американцы с Китаем, Китай с Японией, Иран с остальными арабами, Пакистан с Индией и так далее. «Сводить, – утверждал Гавел, – все несчастья мира к одному дьяволу и в этом усматривать вершину мышления, ведь это и есть химически чистый сталинизм» (s. 133–134). Отсюда призыв не переоценивать процессы размещения ракет в Европе, ведущие к гонке вооружений.

С этого времени тема СССР не столь часто появляется в переписке, а возврат к ней связан с динамичной, по слову корреспондентов, политикой М. Горбачева. Именно этот фактор, считает Пречан, повлияет на борьбу различных групп внутри властного истеблишмента, но мало коснется Хартии. Более того, он высказывает опасение, что реформы по горбачевскому методу будут сопровождаться жесткими действиями против неконформистских «элементов» разного рода. Поэтому малоэффективные ссылки на курс Горбачева, они всего лишь могут создать впечатление права «Большого Брата» быть арбитром в вопросах развития чехословацкой политики. Однако и другие сверхдержавы, замалчивая истинную причину чехословацких бед, уменьшают ответственность за них Советского

Союза (s. 350–351). Отсюда и значимость кристаллизующего влияния Хартии, которая в независимой публицистике не замалчивает истинного положения дел. Отсюда и неприязнь Пречана к термину «блоковое мышление».

Это не так, возражает Гавел: «Блоки наличествуют, существует, разумеется, и блоковое мышление, независимо от того, что в одном блоке есть свобода, а в другом – тоталитаризм. Если бы не существовало блокового мышления, то все-таки Запад не считал бы революцию в Венгрии или вторжение в Чехословакию “семейным делом” второго блока, которое его не касается [...] То есть: нет никакой свободы на первом месте в иерархии ценностей!». Правда, Гавел здесь же добавляет приписку от руки красными чернилами: «Разумеется, только и лишь только потому, что советы прекрасно знали о блоковом мышлении Запада, они могли позволить себе военные вмешательства в центре Европы!!!» (s. 357).

Данные фрагменты показывают, насколько сложно было выработать линию поведения оппозиции по многим противоречивым проблемам современности и транслировать ее на Запад, особенно с учетом того, что первое место у Пречана занимала миссия передачи аутентичных взглядов хартистов, а не их адаптации к запросам эмигрантов.

3 октября 1986 г. В. Пречан пишет о конференции в Бостоне, где в своем выступлении он полемически затронул несколько вопросов: о призыве соблюдать законы, о «неполитичности» политики Хартии, об обновлении смысла гражданства как предпосылке конкретных политических программ, о Хартии как сотворце независимого общественного мнения, о роли документов как барьере от манипулируемых СМИ. Эмигранты же громко говорили об убийственных ошибках Хартии, якобы ставившей на одну доску демократические и тоталитарные режимы (s. 480).

Гавел в несколько запоздалом ответе на данные сетования пишет, что любые хартисты и любые их мнения допустимы, главное – что существует активное ядро Хартии, которое ведет самостоятельную линию, принимая во внимание позиции и эмигрантов, и американских политиков, готовивших предисловие к книге о Хартии (s. 489). Далее он убеждает, что и подлинных приверженцев Масарика было не так уж много, но победило именно его дело (s. 491). Преодоление травмы капитулянт-

ства, о чем так часто говорили эмигранты, все же шло на местах. Именно эмиграция осуществляла «возгонку» диссидентства в ранг прямой политической оппозиции, против чего иногда выступал сам Гавел. Он четче понимал, что «неполитическая политика» эффективнее, чем открытые политические протесты.

Письма Гавела Пречану 31 марта и 2 апреля 1987 г. характеризуют атмосферу в стране накануне визита в ЧССР Горбачева. «Люди, – пишет Гавел, – читают выступления Горбачева, Штроугала, Биляка, чего десятилетиями не было, следят за всем этим с большим интересом. В этом интересе имеется оттенок злорадства: Советы добились того же самого, что делали мы уже двадцать лет тому назад и что ими же было подавлено. Это сопровождается многочисленными остротами. Присутствуют и чувство сатисфакции, и любопытство, а порой, так сказать, и “контролируемые” надежды. Нельзя сказать, чтобы люди так уж сильно ангажировались, они заняли осторожную и выжидательную позицию» (s. 518). Стоит зайти в ресторан, продолжает он, как тут же затеваются дискуссии по этому и другим вопросам. Относительно же Хартии происходит следующее: здесь есть «снеговика», которые от дуновения теплого ветра тают и даже думают, что кто-то призывает их к власти, а есть «заядлые антигорбачевцы», для которых Горбачев хуже Брежнева. Что касается письма Хартии лидеру перестройки, то оно явилось предметом многих споров, но в конце концов получилось приемлемым. И все Хартию ожидают достаточно трудные времена, завершает Гавел (s. 519).

Настал 1988 год – время горестных юбилеев: 40-летия коммунистической революции и 20-летия вторжения в Чехословакию. Пречан в письме к Гавелу 23 февраля 1988 г. выражает неудовлетворение тем, что хартистам при подготовке документа не удалось достичь согласия в вопросе 40-й годовщины февраля. Он не аттестует себя как реакционера или «коммунистопожирателя», но о том, что компартия выступает как главнейшее препятствие реализации гражданских прав и прав человека в стране, сказать следовало бы. «Однако, – пишет Пречан, – если же часть людей в Хартии продолжает оставаться на позициях сколь угодно завуалированной формулируемой “руководящей роли партии”, пусть даже самореформировавшейся и даже с тринадцатую Горбачевыми в политбюро, надо

ли это принимать? [...] Я ни в коем случае не собираюсь начинать снова дискуссию о том, что считать азбукой Хартии. Я лишь спрашиваю, и это снова лишь риторический вопрос, какой смысл удерживать такое единство, когда меньшинство диктует большинству» (s. 564).

Гавел ответил Пречану по этому вопросу месяц спустя, 25 апреля 1988 г.: «Вы в том письме уделяли значительное внимание тому, что спикеры не пришли к согласию относительно документа к февралю. Я присутствовал при этом, это не был спор экс-коммунистов с некоммунистами, а скорее, спор о том, нужно ли вообще Хартии высказываться по историческим темам (когда-то эта проблема уже появлялась, когда речь шла о Млынарике и выселении). Возникшее предложение не было особенно хорошим и его в конце концов отклонили, но ни в коем случае не из-за разногласий между спикерами, они-то как раз пришли к согласию, а по той причине, что оно не было признано достаточно приемлемым в целом и достигнуто мнение: Хартия не может замещать историографию. Высказывались предложения издать собрание разных квалифицированных текстов, но и таких нашлось мало. Наконец, лучшим решением явилось то, что не было издано ничего. Это должен был быть документ по Мюнхену и по многим другим вопросам. Впрочем, у меня такое чувство, что вполне достойным отмечанием всех круглых дат в этом году станет планируемый международный семинар, собственно, симпозиум «Чехословакия 88», который Хартией планируется на осень» (s. 569).

«Юбилей горя», включая 30-летие Мюнхенскогоговора, лишившего страну независимости, – вот темы возможного симпозиума, который предполагалось провести в Праге в середине ноября 1988 г. По всей видимости, дискуссии по острым вопросам отечественной истории, проходившие в это время в СССР, допускали возможность чего-то подобного и в Чехословакии. Пречан писал Гавелу 31 мая 1988 г., что он активно ищет его возможных участников: от А. Сахарова и Л. Валенсы, прибавит и украинцев – вплоть до В. Брандта и даже М. Горбачева. «Разумеется, со своей стороны, как и всегда в подобного рода случаях, я сделаю для успешного его проведения максимум. Тем не менее как историк или как критический интеллеktуал позволю себе сказать о своем дистанцировании от этого мероприятия примерно следующее. В его

тени как будто существует представление, что чехословацкое дело можно вывести из тупика с помощью некой грандиозной международной акции. Только ведь народу, который не хочет пошевелиться, чтобы взять свое дело в свои руки – чем бы при этом не обосновывалась подобная его позиция – не стоит надеждами на “воздействие” международных акций укреплять его иллюзии, что кто-нибудь извне за него что-то решит. Разумеется, я считаю хорошо подготовленный симпозиум – в хорошо взвешенных рамках – такого рода целесообразным, если станет ясно, что он не заменит необходимости привести в движение само общество, причем изнутри» (с. 571–572).

Гавел в письмах Пречану от 19 и 22 июня 1988 г. просит его не гневаться на чешский народ, который все же хочет читать интересные книги из самиздата и одобряет борьбу Хартии за права человека, даже если это делают несколько людей, находящихся на пределе измождения. Таков же его интерес и к симпозиуму: состоится – и хорошо. «Мы ведь, – пишет Гавел, – в течение многих лет пытаемся передвигать рубежи; началось с машинописных книг, затем появились машинописные журналы, затем начал работать ксерокс и ротатор, потом видео, постепенно начали функционировать компьютеры [...] проходят встречи с западными политиками (два года тому назад это было невозможно!), сейчас пробуем другие мероприятия – Форум Хартии, манифестации, симпозиумы. Никто не знает, когда это начнет функционировать. Но это необходимо неустанно пробовать, как ранее пробивалось все то, чего сегодня мы уже добились. Форум дважды не разогнали и дважды разгоняли. Сейчас разогнали симпозиум по проблемам мира. Возможно, будет разогнан и тот, осенний. Возможно, не будет. Никто не знает. Но должны ли мы из-за этого прекратить попытки передвигать рубежи? Должны ли мы принять возражения, что с каждым новым делом речь идет только лишь о “демонстрации”? Когда возникала и возникла Хартия, многие говорили, что это всего лишь эксгибиция и демонстрация. Сегодня уже так никто не говорит [...] Может быть, симпозиумы через пару лет будут такими же само собой разумеющимися, как сегодня Эдиче Экспедице. А возможно, и нет. Но это необходимо пробовать» (с. 579).

Столь ли важен поэтому вопрос, задумывается симпозиум как демонстрация или как научное мероприятие, утверждает Гавел, если главное – осознать, что люди живут в ненормальной стране, где все нормальное нужно вводить методом проб, невзирая на «демонстративные» оттенки, придаваемые обстоятельствами.

Письма 1989 г., особенно со стороны Гавела, с лета 1989 г. становятся все короче – иногда это всего лишь несколько строк. Это легко объяснить: место пространных писем заняли большие дела – с увеличенными рисками их исходов. В силу чего Гавел пишет Пречану 19 июля 1989 г.: «Положение начинает становиться драматическим. Часть общества хочет из меня сделать своего вождя, а вторая часть (меньшая) – меня как можно скорее ликвидировать. Не знаю, что из этих двух вариантов лучше» (с. 603). Вырваться из «пражской кутерьмы» становится все труднее, а она, как констатирует Гавел, уже невыносима.

Пречан отвечал ему 14 ноября 1989 г. письмом о своей «кутерме», включая празднование дня рождения сына, о впечатлении, которое на него произвел Адам Михник, о трудностях переписки, о необходимости помочь больному коллеге... (с. 619).

Уже через три дня Гавелу было не до писем, а несколько корреспонденций Пречана после начала «бархатной» революции 17 ноября 1989 г. предстают как свидетельства того, что события как бы «сорвались с цепи».

Книга отражает и довольно далекие от агиографических описаний события в жизни Хартии и ее лидера. Часто между ними возникали противоречия, разрешение которых усиливало позиции и Гавела, и хартистов, поскольку спрос на совокупные действия организации и ее лидера лишь возрастал.

В целом книга являет собой детальное свидетельство того, что сделало из Гавела ведущую фигуру диссидентства и оппозиции, а затем и гражданского движения за свободу и демократию. Его письма являются документальным свидетельством выполнявшейся им огромной масштабной рутинной работы (по Масарику – «малые дела»), которую Гавел брал на себя и выполнял систематически, сознательно и с риском.

© 2012 г. Э.Г. Задорожнюк

Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.

Коллективные монографии Института славяноведения РАН, посвященные ключевым вопросам исторического развития стран и народов Восточной Европы уже давно получили заслуженное признание не только в среде академической научной общности, но и у массового читателя. Однако случилось так, что после 1963 г., когда вышла двухтомная история Югославии, компаративных, обобщающих трудов по истории ее народов XX в. в России не выходило. А между тем научная потребность такого издания назрела уже достаточно давно, что связано, в том числе, с необходимостью глубокого исторического анализа истоков и причин, начавшегося в 1991 г. системного кризиса югославской федерации, сопровождавшегося гражданской войной. Без понимания собственно истории народов Балкан, дважды в течение XX в. объединявшихся в общее государственное пространство, сделать это не представляется возможным. Этот пробел ликвидируют пять частей книги «Югославия в XX в. Очерки политической истории», которые, с опорой на новейшую литературу и источниковедческую базу, отражают историческое развитие народов Югославии с начала XX в. до конца 90-х годов прошлого столетия.

Новая монография дает немало пищи для серьезных размышлений об исторической судьбе и современной цивилизационной роли народов бывшей Югославии. Не случайно сами авторы книги – известные российские историки-слависты А.С. Аникеев, Л.Я. Гибианский, Е.Ю. Гуськова, А.Б. Едемский, Л.А. Кирилина, К.В. Никифоров, А.А. Силкин, А.И. Филимонова, В.Б. Хлебникова, А.Л. Шемякин и М.Л. Ямбаев, определили свой труд именно как монографический сборник, что позволило им совместить общий замысел и глубину научного подхода со свободой изложения собственной, авторской точки зрения на ту или иную проблему в заявленных хронологических рамках. При этом, как заявляют сами авторы в предисловии, они не претендуют на окончательные оценки, а скорее провоцируют дискуссию, при этом признавая, что им «не удалось

равномерно осветить все проблемы, не достигнута и полная унификация структуры всех разделов труда, как это было бы свойственно коллективной монографии» (с. 8).

В свою очередь заметим, что в целом данный труд отражает общий, весьма высокий уровень развития современной отечественной югославистики, а авторам, которые сохранили верность принципам исторического анализа и объективной интерпретации непростого прошлого народов, некогда входивших в состав Югославии, удалось показать политическое развитие региона в XX в., не поддаваясь интеллектуальной моде сегодняшнего дня. Понятно, что в рамках небольшой рецензии невозможно подробным образом проанализировать статьи всех авторов этой обширной книги, общий объем которой составляет более 50 п.л. Поэтому остановлюсь на наиболее, на мой взгляд, знаковых разделах данной коллективной монографии.

Первая часть книги «Югославянские народы и государства в начале XX века» призвана познакомить читателя с основными вехами политического и экономического развития народов будущей Югославии после 1878 г. и до 1918 г. – рождения на политическом пространстве Европы нового государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Этот раздел открывается очерком А.Л. Шемякина, анализирующим государственное развитие Сербского королевства в начале XX в. Автор отмечает, что вступление страны в XX век сопровождалось событиями, коренным образом изменившими всю последующую историю страны. Он заставляет читателя серьезно разбираться как в хитросплетениях политической жизни Сербии конца XIX – начала XX в., приведших к трагическому финалу династию Обреновичей, так и во всех тонкостях политического развития страны с 1903 г. по 1914 г. При этом особое внимание А.Л. Шемякин уделяет роли вооруженных сил страны и их влиянию на политическую жизнь королевства. В этой же связи особое место в очерке российского югослависта занимает анализ причин свершившегося 29 мая 1903 г. кровавого военного перево-

рота, приведшего к смене правящей сербской династии.

Историк делает вывод о том, что в начале XX в. «первопричиной внутреннего столкновения в Сербии был идеологический конфликт, особенно обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в дихотомии: “либеральная идея – традиция, органично перекликаясь со знаменитым русским спором западников и славянофилов”» (с. 28–29), а сам по себе его очерк прекрасно иллюстрирует зависимость процесса вхождения традиционного аграрного сербского общества в современное («модерное») европейское пространство не только от темпов изменения экономики, политики, быта, культуры страны, но и от их сбалансированности, умения руководителей государства своевременно вносить нужные коррективы как во внутреннюю, так и во внешнюю политику, поскольку именно несовпадение интересов государства и общества привело страну в начале XX в. к глубокому системному кризису.

Выводы А.Л. Шемякина находят методологическое развитие в очерках А.А. Силкина, анализирующих политическое развитие Королевства СХС и Югославии с 1918 г. до конца 30-х годов XX в. Автор указывает, что в тот период были заложены не только правовые основы Королевства СХС, но и ярко проявились кризисные черты, поставившие под «сомнение жизненность югославистской идеологии, на которой во время Первой мировой войны основывался весь объединительный процесс» (с. 219). По мнению Силкина «югославизм как идеология, положенная в основание королевства СХС скорее разделял, чем спланивал участников объединительного процесса» (с. 230), что отразилось на деструктивных процессах государственно-правового развития королевства в 20-е годы XX в. и привело к установлению в январе 1929 г. диктатуры короля Александра Карагеоргиевича. Особое внимание автор уделяет деятельности Хорватской крестьянской партии (ХКП) – самой консолидированной и многочисленной организации, игравшей ключевую роль в развитии политического кризиса королевства, особенно усугубившегося после убийства короля Александра в 1934 г.

Фундаментально выглядит часть книги «Югославия в период Второй мировой войны», которая принадлежит перу известного историка Л.Я. Гибианского. Автор не только

сосредоточил внимание на проблемах внутриполитического устройства югославского государства в связи с подписанием соглашения Цветкович – Мачек и образованием бановины Хорватия, но и проанализировал истоки формирования и деятельности Коммунистической партии Югославии (КПЮ), а также движения «Збор», во главе которого стоял Д. Лётич. При этом автор подчеркивает, что в среде сербской общности, в офицерских кругах, особенно после поражения Франции, «росли чувства моральной непримиримости с происходившим окружением Югославии государствами “оси”, обострялись антигерманские и антигитлеровские настроения», что показательно иллюстрируют события в Белграде 27 марта 1941 г., где преобладал взрыв сербских патриотических чувств (с. 302). Это, по мнению автора, стало решающим фактором при осуществлении переворота, а также одной из важных причин начавшегося вскоре вторжения гитлеровских войск в Югославию.

Л.Я. Гибианский особо подчеркивает, что обостренность межэтнических противоречий сыграла не последнюю роль в крахе Югославии перед натиском гитлеровской военной машины, поскольку, по мнению автора, для несербского населения «Югославия отнюдь не была тем государством, за существование которого они были готовы сражаться и рисковать жизнью, особенно в условиях, когда нападение на страну почти сразу привело к тяжелым потерям, дезорганизации и затем к хаосу» (с. 353). Именно поэтому возникшее вскоре после капитуляции югославской армии Независимое государство Хорватия (НГХ), в глазах значительной части хорватского общества, даже тех общественных сил, которые не одобряли характер установившегося усташского режима и методы его политики, олицетворяло собой обретение долгожданной национальной государственности. В этом же контексте, значительное место Л.Я. Гибианский уделил положению народов Югославии в период 1941–1945 гг., развертыванию движения сопротивления оккупантам, которое сопровождалось становлением новой югославской государственности. Отмечая, что в официальной коммунистической историографии тема, связанная с формированием и деятельностью соперничающих освободительных движений не являлась серьезным предметом исторических исследований, автор достаточно глубоко исследует взаимное столкновение двух основных

антиокупационных военно-политических сил – четнического во главе с Д. Михайловичем и коммунистического во главе с Йосипом Брозом Тито. В этой же связи автор анализирует факторы, способствовавшие победе в этой борьбе антифашистских сил, возглавляемых КПЮ.

Особое место Л.Я. Гибианский уделяет внутреннему курсу Тито в 1945–1949 гг., экономическим реформам, проводимым в стране в тот период, а также причинам конфликта Сталин – Тито и его внутри- и внешнеполитическим последствиям. Автор при этом резюмирует, что к концу 1949 г. «возникло новое положение Югославии по отношению к противостоящим блокам биполярного мира. Сложилась невиданная до той поры и казавшаяся парадоксальной ситуация, когда страна с коммунистическим правлением фактически оказалась как бы по другую сторону баррикад холодной войны» (с. 588–589). Не случайно, автор главы «Внешиполитические ориентиры. Смена союзников и постановка новых задач» А.С. Аникеев, рассматривая внешнеполитические последние разрывы советско-югославских отношений, подчеркивает, что начало 1950-х годов стало важным этапом в становлении движения неприсоединения – нового феномена международных отношений в 60–70-е годы XX в.

Замечу, что само по себе исследование внешнеполитического курса Югославии, связанное с организацией и началом деятельности движения неприсоединения, еще не получило должного освещения в российской историографии. Очерк А.С. Аникеева ставит в этой связи новые исследовательские парадигмы. Автор отмечает, что «югославскому руководству в этот период времени предстояло твердо выдерживать курс на внеблоковое существование, курс к этому времени большинством одобренный, но еще не принятый и не понятный ни Москвой, ни Вашингтоном, и, главное, не закрепленный еще документально на каких-либо международных форумах стран с подобной ориентацией при участии Югославии» (с. 652).

В контексте формирования движения неприсоединения в книге серьезное внимание уделяется непростым советско-югославским отношениям во второй половине 50–60-х годов, чему посвящена статья А.Б. Едемского. Она раскрывает непростой волнообразный характер этих взаимоотношений, поскольку, несмотря на восстановление дипломатических от-

ношений, Н.С. Хрущеву так и не удалось заручиться согласием югославского лидера на возвращение Федеративной народной республики Югославия (ФНРЮ) в социалистический блок. В этой связи, как пишет историк, «события, разгравшиеся в странах Восточной Европы весной – летом 1956 г. были для Белграда долгожданными. Перед югославским руководством открывалась перспектива преобразования всей советской империи в Восточной Европе в соответствии с принципами, которые оно защищало с конца 1940-х годов, что давало бы ей главенствующую идеологическую и политическую роль среди социалистических стран, прежде всего в Юго-Восточной Европе» (с. 670).

Особый интерес для читателя представляет предложенный А.Б. Едемским анализ экономических и политических реформ в стране, в связи с формированием так называемой югославской модели социализма. Автор при этом справедливо замечает, что «введение зачатков рыночных механизмов в ходе реформистского поворота конца 1940-х годов с неизбежностью выразилось в всплеске неконтролируемых процессов, причем не только в экономике» (с. 695). Усилились скрытые националистические тенденции, ставшие первым признаком будущего распада югославской федерации. Именно поэтому автор главы «Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций», руководитель научного центра по изучению современного балканского кризиса, Е.Ю. Гуськова, значительное место уделила анализу полемики по поводу видения будущего развития страны. «Именно в 1960-е годы стали формироваться два взгляда на будущее развитие страны. Одни отстаивали интегральное югославянство, другие хотели видеть свои республики сначала экономически более самостоятельными, затем экономически и политически самостоятельными, а через это независимыми», – пишет историк (с. 702). Заметим, что без понимания и анализа собственно этих концепций, когда «элементы национального все больше примешивались к идеологическим» (с. 746), оценить произошедшие на территории Югославии в 1990-е годы события не представляется возможным, поскольку принятая в 1974 г., после ожесточенной политической борьбы, новая конституция СФРЮ уже ставила на первое место республики, а не федерацию.

Смерть Тито в 1980 г. только ускорила дезинтеграционные процессы в стране,

анализ которых составляет отдельную часть данной монографии. Ее автором также является Е.Ю. Гуськова. Проведенные ею на основе большого количества документов комплексные оценки сербо-хорватского, боснийского и косовского конфликтов 1990-х годов иллюстрируют тот факт, что Югославия стала для США и стран НАТО первым полигоном для отработки новых международных силовых сценариев, ставших возможными после распада СССР и всей системы социалистического лагеря.

Не случайно, резюмируя выводы Е.Ю. Гуськовой, ответственный редактор коллективной монографии К.В. Никифоров замечает, что «югославский кризис совпал с огромным геополитическим сдвигом на европейском континенте – окончанием холодной войны, прекращением блокового противостояния, крахом европейского коммунизма», а сама Югославия «стала обузой, не вписывавшейся в ту конфигурацию новой системы европейской и международной безопасности, которая замышлялась в США и на Западе в целом» (с. 867). Он же пишет, что югославский эксперимент окончился полным крахом, а пути бывших республик окончательно разошлись.

В этом же ракурсе можно оценивать и события 5 октября 2000 г., приведшие к свержению Милошевича и передачи власти демократической оппозиции. Это событие,

как справедливо отмечает К.В. Никифоров, открыло череду «цветных», или «электоральных революций» начала XXI в. «Ведь точно по сербскому сценарию произошли затем “революция роз” в Грузии и “оранжевая революция” на Украине. В какой-то степени созвучны им были и события, приведшие к смене власти в Киргизии», – пишет исследователь (с. 876). Недавние события в Тунисе, Египте, а особенно в Ливии, где аналогии с югославским сценарием напрашиваются сами собой, только подтверждают правильность этого вывода.

В заключение замечу, что цель книги – взвешенно и аргументировано показать российскому читателю то, что происходило на Балканах в течение сложного XX в. – была вполне достигнута. Однако, как замечают сами авторы, «историю существовавшего в XX веке общего государства еще только предстоит написать ученым с территории бывшей Югославии». И в этом смысле выход в свет монографии российских ученых стал для них определенным вызовом. Надеемся, что в новом, XXI в., представители научной элиты новых балканских стран смогут, наконец, преодолеть взаимные обиды и разногласия, объединив свой интеллектуальный потенциал для объективного изучения истории собственных народов в XX в.

© 2012 г. Я.В. Вишняков

Славяноведение, № 5

С.А. РОМАНЕНКО. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). М., 2011. 1024 с.

Книга С.А. Романенко является, на наш взгляд, одним из немногих удачных и хорошо аргументированных исследований, помогающих освободиться от присутствующих практически всему постсоветскому пространству комплексов, мифов и стереотипов относительно советско-югославских и российско-югославских отношений. Заметим при этом, что критический подход отличает позицию автора по отношению и к современной постюгославской историографии, которая остается наиболее

«архаичной» и «стереотипизированной» в освещении политики руководства СФРЮ и лично Тито «к СССР и ВКП (б)–КПСС» и по-прежнему далека от философского и историко-аналитического переосмысления неоднозначных событий тех лет. Рецензируемая книга (вся система исторических и политических доказательств, приводимая автором) предоставляет вдумчивому читателю возможность сделать вывод, о том, что все сколь-нибудь значимые события на Балканах, имели в основании, если можно

так выразиться, внутреннюю политическую тектонику развития «геополитического полуострова» под названием «Югославия».

Трагическими и судьбоносными для европейских народов стали годы Первой мировой войны, в ходе которой Австро-Венгрия вела борьбу за жизненно важное геополитическое «предполье», как выразился в свое время фельдмаршал Радецкий, «зародыш второй части Австрийской империи» с территорией на правом берегу Дуная – в Боснии, Сербии, Болгарии и Румелии, а также Албании, Македонии и Греции. Перипетии политической и дипломатической борьбы за влияние на Балканах скрупулезно проанализированы С.А. Романенко. При этом автор во многом отходит от стереотипных оценок и восприятия не только российских политических деятелей, но и лидеров большевиков. Заметим при этом, что Российская империя попыталась в годы военного противостояния не совсем удачно, в частности в своей балканской политике, повторить то, что П.Б. Струве удачно назвал политикой «свободной и органической гегемонии» по англо-саксонскому образцу. Весьма интересным является обращение автора в этом контексте ко многим полузабытым и малоизвестным оценкам Австро-Венгрии и политики держав на Балканах в годы Первой мировой войны, которая содержится в работах не только В. Ленина, И. Сталина, Л. Троцкого, но и Г. Зиновьева, Л. Каменева, Л. Мартова, Ф. Дана и других представителей российской социал-демократии. Романенко справедливо отмечает, что лидеры большевиков не желали замечать «феномена сербского национализма» (с. 116), во многом исходя из своих теоретических представлений о возможности создания после войны социалистической федерации в Центральной Европе (на территории бывшей Австро-Венгрии), а возможно и нескольких федеративных образований, которые бы включали и территории Балкан. Подобным социалистическим планам для Европы политики держав Антанты и США противопоставляли собственные проекты создания «большой восточноевропейской федерации». Считается даже, что в начале 1918 г., провозглашая мирную программу, президент В. Вильсон защищал скорее конституционную федерализацию Австро-Венгрии, а не ее распад. Небезынтересно и то, что на завершающем этапе войны в союзных столицах именно фигуру чешского политика и философа Т.Г. Масарика рассматривали как возможного претендента на

пост президента Центральноевропейской федерации.

Отметим также, что исследование С.А. Романенко, вне всякого сомнения, является аргументированным и, главное, документированным исследованием, которое раскрывает многовекторные ракурсы балканской политики держав, межвоенного периода Королевства СХС, а также внутри- и внешнеполитического развития титовской Югославии и порожденных ее распадом государств-наследников. Важным в монографии является и то, что автор определяет свой исследовательский тезаурус – используемый в исследовании понятийный аппарат и такая терминологическая «кладовая» исследования (с. 12–29) во многом облегчает понимание всего текста работы даже неподготовленным читателем.

Весьма интересным аспектом исследования С.А. Романенко мы считаем и то, что автор на страницах книги неоднократно обращается к коминтерновской проблематике, давая читателю понять, что на самом деле, отношения двух «пролетарских вождей» – И. Сталина и И. Броза Тито – особенно во времена кризиса и не могли быть иными, ибо они соответствовали логике приказа. Тито оказался не из тех, кто готов был бездумно и беспрекословно подчиняться политике Сталина, перенаправившей идею мировой революции в русло государственных интересов СССР. Кстати, многие наблюдатели считали, что разворачивающийся конфликт Сталина и Тито является ярким свидетельством начавшегося именно тогда «мирового кризиса сталинизма».

Глубокими и содержательными представляются нам оценки ученого и относительно такого сложного и многомерного понятия как «национальное самоопределение» и, главное, оно вполне применимо к современным процессам этнополитического характера, происходящим в самой России и соседней с ней Украине. Вчитаемся в соответствующее пояснение автора, трактующего его как «не только единовременный политический акт, но и политико-идеологический и этнопсихологический процесс, обладающий длительной исторической протяженностью» с определенными национальными и региональными отличиями (с. 17). Фактически в монографии С.А. Романенко поднят важный для всех югославян вопрос (нерешенный в рамках конкретно-исторического анализа и сегодня) – почему определенные несоответствия, противоречия и сложности развития

(особенно это касается сербско-хорватских отношений), которые воспринимались тогда, в начале XX в., как своеобразная «бахрома несводимости», все-таки позволили создать после окончания Первой мировой войны Королевство СХС. В конце же прошлого столетия они превратились в непродолимые, непримиримые противоречия, сопровождаемые кровавыми конфликтами и войнами на развалинах бывшей югославской федерации. Возможно, одной из причин этого стало и то, что югославизм во время и социалистической, и королевской Югославии зачастую развивался на уровне «политической идеологии» правящих классов, а в случае с правлением династии Карагеоргиевичей лишь прикрывал великосербские авторитаристские тенденции. Конечно, тут вряд ли стоит сбрасывать со счетов югославизм как специфическую форму национализма южных славян, но он был слишком мал и слаб перед «вулканом» этнических распрей, страстей и конфликтов лишь на время «уснувшего» в федерации, созданной маршалом Тито.

Одной из важнейших тем, к которым обращается С.А. Романенко, является проблематика взаимоотношений СССР и СФРЮ, КПСС и КПЮ на разных этапах вплоть до распада обоих многонациональных государств, которая, как отмечает автор, «парадоксальным образом принадлежит к наиболее “закрытым” и табуированным» в отечественной историографии (с. 29). Особенно ценны те страницы исследования, где автор раскрывает важнейшие ракурсы советско-югославских отношений послевоенного периода. В целом же отметим, что геополитическая составляющая балканской политики «трех России» – императорской, советской и нынешней РФ, глубоко и всесторонне отражена и проанализирована в рецензируемом монографическом исследовании. Исследователь затрагивает весь спектр вопросов, касающихся военно-стратегической и территориально-политической проблематики, начиная от «междоусобной борьбы монархических империй» (Первая мировая война) и до драматического распада обоих многонациональных социалистических государств в начале 1990-х годов. И даже тогда, как верно замечает автор, когда Сталин сразу же после войны пытался соединить «славизм» с «пролетарским интернационализмом», на первый план выступали геополитические интересы СССР в регионе (с. 414), подчеркивая при этом, что он планировал превратить «славянское

братство» в одну из опор «своей глобальной и региональной политики» (с. 439). Что уж говорить о 1948–1953 гг. – периоде открытого конфликта между Москвой и Белградом. Тогда советское руководство стремилось к максимуму возможного с тем, чтобы, противодействуя «американо-английскому влиянию в Югославии», предотвратить «создание антисоветского стратегического плацдарма на Балканах».

На страницах книги автору удалось, как нам представляется, используя методику политико-психологического портретирования, показать Йосипа Броз Тито в разных исторических ситуациях как искусного политика и тонкого дипломата, позволившего ему выстраивать непростые, но временами и весьма результативные отношения с Н.С. Хрущевым и Л.И. Брежневым. Особенно интересными в этой связи представляются нам сюжеты исследования, связанные с событиями Хорватской весны 1971 г. и последовавшими за этим политическими решениями (с. 678–698).

Распад СФРЮ был предопределен рядом внутренних и внешних причин, детально проанализированных автором рецензируемой монографии. Можно согласиться с его выводом о том, что значение внешних факторов было второстепенным. Тем не менее, С.А. Романенко глубоко их исследовал, особое внимание уделив взаимоотношениям М.С. Горбачёва и «коллективного руководства» Югославии в 1985–1991 гг. В книге приведено немало аргументов, свидетельствующих: советский лидер искренне желал сохранения СФРЮ, а в момент ее распада пытался предотвратить сербско-хорватскую войну и даже сумел провести в октябре 1991 г. в Москве трехстороннюю встречу с участием Слободана Милошевича и Франьо Туджмана.

С.А. Романенко справедливо считает, что в период нарастания дезинтеграционных процессов в Югославии политика СССР и США по сохранению СФРЮ была весьма близкой: Соединенные Штаты старались сберечь стабильность на Балканах. В то же время белградские силовики вели двойную игру. Используя в отношениях с Москвой стереотипы «славянского братства», они одновременно предлагали США поддержать «сильную Югославию против России и Германии» (с. 786). Желаемых результатов такая игра принести не могла. Спасти обреченных уже было невозможно.

По мнению автора книги, окончательную судьбу социалистических федераций опре-

делил августовский путч 1991 г. Поражение ГКЧП показало слабость консервативных сил, неспособных сохранить силовыми методами отжившую модель государственного устройства. В монографии отмечено, что С. Милошевич поспешил отправить поздравления членам ГКЧП, получив известия о событиях в Москве. Его собственная судьба оказалась еще более трагической, чем та, что постигла большинство московских неудачников-путчистов.

При анализе внешних факторов, воздействовавших на процессы в распадающейся Югославии, С.А. Романенко подчеркнул роль ведущих европейских государств. Германское признание независимости Словении и Хорватии явилось сильной поддержкой сторонникам создания собственной государственности в этих странах. А Франция в этот период занимала иную позицию. В книге указывается, что на мышление ее лидеров большое влияние оказывали традиционные мифы, предрассудки и стереотипы. Так, президент Франции Франсуа Миттеран воспринимал ситуацию 1991 г. на Балканах как аналогичную событиям 1914 г. в этом регионе. Подобное непонимание глубинной сути происходящего было характерно и для ряда других ведущих европейских политиков. Оно мешало адекватно реагировать на кардинальные изменения в сложном балканском регионе.

С.А. Романенко предпринял попытку всесторонне оценить эти процессы, не упрощая их и не сводя к привычным схемам. Он сумел, в частности, рельефно показать, как параллельно зарождались этнонационалистические движения в России и Сербии, как они взаимодействовали и подпитывали друг друга. Со своей стороны, хотелось бы отметить еще одну подобную параллель – между этнонационалистическими движениями, зародившимися и развивавшимися на украинской и хорватской почве. Их корни можно найти в австро-венгерском периоде, развивались они и позднее.

В общественном сознании двух славянских народов укоренился стереотип, противопоставивший две пары: русские – сербы и украинцы – хорваты. Такой же стереотип существовал и у сербов. Во время сербско-хорватского вооруженного конфликта его заложниками стали представители украинского и русинского национальных меньшинств, проживавшие в пограничных тер-

риториях Сербии и Хорватии. Пострадали от такого восприятия сербами украинско-хорватских параллелей и боснийские украинцы во время кровавой войны в Боснии и Герцеговине. Но украинско-хорватские связи не являлись предметом исследования С.А. Романенко. Хотелось бы пожелать автору обратить внимание и на этот аспект, осветив его в своих будущих научных трудах. Тем более, что используемый им методологический аппарат дает возможность углубленно проанализировать важные этнополитические проблемы. В том числе и те, что ранее казались изученными. В них открывается много нового, требующего понимания на качественно новом уровне.

Отметим еще одну важную черту рецензируемой монографии. Автор на страницах работы поднимает, на наш взгляд, наиважнейшую для нашей анархической «постсовременности» проблему «психологии постъюгославского мира», в котором, к сожалению, на определенном этапе побеждали силы, ориентированные на ксенофобию, этническую нетерпимость и исключительность – факторы во многом способствовавшие «поражению» победителей. Книга С.А. Романенко стала частью научно аргументированного ответа на непростой вопрос – почему, и в Югославии, и в СССР в рамках «реального» социализма не могло сформироваться полиэтничное, социально структурированное гражданское общество.

И еще один важный штрих. СССР и СФРЮ можно трактовать во многом как своеобразных «заповздавших наследниц» Австро-Венгрии. Распад многонациональных Советского Союза и Югославии поставил в определенном смысле точку на реально завершившемся XX столетии, очерченным, как представляется, особыми хронологическими рамками 1914–1991/92 гг.

На наш взгляд, автор, будучи историком точного знания, справился, как представляется, с поставленной им самим задачей объективного, непредубежденного исследователя, которому удалось в определенной мере воссоздать сложную, неоднозначную, все еще имеющую массу неясностей и недомолвок историю российско-югославских отношений XX ст.

© 2012 г. *И.Г. Буркут, В.П. Фисанов*

E. HARBULOVÁ. Sibírsky autonomizmus. Zdroje, prejavy, reflexie (1917–1939). Červený Kostelec; Praha, 2010. 184 s.

Л. ГАРБУЛЁВА. Сибирский автономизм. Источники, проявления, рефлексии (1917–1939).

В 2010 г. вышла в свет книга словацкой исследовательницы, специалиста по российской истории Любицы Гарбулевой. Имя этого автора уже достаточно известно в России. Ее перу принадлежат монографии: «Ладомирские реминисценции. Из истории русской православной миссии в Ладомирской 1923–1944» (Прешов, 2000) и «Русская эмиграция и Словакия (Деятельность русской послеоктябрьской эмиграции в Словакии в 1919–1939 гг.)» (Прешов, 2001). Она является также автором и редактором многих сборников статей, посвященных истории России, русско-чешско-словацким отношениям в первой половине XX в. Публиковались переводы ее работ и в российских изданиях.

Новая книга посвящена сложной и недостаточно изученной в российской историографии (не говоря уже о словацкой) проблеме сибирского автономизма. Конечно, следует иметь в виду, что до 1990-х годов изучение подобной темы вообще вряд ли было возможно (во всяком случае, публикации на эту тему). Сегодня эта проблема довольно активно разрабатывается, в первую очередь, местными сибирскими историками. К чести словацкого автора ею использована новейшая российская литература по вопросу, в том числе и опубликованная в научных центрах Сибири, о чем свидетельствует введение и весьма обширный список использованной литературы, приведенный автором в конце книги.

Гарбулева обращает внимание на причины и истоки появления самой идеи сибирской автономии в конце XIX в., рассказывает о первых носителях этой идеи – студентах Казанского, Санкт-Петербургского и Московского университетов, выходцев из Сибири. Постепенно областническое (за автономию Сибири) движение эволюционировало от культурно-просветительских кружков и обществ к более радикальным, приобретавшим политический характер, требованиям автономии и даже сепаратизма. Первая вводная глава книги повествует

об источниках сибирского автономизма до 1917 г.

Областническое движение набирает силу и приобретает конкретные формы в годы революции и Гражданской войны в 1917–1920 гг. Именно этот период в центре внимания автора. Ему посвящена центральная глава книги. Кроме опубликованных документов Гарбулева использует материалы фондов по истории Белого движения и эмиграции, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), фонд истории Гражданской войны в СССР Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также фонды пражских архивов – МИД ЧР (Archiv Ministerstva zahraničních věcí ČR) и Национального архива (Národní archiv). Использование автором чешских архивных материалов может представлять особый интерес для российских и словацких исследователей и читателей, интересующихся этой проблематикой, что связано с более ограниченным для них доступом в эти архивы (я имею в виду объективные причины: знание чешского и русского языков, финансовые проблемы командирования для длительной работы в архивах, но никак не субъективные – запретительные) и, как следствие этого, меньшее представление о чешских архивных коллекциях.

Гарбулева последовательно рассматривает первые проявления автономизма в 1917 г., начиная с Февральской революции 1917 г., открывшей, по ее мнению, новый этап в развитии сибирского областнического движения. Он был связан с общей активизацией политической жизни в России в целом и в Сибири в частности и, в том числе, с возникновением в Верхнеудинске в марте 1917 г. Сибирской демократической федеративной партии, выступавшей за создание Соединенных штатов Сибири на федералистской основе. В августе 1917 г. в Томске начинаются заседания подготовительной конференции представителей Сибири для созыва Всесибирского областного

съезда. Уже ее участниками было выдвинуто предложение об автономном устройстве Сибири, против которого выступили главным образом социал-демократы. На первом Сибирском областном съезде (октябрь 1917 г., Томск) был избран исполнительный комитет под председательством Г.Н. Потанина, известного ученого, общественного и политического деятеля. Второй чрезвычайный Всесибирский областной съезд состоялся в Томске в декабре 1917 г. уже после октябрьского переворота в Петрограде и прихода к власти большевиков. Его участники приняли так называемое Положение о временных органах управления Сибирью – Сибирской областной думе и Сибирском областном совете. Избранный на съезде Временный сибирский областной совет во главе с Потаниным не признал большевистскую власть, а та, в свою очередь, развернула борьбу против сибирского областничества.

Далее автор обращается к событиям 1918 г., когда автономистские стремления в Сибири достигают своего апогея, так же как и борьба автономистов, по большей части эсеров, с большевиками. На тайном заседании Сибирской областной думы, последовавшем после ее разгона большевиками, в январе 1918 г. было создано Временное правительство автономной Сибири во главе с П.Я. Дербером, перенесшее свою деятельность на Дальний Восток. Словацкая исследовательница внимательно, можно сказать «дотошно», разбирается во всех возникших в это «смутное» время сибирских и дальневосточных органах власти и непростых отношениях между ними. При этом анализируется деятельность Временного правительства автономной Сибири и Сибирской областной думы преимущественно в Западной Сибири на отдельных временных этапах (с февраля по июнь 1918 г., с июня по сентябрь, с сентября по ноябрь и в конце 1918 г.). Выделение этапов связано с быстро менявшейся ситуацией и созданием новых органов власти. Автор справедливо утверждает, что причинами обнаружившегося в 1918 г. кризиса областного движения стали слабая поддержка в обществе идей автономии, ввиду неактуальности федералистских устремлений в условиях Гражданской войны, необходимости решения вопросов о власти и земле. В заключительной части второй главы показаны последние автономистские попытки в Сибири в 1919–1920 гг. Омский переворот и приход к власти авторитарного

правительства А.В. Колчака означал углубление раскола между антибольшевистскими силами. Правое крыло областнического движения поддержало Колчака, тогда как левое – выступило против него. Некоторое оживление движения произошло после отступления армии Колчака и его поражения осенью 1919 г.

Причинами провала сибирского областнического движения автор считает состав населения Сибири, на 80 % состоявший из русских, которым сепаратистские идеи областников были по большей части чужды. Но не только национальная, но и социальная база областников оказалась узкой. В основном их поддерживали мелкая буржуазия, торговцы, казаки, инонациональная интеллигенция. Активистам движения не удалось привлечь на свою сторону крестьянство. Определенную роль сыграли и противоречия внутри движения.

Крайне интересна и третья глава книги, составляющая наиболее оригинальную часть исследования. Она посвящена деятельности сибирских областников в эмиграции в 1920–1930-е годы в Китае, Японии, Франции, Великобритании, США, но главное в ЧСР, где образовалось Общество сибиряков в Чехословакии. В рамках Института изучения России был также создан Сибирский отдел, позднее преобразованный в кабинет изучения Сибири.

Гарбулева изучила обширные материалы межвоенной периодики, журналы «Сибирский архив» и «Вольная Сибирь», в которых публиковались статьи и воспоминания участников областнического движения, в том числе И.А. Якушева. Идеи автономии Сибири в условиях эмиграции не находили широкой поддержки у россиян. В 1932 г. эмигранты-сибиряки по всему миру торжественно отмечали 350-летний юбилей присоединения Сибири к России. Автор книги убедительно показала, что амбициозные попытки возродить в эмиграции областническое движение не удалось, а наоборот автономизм негативно воспринимался большинством Русского Зарубежья как сибирский сепаратизм и анахронизм. В этом смысле выводы автора аргументированы и не вызывают сомнений.

Гарбулевой вообще присущи логичность изложения и хороший стиль. Но как в любой работе в книге есть, конечно, отдельные недочеты, описки, неточности. Совсем не «по-русски» выглядят полные имена и сокращенные до инициала отчества; на странице 46 перепутана дата (вме-

сто 15 октября, вероятно, следует читать 15 декабря 1917 г.) и т.п. Не всегда ясно, все ли участники областнического движения выступали за автономизм, и были ли среди них убежденные сепаратисты. Но отдельные небольшие замечания вовсе не снижают высокой оценки проделанной автором работы в целом.

Если автор планирует продолжить исследование этой проблемы, можно было бы обратить ее внимание на трехтомную работу Г.Ф. Миллера «История Сибири», изданную под грифом Института этнологии и антропологии, а также на материалы

печати, посвященные именно этой проблеме, и хранящиеся в фонде Р. Гайды в Национальном архиве в Праге.

Рецензируемая монография, безусловно, интересна не только и не столько для словацкого и чешского, но в первую очередь, для российского читателя и ее перевод на русский язык был бы совсем не лишним. В заключение хотелось бы поблагодарить автора за очередную увлекательную книгу и пожелать ей новых творческих удач!

© 2012 г. *Е.П. Сератионова*

КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ И СЛАВЯНЕ: К 110-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.А. НИКИТИНА»

8 ноября 2011 г. в Институте славяноведения РАН состоялась конференция «Россия и славяне: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина». Стало уже доброй традицией проводить юбилейные конференции в честь выдающегося ученого-слависта С.А. Никитина: в 1991 г. отмечалось 90-летие со дня его рождения, в 2001 г. – 100-летие.

Конференцию 2011 г. открыл заместитель директора Института славяноведения РАН *М.А. Робинсон*. В своем вступительном слове он отметил, что Сергей Александрович Никитин (1901–1979) внес весомый вклад в становление и развитие отечественного славяноведения и международных научных связей, поставил отечественное славяноведение на новые рельсы. Ученый стал одним из основателей Института славяноведения в 1947 г., в котором возглавил сектор новой истории славянских народов. С 1947 по 1961 г. он заведовал еще и кафедрой южных и западных славян на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Никитин являлся ключевой фигурой в изучении южного славянства в Институте славяноведения и в МГУ.

Профессор С.А. Никитин был учителем для целого поколения ученых, чьи достижения стали гордостью отечественной науки. Он создал свою школу историков-славистов. В год его смерти среди его учеников было девять докторов и 25 кандидатов исторических наук. Но годы идут, вслед за Учителем уходят из жизни его ученики. Тем более ценными становятся свидетельства ныне живущих ученых.

Ученица профессора Никитина *И.В. Чуркина* (ИСл РАН) предложила доклад «Основные направления научной деятельности С.А. Никитина», в котором рассмотрела научное наследие ученого в области славяноведения. Она также сообщила некоторые биографические данные ученого. Чуркина, в частности, подчеркнула, что С.А. Никитин – человек со сложной личной судьбой: в начале 1930-х годов он был репрессирован, а реабилитирован лишь в 1989 г., спустя 10 лет после смерти. Чуркина подробно осветила обстоятельства, связанные с публикацией монографии Никитина «Русское общество и вопросы балканской политики России в 1853–1876 гг.». Она была завершена в 1847 г. и успешно защищена в качестве докторской диссертации. Однако набор книги, подготовленной в издательстве АН СССР, был рассыпан из-за цензурного запрета. Впоследствии часть материалов с небольшими изменениями была напечатана в известной монографии С.А. Никитина «Славянские комитеты в России. 1858–1876 гг.», вошла в «Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в.». Никогда не были опубликованы разделы, где рассматривалось развитие панславистских идей в русской общественной мысли в 40–70-е годы XIX в. Чудом сохранился один экземпляр. И.В. Чуркина поставила вопрос о необходимости издания этих материалов, поскольку интерес к панславизму в современном научном и политическом мире чрезвычайно высок, а исследований уровня профессора С.А. Никитина, сторонника позитивизма в исторической науке, не появилось.

С.А. Никитин был талантливым источниковедом, о чем поведала *Л.В. Горина* (МГУ), также его ученица, в докладе «Сергей Александрович Никитин (Исторический источник и мастерство историка)». Горина подчеркивала, что Никитин ввел в научный оборот огромный пласт документов. Он искал, сравнивал, изучал, публиковал исторические источники. Его труды высоко оценены не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

С.И. Данченко (ИСл РАН), работавшая под руководством Никитина над публикацией документов «Зарубежные славяне и Россия», отметила, что он считал публикацию документов особой формой научно-исследовательского труда, где исторические проблемы, в отличие от монографических исследований, освещаются языком документов, снабженных комментариями и справочным аппаратом. Доклад *С.И. Данченко* «Сергей Александрович Никитин – руководитель коллективов по изданию документов (вторая половина XX в.)» подробно раскрывает эту сторону деятельности ученого.

Доклад *А.В. Карасева* (ИСл РАН) «Проблемы истории Сербии в трудах С.А. Никитина и их дальнейшая разработка в отечественной историографии» завершил первую часть конференции. А.В. Карасев во время дискуссии предложил к публикации некоторые письма С.А. Никитина, адресованные его ученику – покойному профессору *В.Г. Карасеву* (1922–1991), заведующему кафедрой южных и западных славян исторического факультета МГУ в 1970–1980-е годы. Эти документы сохраняются в семейном архиве Карасевых.

Вторая часть конференции была посвящена проблематике, которая входила в широкий круг исследовательских интересов Никитина: история южных славян, русско-славянские связи в XIX в., политика России на Балканах.

История Греции, входившей в состав Османской империи, прочно связана с судьбой южнославянских народов. На конференции эта тема была раскрыта в докладе *Г.Л. Ариш* (ИСл РАН) «Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов». Согласно 11-й статье Кючук-Кайнарджийского мира в основных регионах континентальной и островной Греции была создана российская консульская сеть – 13 консульств, т.е. самое большое число российских консульств, когда-либо существовавших в Греции. Ариш отмечал, что за консульскими обязанностями содействовать развитию торговли и покровительствовать христианам скрывались политические замыслы Екатерины II. Консулами были по преимуществу греки, находившиеся на русской службе. Они считали, что Россия должна освободить Грецию от турецкого владычества.

История взаимоотношений России и Болгарии рассмотрена в докладах *Л.П. Лаптевой*, *И.Ф. Макаровой* и *М.М. Фроловой*. *Л.П. Лаптева* (МГУ) в докладе «Паисий Хилендарский в освещении советской историографии» воссоздала историю изучения знаменитого труда Паисия Хилендарского «История славяно-болгарская» (1762) советскими учеными, такими, как *Н.С. Державин*, *А.Н. Робинсон*, *С.А. Никитин*, *В.Д. Конобеев* и др.

В докладе *И.Ф. Макаровой* (ИСл РАН) «“Русский след” в болгарском четническом движении 1867 г. (новые архивные материалы)» представлены новые архивные материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи и Государственного архива Российской Федерации, позволяющие скорректировать общепринятую оценку степени участия российских дипломатов в организации болгарского повстанческого движения весной–летом 1867 г. Автор приходит к выводу, что именно политическая заинтересованность России в появлении чет в данный период, их субсидирование и вооружение извне стали важнейшим фактором резкого подъема освободительного движения в болгарских землях.

М.М. Фролова (ИСл РАН) в докладе «Католическая пропаганда в Адрианопольской Фракии и российская дипломатия (1861–1870)» на основе вовлечения новых материалов осветила конкретные действия российских дипломатов, направленные на противодействие католическим миссионерам в Адрианопольской Фракии в начале 1860-х годов. Автор стремилась развенчать созданные и создаваемые в современной болгарской исто-

риографии мифы о том, что, например, униатское движение в Адрианополе было разгромлено именно русской дипломатией, якобы привлечшей к этому много средств и людей. Или утверждение И. Тодева, что болгарское униатское движение, перед которым открывались блестящие перспективы, было сведено на нет кампанией по переселению болгар в Россию, якобы заранее спланированной в МИДе России и специально развернутой российскими дипломатами.

Был заслушан доклад *Е.П. Кудрявцевой* (ИСл РАН) «Российское посольство в Константинополе и русско-югославянские связи (первая половина XIX в.)». В нем было уделено внимание организации и функционированию российской миссии в Константинополе в первой половине XIX в.

М.Д. Жоголева (ИСл РАН) в докладе «Формирование сербской национальной интеллектуальной элиты и Россия (50–70-е годы XIX в.)» обратилась к теме обучения молодых сербов в русских учебных заведениях. Автор подчеркнула заинтересованность как сербского правительства в формировании собственной интеллектуальной элиты, так и российского правительства, которое надеялось, что эти молодые люди, прорусски настроенные, впоследствии встанут во главе Сербского государства. Для поддержки, в том числе и финансовой, южнославянских студентов в России действовал Московский славянский благотворительный комитет.

Л.В. Кузьмичева (МГУ) в докладе «Перспективы развития сербской государственности в русской политической мысли начала XX в.» на основании в первую очередь донесений русских дипломатов реконструировала характер русского официального мнения о темпах и направлениях развития структуры экономики Сербии, Черногории, Болгарии, а позднее и Албании в начале XX в. В качестве противодействия политической и экономической активности Австро-Венгрии на Балканах русские политики предложили создание «Балканской федерации» – союза балканских государств, включая Турцию. Автор отметила, что чрезвычайно интересным был план экономической и, прежде всего, транспортной интеграции балканских территорий, предусматривавший сохранение самобытных черт экономики молодых балканских государств. В докладе подчеркивалось, что русских политиков отличало понимание необходимости технического прогресса и одновременно стремление использовать специфику экономических связей постимперского пространства. Особое место в русской политической аналитике занимала перспектива укрепления и развития монархической системы в Сербии. Документы АВПРИ свидетельствуют о стремлении российского МИДа нормализовать отношения династии Карагеоргиевичей с европейскими дворами.

В.Б. Хлебникова (МГУ) в докладе «Патриархальный воин в индустриальную эпоху (П.А. Ровинский и Н.М. Потапов о боевых качествах черногорцев)» отмечала, что черногорцы, известные своими боевыми качествами и привычки к индивидуальному поединку, с трудом воспринимали дисциплину и единоначалие, принятые в европейских армиях, поэтому оказались психологически не готовыми к современной войне.

Был заслушан доклад *Н.Г. Струниной* (ИСл РАН) «Влияние России на систему образования в Черногории в конце XIX – начале XX в.». При всесторонней помощи России в Черногории во второй половине XIX – начале XX в. было создано множество учебных заведений, среди которых открытые в 1869 г. учительско-богословская школа для юношей и Женский институт имени императрицы Марии Александровны в Цетинье. Организуя и спонсируя школы, институты и детский сад в Черногории, Россия, таким образом, укрепляла свое влияние как в Черногории, так и на Балканах в целом, воспитывая прорусски настроенную молодежь.

Различными проблемами истории Хорватии уже более полувека плодотворно занимается *И.И. Лециловская* (ИСл РАН). На этот раз она предложила доклад «Мировоззренческие аспекты хорватской национальной культуры (первая половина XIX в.)», в котором на основе значительного фактологического материала был сделан вывод, что в годы иллиризма были заложены основы национальной хорватской культуры и ее мировоззренческие аспекты.

П.А. Искендеров (ИСл РАН) в докладе «Россия и сербо-албанские отношения (конец XIX – начало XX в.)» проанализировал роль и влияние российского фактора в развитии взаимоотношений между руководством Сербии и лидерами албанского национального движения. Основное внимание было уделено миротворческим усилиям Петербурга, направленным на мирное урегулирование проблем в целях недопущения возникновения вооруженного конфликта, чреватого общеевропейской войной. Кроме того, в докладе прослеживаются и сопоставляются различные точки зрения по албанскому вопросу и путям его разрешения, существовавшие в МИДе России, а также в российском общественном мнении.

Доклад *В.Б. Каширина* (ИСл РАН) «Проблема начертания “границы Романовского”: из предыстории Первой балканской войны 1912–1913 гг.» посвящен малоизвестной странице истории образования Балканского союза – участию русской военной дипломатии (в лице военного агента в Софии Генштаба полковника Ю.Д. Романовского) в предварительном определении границ сфер влияния Сербии и Болгарии в Македонии. Отсутствие специальных исследований по этой теме до сих пор сохраняло возможность для различных спекуляций о том, что именно русский Генштаб занимался выработкой условий заключения Балканского союза и территориальным размежеванием в Македонии, что привело в итоге к сербско-болгарскому столкновению и Второй балканской войне. Обнаруженная автором доклада в архиве подборка донесений самого Ю.Д. Романовского проливает свет на конкретные детали его участия в сербско-болгарских переговорах. В докладе показывается, что Романовский был приглашен к участию в переговорах в начале 1912 г. по инициативе русского МИДа и военно-политического руководства Болгарии и Сербии. Он занимался лишь частным вопросом определения будущей принадлежности небольшого участка территории в Западной Македонии, в районе г. Струга, и его компромиссный проект размежевания не был реализован из-за крайне неуступчивой позиции властей Сербии. Таким образом, «граница Романовского» в том виде, в каком она упоминается в существующей историографии, – это не более чем миф, основанный на превратном истолковании вторичных источников.

Необходимо отметить, что в конференции приняли участие как маститые ученые, такие, как Г.Л. Арш, Л.В. Горина, Л.П. Лаптева, И.И. Лещиловская, И.В. Чуркина, так и совсем молодые историки, только начинающие свой путь в науке – аспирантки М.Д. Жоголева и Н.Г. Струнина.

Материалы конференции предполагается опубликовать в коллективной монографии «Россия и славяне: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина». В их состав также будет включена обширная статья В.П. Грачева «Бухарестский мир и сербский вопрос», в которой освещается позиция России, дипломаты которой на 19 заседаниях последовательно отстаивали интересы сербского народа, восставшего против Порты ради создания собственного национального государства. Актуальность данной работы обусловлена также тем, что в 2012 г. научная общественность отмечает 200-летие подписания Бухарестского мира между Россией и Османской империей.

Кроме того, было принято решение поместить в данное издание уникальную работу профессора С.А. Никитина «Панславизм в русской общественной мысли в 40–70-е годы XIX в.». Полный список научных трудов С.А. Никитина, публикация его писем из архива В.Г. Карасева явятся органичным дополнением. Помимо этого, в продолжение традиций, заложенных Никитиным, увидят свет некоторые новые документы из АВПРИ с соответствующим комментарием. Книга предназначена для ученых, преподавателей, студентов и аспирантов, для широкой читательской аудитории, интересующейся историей России и судьбой славянских народов.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБРАЗ РОССИИ НА БАЛКАНАХ»

7–9 ноября в Варшавском университете прошла конференция «The Image of Russia in the Balkans» («Образ России на Балканах»), организованная Польской комиссией по балканской культуре и истории – отделением Международной ассоциации исследователей Юго-Западной Европы (МАЮБЕ/AIESEE) и Институтом междисциплинарных исследований «Artes Liberales» при Варшавском университете. В ней приняли участие почти сорок исследователей из крупных европейских научных центров: прежде всего это были польские ученые (из Варшавского и Познаньского университетов, а также члены Польской комиссии по балканской культуре и истории), а из России приехала большая делегация из Института славяноведения РАН. Кроме того, в конференции приняли участие ученые из других научных и учебных организаций, балканских и других европейских стран, а также из Японии. По уже устоявшейся традиции, к началу конференции Институт славяноведения РАН подготовил и издал сборник докладов российских участников в виде отдельной книги (Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи. Доклады российских ученых к научному коллоквиуму Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (Варшава, 7–9 ноября 2011 г.) / Ред. К.В. Никифоров, И.А. Седакова. М., 2011).

Название конференции предполагало прежде всего исторический анализ русско-балканских связей, рассмотрение этнических стереотипов в культуре, литературе, фольклоре и в меньшей степени языке. В своем вступительном слове президент МАЮБЕ *Луан Омари* (Албания) отметил, что не следует сводить особую роль России/СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе только к политическому, экономическому и культурному влиянию на страны социалистического лагеря после Второй мировой войны. Для адекватного описания роли России в истории рассматриваемого региона следует обратиться как минимум к началу XVIII в., когда в России правил Петр I. Это прослеживалось в докладах, представленных на конференции. Древнейшей истории взаимоотношений балканских народов и России был посвящен всего один доклад – *В.Я. Петрухина* (Россия), а *Конрад Кучара* (Польша) рассказал о знаковой для истории болгарско-русских взаимоотношений фигуре болгарина Григория Цамблака, занявшего кафедру митрополита Киевского в 1416 г. Остальные исследователи, принявшие участие в конференции, обратились к темам из нового и новейшего времени. Были рассмотрены истоки формирования образа России на Балканах в Новое время и в период национального возрождения в соответствующих странах. *Рэзван Теодореску* (Румыния) говорил об описании России и русских в румынских народных хрониках начала XIX в., *Владимир Илиеску* (Германия) рассказывал о политических и династических связях Румынии и Российской империи в XIX в., а *Флорин Туркану* (Румыния) – о румынских политических эмигрантах на Западе и образе России в 1990-е годы. Исключительно много докладов было посвящено российско-греческим отношениям. Этот цикл докладов открыл *Ежи Пашкевич* (Польша) рассказом о месте России в греческой политической мысли XVIII–XIX вв. С его докладом перекликались сообщения *Олимпии Драгуни* (Польша) о Москве как Третьем Риме в современной греческой прозе, *Педро Баденаса* (Испания) о российском панславизме и идее «освобождения» Константинополя, *Яцека Рашевского* (Польша) о восприятии России греческим национальным героем Ф. Коллотронисом и *Марии Нистазопулу-Пеликиду* (Греция) о российской армии на греческих островах Эгейского моря во время русско-турецкой войны (1772–1774). Тема спасения Россией греческого мира/греческого государства удивительным образом оказывается востребована в сегодняшней Греции, находящейся в тисках жестокого кризиса – этому свой доклад посвятила *Александра Иоанниду* (Греция). Россия становится для греков не только страной, с которой связываются политические чаяния, но и источником вдохновения – это-

му был посвящен страстный доклад *Пиемыслава Кордоса* (Польша) «Никос Казандзакис в Советской России». Поиск спасения не внутри своего мира, а вне его (как в пространстве, так и во времени) представляется одной из универсальных черт: в докладе *Марии Куглеровой* (Польша) сходные мотивы поиска спасения рассматриваются на материале произведений Луана Старовы (писателя «с двойной – македонско-албанской – идентичностью») и российского автора Павла Крусанова, который работает в жанре альтернативной истории. Оба этих автора, не знакомых с творчеством друг друга, восстанавливают «имперский дискурс», рассматривая «век империи» как безусловное благо для народов, населяющих соответствующие страны (Османская империя и Югославия vs. Российская Империя).

Не менее важное место занимала на конференции тема российско-болгарских отношений. Исследователи обратились к нескольким ключевым моментам и периодам, что позволило взглянуть на некоторые проблемы с двух сторон. Так, *Николай Аретов* (Болгария) говорил о России в болгарской литературе до Освобождения (1878). *И.И. Калиганов* (Россия) обратился к широко известной теме освобождения Болгарии и реакции на это болгарской прессы, но к рассмотрению были привлечены малоизвестные тексты и публикации конца XIX в., которые объединяет, по определению докладчика, «привкус горечи» от победы (связанный с решениями Берлинского конгресса 1878 г., с нерешенными вопросами демаркации границ, с переселениями громадных этнических масс и со многими другими проблемами, с которыми пришлось столкнуться молодому болгарскому государству). *Рэзван Николае Миту* (Румыния) рассказал о том важном месте, которое СССР занимал в болгарской внешней политике во время Второй мировой войны.

Выступление *Искры Баевой* (Болгария) открыло целую серию докладов по тематике «Образ России в Болгарии в XX веке». Так, *Е.С. Узенева* (Россия) рассматривала этот образ в аспекте мифологизации/деифологизации, опираясь на данные интервью по методу свободных ассоциаций более чем с 200 носителями болгарского языка в 1998–2011 гг. *И.А. Седакова* (Россия) в продолжение своих исследований по идеологическим языковым союзам обратилась к образу русского языка в Болгарии – исключительно интересной теме, которая постоянно всплывает в болгарско-русской коммуникации на самых разных уровнях.

Значительным было количество докладов, посвященных российско-сербским, российско-хорватским и российско-черногорским отношениям. Тема восприятия России деятелями соответствующего национального возрождения и русско-турецких войн была представлена и здесь: так, *Мачей Фальский* (Польша) говорил об образе России в трудах Вука Караджича и Гарашанина, *Желько Холевац* (Хорватия) – об образе России в Хорватии, который формировала Партия Права в 1880-х годах, *Богдан Трифунович* (Сербия) – о сербском восприятии образа России в 1875–1885 гг. *Бошко Бойович* (Франция) описал политическое взаимодействие российских дипломатов и сербского правительства в XIX в. в аспекте Восточного вопроса. *Войцех Сайковский* (Польша) рассказал о реакции французских просветителей на намерения России установить протекторат над Черногорией в конце XVIII в., а *Радислав Распорович* (Черногория) – о действиях российской дипломатии во время и после майского восстания 1903 г. в Черногории. Одно из заседаний было полностью посвящено истории советско-югославских отношений. *Таня Циммерман* (Германия) предложила выделить типологически сходные процессы «балканизации» Югославии и «азиатизации» Советского Союза после исключения Югославии из Коминтерна. *Воислав Павлович* (Сербия) и *А. Едемский* (Россия) в своих докладах рассмотрели восприятие идеологического конфликта между Югославией и СССР разными представителями югославской философско-политической мысли – Й.Б. Тито, С. Йовановичем, левым интеллигентом Д. Ивановичем, коммунистом М. Джиласом, М. Гролем. В двух докладах молодых польских исследователей (*Миреллы Коженевской-Вишневецкой* и *Богдана Завадевича*) речь шла об истории Сербии уже в XXI в.: М. Коженевская-Вишневецкая говорила о связях сербской и русской православных Церквей в 2000-е годы, а Б. Завадевич предложил опыт описания системы сербских политических партий, в котором учитываются не только их идеология, но и отношение к России.

К.В. Никифоров (Россия) рассказал об отношении к русским на бытовом уровне в Сербии в XX в. Судьба русских эмигрантов в межвоенный период и «русских жен» в социалистической Югославии вызвала живейший интерес многих участников конференции, поскольку эти две темы были в разной мере актуальны не только для Сербии/Югославии, но и для Болгарии и Албании. Это подводит нас к «албанскому» блоку из трех докладов. О судьбах «русских жен», которые стали жертвой разрыва отношений между Албанией и СССР в 1967 г., упомянул в своем докладе и *А.А. Новик* (Россия). Впрочем, он рассмотрел целый спектр тем, в том числе и региональные/конфессиональные особенности образа России в Албании (католический север vs. православный юг vs. албанцы-мусульмане). Но если *А.А. Новик* обратился к синхронии (с выходом в диахронию для объяснения происхождения некоторых особенностей албанского образа России), то сообщение *П. Джуфи* (Албания) представляло собой скорее исторический очерк динамики этого образа в течение более чем двух веков – с Петра I до революции в России в октябре 1917 г. В «албанский» блок входило также сообщение *М.М. Макарецва* (Россия) о том месте, которое занимает Россия у славян Бобоштицы (Юго-Восточная Албания, округ Корчи): общеалбанский образ России оказывается актуальным и для славяноязычных бобоштенцев (что связано с их полной интеграцией в албанское общество), однако их осознание себя славянами по языку и происхождению может выражаться в своего рода «панславянской идее». Мир славян Бобоштицы оказывается во многом архаичным, сохраняющим для нас идеи и ценности, дискуссия о которых ведется, начиная со времени национального возрождения у южных славян (язык/религия/политический статус как основание идентичности). К архаике был обращен и единственный доклад конференции, посвященный фольклору. Его представила *О.В. Белова* (Россия), она проанализировала место России в балканославянских народных легендах (легенды о происхождении народов и их судьбах; легенды о людях из дальних земель; народная эсхатология; отражение в фольклоре образов политических деятелей).

Два доклада, представленных на конференции, обратились к тому, как образ России на Балканах преломлялся в восприятии со стороны: *Рико Сиба* (Япония) показал, как описывали влияние России на положение дел на Балканах японские газеты эпохи Мейдзи, а *Павел Михалак* (Польша) раскрыл похожую тему на примере статей и сообщений о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в польской газете «Дзенник Познаньски».

Материалы конференции предполагается опубликовать в новом периодическом издании Института междисциплинарных исследований «*Artes Liberales*» при Варшавском университете «*Colloquia Balkanica*».

© 2012 г. *М.М. Макарецва*

Славяноведение, № 5

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «КАРПАТО-БАЛКАНСКИЕ АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ»

20 марта 2012 г. в Институте славяноведения РАН прошел «круглый стол» «Карпато-балканские ареальные исследования: лексика и фразеология», организованный отделом этнолингвистики и фольклора в рамках программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» по проекту «Карпато-балканские территориальные диалекты: реконструкция традиционной культуры по данным языка». Тема «круглого стола» предполагала анализ терминологии народной духовной культуры в ареальном аспекте.

Открыл конференцию доклад *А.А. Плотниковой* (ИСЛ РАН) «Карпато-балканские территориальные диалекты: этапы этнолингвистических исследований». Докладчица отметила, что начиная с 2006 г. выполнено два проекта: «Карпато-балканский диалект-

ный ландшафт: язык и культура во взаимодействии» (2006–2009) и «Карпато-балканская культурно-языковая общность в балканской перспективе» (2009–2011). К 2006 г. был накоплен большой материал по этнолингвистическому исследованию Балкан (по единому вопроснику обследовано 32 села в Сербии, Болгарии, Македонии), поэтому было принято решение расширить полевое изучение на север, на первом этапе (2006–2008 гг.) – в южной Румынии и в украинском Закарпатье (населенные пункты в бойковских, гуцульских, верховинских говорах западной Украины), на втором этапе (2007–2008 гг.) – в словацких (Западных) Карпатах. На следующем этапе (2009–2011 гг.), наряду с продолжением работы в Румынии, Словакии и на Украине, впервые по этнолингвистической программе была обследована неславянская часть Западных Карпат (венгерские села, в том числе в Словакии с автохтонным населением). В настоящее время начинается третий трехгодичный проект, в течение которого продолжатся начатые исследования, а также планируются экспедиции в южную Польшу. Таким образом, к этапам этнолингвистических исследований можно приложить ареальные критерии – тенденции расширения полевого изучения традиций: 1) румынской + закарпатской; 2) словацкой; 3) венгерской; 4) польской. В докладе были отмечены различающиеся комплексы задач исследования – от поиска соответствий, схождений, аналогий в карпатских и балканских традициях к лексике и фразеологии этих соответствий, реконструкции древней культуры по данным лексики, изучению культурных ареалов на территории Карпат и Балкан в генетическом и типологическом аспектах. Реконструкция возможна как минимум в двух направлениях: 1) архаизмы (в терминологической лексике и соответствующих контекстах) и их географическое распространение; 2) механизмы народной культуры, характерные как для карпатского, так и для балканского ареалов.

А.В. Гура (ИСл РАН) в докладе «Карпато-балканские лексические параллели в свадебной обрядности» проанализировал несколько примеров карпато-балканских лексических соответствий: 1) название посаженных родителей *кум* и *кума* и их производные (эти персонажи известны всем южным славянам, кроме словенцев и западных украинцев (гуцулов); они нередко составляют брачную пару друг с другом, являются крестными жениха и невесты, при этом крестное и свадебное кумовство передается по наследству из поколения в поколение); 2) группу однокоренных названий обручения (наименования с корнем *god-* у болгар и карпатских украинцев, связанные с семантикой достижения договора, обоюдного согласия сторон); 3) терминологию свадебного обрядового предмета «(в)итка» (букетик, пучок живых или искусственных цветов, реже веточка, один цветок, цветок или бант из лент, из бумаги, птичье перо и т.п.). Докладчик рассмотрел этимологию и указал ареал обрядовых терминов, а также отметил, что карпато-балканские параллели в свадебной обрядности не исчерпываются лексикой: имеются также соответствия в ритуальных предметах, действиях, персонажах. Некоторые подобные схождения докладчик упомянул в связи с проанализированной свадебной лексикой, в частности свадебное знамя как один из главных ритуальных предметов на свадьбе, имеющий различные обрядовые и магические функции и распространенный у южных славян, словаков и западных украинцев.

Е.С. Узенёва (ИСл РАН) в докладе «Ареальная характеристика термина традиционной культуры: *нанаи/нанашка*» рассмотрела обрядовый термин *нанаи/нанашка*, распространенный в карпатском регионе, сквозь призму лингвистического картографирования лексики традиционной духовной культуры. Этот термин имеет два основных значения: 1) ‘посажённый отец / посажёная мать’; 2) ‘крестный отец / крестная мать’. Е.С. Узенёва отметила, что при этнолингвистическом картографировании географическая фиксация экстралингвистических условий бытования термина часто позволяет точнее определить ареалы культурных явлений, знаком которых данный термин является, и требует глубокого знания всей совокупности экстралингвистических факторов (этнографических, фольклорных, культурологических и др.). Докладчицу интересовало распространение и выявление путей проникновения в обрядовую лексику карпатского региона заимствованных терминов *нанаи/нанашка*. Ареал термина (Румыния, Республика Молдова, Украина, в частности Гуцульщина и Закарпатье) могут уточнить данные очередного тома «Общеславянского лингвистического атласа», посвященного терминологии родства, но на осно-

ве этнолингвистического анализа уже сейчас наиболее вероятной представляется версия заимствования термина из румынского.

М.М. Валенцова (ИСЛ РАН) в докладе «Карпато-балканские схождения в области мифологической лексики» остановилась на двух персонажах карпатской демонологической системы, имеющих терминологические и семантические связи в южнославянской традиции, – «стриге» и «вештице». На основе выявляемых при таких сравнениях частных деталей можно делать выводы более общего характера о контактах, взаимосвязях, времени и направлении миграции и т.п. Докладчица рассмотрела этимологию, семантику и фразеологию лексем, их ареал. Значение ‘ведьма’ лексемы *striga* известно всем славянским традициям без исключения (так же, как и переносное ‘злая женщина’); значение ‘ночная бабочка’ – польской, словацкой, словенской, хорватской и румынской традициям; значение ‘вампир, вурдалак’ – польской, моравской, румынской и условно – словацкой и словенской (наиболее богатая семантика *StRIG- отмечается в карпатской зоне). М.М. Валенцова предположила, что термин пришел к славянам – и южным, и карпатским (через романские языки) – вместе с образом, отдельные части которого были приспособлены к собственным мифологическим представлениям, а часть сохранена и развита. Что касается «вештицы», то, учитывая отрицательные коннотации лексем с корнем *vešt-* в северных и западных Карпатах и амбивалентность образа (*veštiца* ‘вещий, знающий’ и ‘ведьма, колдун’) по направлению на восток, докладчица предположила, что Словакия явилась тем перекрестком, где изменилась семантика данного слова. В южнославянских языках также произошла демонологизация и превращение «вештицы» исключительно в ведьму, причем страшную, вампирическую.

В докладе К.А. Климовой (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Новогреческая мифологическая лексика в зеркале фразеологии» на примере лексем βρικόλακας ‘вампир’, στοιχειό ‘привидение’, Μοίρες ‘Мойры, богини судьбы, судьба как фатум, доля’, τύχη ‘судьба, удача’ (<Τύχη ‘богиня судьбы’), судьба как фортуна’, γοργόνες ‘горгоны, русалки’, νεράιδα ‘русалка’ было показано, как мифологическая лексика используется в современной греческой идиоматике и фразеологии. В греческой мифологической лексике, представленной во фразеологии, актуализируются не все семантические признаки лексем, а только релевантные для описания того или иного мифологического персонажа. Для вампира это красивые глаза, время появления (ночь); для привидения – особенности внешнего облика, бесцельное блуждание, представление о строительной жертве; для русалок – красота, в частности для nereid – свойство красиво танцевать, их магические функции. Так, молодежь, бодрствующая ночью, постоянно сравнивается с вампирами, красивые хорошо поющие женщины – с nereidами, слова, обозначающие бесцельное блуждание (часто хождение по кругу), являются дериватами лексемы στοιχειό. Особенно богата в греческом языке фразеология, в которой актуализируются мифологические представления, связанные с судьбой: τρεις Μοίρες με μοίρανανε ‘три Мойры мне определили судьбу’ (= так мне на роду написано), αφήνω κт. στην τύχη ‘оставляю на судьбу’, το ρίχνω στην τύχη ‘бросаю на судьбу’, κλώτσησε τη τύχη ‘пнуть судьбу’ (= упустить), η τύχη την ακάλυψε ‘судьба его обняла’ (= ему повезло), μίλησε με την τύχη του ‘он поговорил со своей судьбой’ (= ему сопутствует удача) и др.

Завершил круглый стол доклад аспиранта Института славяноведения П.А. Бушуева «Терминологическая лексика народного календаря лемков». Докладчик отметил особенности лемковских зимних ритуальных периодов и обычаев, связанных с ними (день св. Андрея как начало зимнего праздничного цикла, обряд *ползник*, различные типы колядования), указал особенности образования и функционирования календарных терминов (использование дополнительных лексических маркеров: *Велья* ‘Рождественский сочельник’ – *Друуга Велья* ‘Крещенский сочельник’, полисемантизм в рамках одной традиции: *ползнык* ‘персонаж, первым входящий в дом в Рождественский сочельник’ и ‘обрядовый хлеб’, *коляда* ‘период колядования от Рождества до Крещения’ и ‘обрядовая песня’ и др.). Особый интерес аудитории вызвало сообщение о пастушеских ритуалах у лемков, приуроченных к Петрову дню.

Каждый доклад сопровождался оживленной дискуссией, свидетельствующей об интересе к теме карпато-балканской общности и традиционной духовной культуре.

© 2012 г. О.В. Трефилова

К ЮБИЛЕЮ ЛЮДМИЛЫ НОРАЙРОВНЫ БУДАГОВОЙ

3 сентября 2012 г. – юбилей видного слависта, д-ра филол. наук, руководителя Центра по изучению истории славянских литератур Института славяноведения РАН Людмилы Норайровны Будаговой, автора около трехсот научных трудов по истории чешской и словацкой литератур, теории литератур западных и южных славян, литературным связям, проблемам взаимодействия различных видов искусств, поэтике художественных направлений. Людмила Норайровна принадлежит к той когорте истинных ученых, энтузиастов своего дела, для которых служение раз и навсегда избранной профессии стало настоящим призванием, неотъемлемой частью всей жизни.

Путь по научной стезе для нее, можно сказать, был предопределен, «линия жизни» в славистическую науку предельно ясна: учеба на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем в аспирантуре Института славяноведения АН СССР, защита кандидатской и докторской диссертаций.

В центре научных интересов Людмилы Норайровны с самого начала ее научной деятельности была чешская и словацкая поэзия XX в., и на протяжении многих лет она была верна ей. Творчеству Й. Махара, А. Совы, И. Волькера, В. Завады, Я. Сейферта, Я. Есенского, М. Флориана и многих других ярких и неоднозначных художников она посвятила большое количество работ, в которых всегда удачно сочетаются глубокий социально-исторический анализ с проникновением в сложную художественную структуру поэтического текста.

Проходит всего несколько лет после начала научной работы Л.Н. Будаговой в Институте славяноведения, куда она была принята после окончания аспирантуры, как в издательстве «Наука» выходит ее книга, посвященная одному из самых крупных и сложных чешских поэтов XX в. Витезславу Незвалу («Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества». М., 1967). Работа над книгой позволила молодому автору сказать новое слово в оценке творчества ярчайшего представителя чешского искусства, подвигла на серьезные исследования чешского сюрреализма и – шире – чешского авангарда.

Наряду с исследованиями творчества отдельных писателей и различных направлений в научном багаже Людмилы Норайровны большое количество работ обобщающего характера, в которых на основе сравнительного анализа системно рассматриваются общие тенденции в развитии славянских литератур.

Значительное число работ Л.Н. Будаговой посвящено таким узловым вопросам историко-литературного и методологического характера, как соотношение художественных течений, развитие реализма в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы (генезис, особенности эволюции, идейно-эстетическая специфика), роль антифашистской литературы в современном процессе, проблемы художественного перевода, психологии творчества и т.д. Эти и другие вопросы получили концептуальное освещение в ее статьях в коллективных трудах, созданных в Институте славяноведения (в большинстве из них Л.Н. Будагова является членом редколлегии или ответственным редактором): «Очерки истории чешской литературы» и «История словацкой литературы», «Сравнительное изучение славянских литератур», «Литература славянских и балканских народов конца XIX – начала XX в. Реализм и другие течения», «Литературные связи и литературный процесс», «Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой

трети XX века. Художественные поиски. Особенности развития», «Общение литератур. Чешско-русские и словацко-русские литературные связи», «Функции литературных связей» и др.

В своих исследованиях Л.Н. Будагова широко привлекает общеславянский, русский и западноевропейский историко-литературный контекст, используя новые методологические подходы, но и не отменяя традиционные, в изучении литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Она обращается к новейшим достижениям литературоведческой науки, к собственным разработкам общетеоретических проблем, особенно касающихся эстетической функции литературы и некоторых видов искусств (например живописи, кинематографии), роли литературных связей в обогащении литератур, критериев и границ художественных направлений и стилей, динамики жанров: «Освоение инонационального опыта как фактор творческого развития» // «Сравнительное изучение славянских литератур». М., 1973; «К проблеме эволюции литературных связей» // «Советское славяноведение». № 6. 1985; «Критерии реализма и опыт развития зарубежных славянских литератур» // «Славянские литературы. X Международный съезд славистов». София. М., 1988; «Некоторые современные аспекты изучения славянских литератур (О динамике межлитературных общностей)» // «Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур». М., 1994 и др. Ее труды в совокупности дают широкую картину литературного процесса в регионе в XX и начале XXI в.

Откликаясь на события современной литературной жизни в славянских странах, обращаясь к актуальной проблематике, Людмила Норайровна стремится понять и оценить не только объективную значимость литературных явлений, но и побудительные мотивы тех или иных тенденций в деятельности того или иного писателя, демонстрируя при этом хорошее чувство художественной формы, оригинальность и эмоциональность изложения. Неоценимая роль принадлежит Людмиле Норайровне в создании «Истории литератур западных и южных славян» (т. 1. М., 1997; т. 2. М., 1997; т. 3. М., 2001), единственного издания такого рода в мировой славистике. В этом фундаментальном труде впервые представлен многовековой процесс становления и развития славянских литератур с IX до середины XX в. Л.Н. Будагова – инициатор, организатор и руководитель авторского коллектива трехтомника, один из его ведущих редакторов и авторов. Ею написаны вводные и обобщающие разделы, в которых представлена современная концепция развития литератур славянского региона. «История литератур» заслужила самые высокие оценки российских и зарубежных ученых и специалистов, которые определили ее как «уникальное», «имеющее мировое значение» исследование, как «подлинный вклад в мировую культуру, сделанный на все времена».

В возглавляемом ею (с 1988 г.) и успешно работающем коллективе литературоведов подготовлен и издан целый ряд других коллективных трудов, получивших живой отклик не только в научной среде, но и среди широкой читательской аудитории: «Литературный авангард. Особенности развития», «Поэзия западных и южных славян и их соседей», «Пушкин и мир славянской культуры», «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян», «Фантастика и сатира в литературах славянских народов», «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе», «Россия в глазах славянского мира», «Славянский мир в глазах России», подготовлена к печати книга «Н.В. Гоголь и славянские литературы». Созданию многих трудов литературоведов предшествуют организуемые в Институте славяноведения по инициативе Л.Н. Будаговой научные конференции, а в рамках Дней славянской письменности проводятся ежегодные «круглые столы» с участием российских ученых и коллег-славистов из других стран.

Людмила Норайровна – активный популяризатор чешской литературы в нашей стране. Ей принадлежит немало предисловий, переводов, комментариев в изданиях на русском языке произведений чешских писателей и поэтов – К.Г. Махи, И. Волькера, Св. Чеха, Я. Есенского, М. Флориана, И. Тауфера, В. Незвала, Я. Йона и др. Она является постоянным участником ежегодного культурно-просветительского семинара в Шрамковой Сobotке в Чехии. Большое внимание уделяет Людмила Норайровна своим аспирантам,

проявляя поистине редкостную заботу о них, а также студентам МГУ, где она читает курсы лекций по чешской литературе, славянскому модерну. Работы Людмилы Норайровны, написанные, как правило, с блеском, живым языком, ее яркие и оригинальные выступления с докладами на различных российских и международных научных форумах, в том числе съездах славистов и богемистов, неизменно вызывают искренний интерес в научной среде. Многие ее публикации переведены на чешский, словацкий, польский, сербохорватский, немецкий и другие языки. Заслуги Людмилы Норайровны были неоднократно отмечены: медалью Карлова университета в Праге, премиями чешского литфонда и Словацкой Академии наук, избранием в иностранные члены Матицы Сербской, благодарностью Президента Российской академии наук, медалью Славянского Фонда России «За вклад в сохранение и развитие Кирилло-Мефодиевского наследия».

Талантливый исследователь, прекрасный организатор, человек активной жизненной позиции и большой души, Людмила Норайровна снискала высокий авторитет среди коллег. Не жалея сил и времени, вкладывая душу в любимое дело, она никогда не остается в стороне от жизни родного Института и коллектива литературоведов, которым руководит. Людмила Норайровна с честью несет высокое звание ученого. С самого детства она видела пример преданного служения науке, воспитываясь в атмосфере любви к труду, знаниям, творчеству. Ее отец – академик Норайр Мартиросович Сисакян – был крупным ученым в области космической биологии, ему Людмила Норайровна и посвятила свою книгу о В. Незвале. Оба брата Людмилы Норайровны были известными физиками, работавшими в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Юбилей Людмилы Норайровны Будаговой – безусловно знаменательное событие для коллектива Института славяноведения, славистического сообщества и всех, кто ценит ее достойный вклад в развитие отечественной науки. От всей души поздравляем Людмилу Норайровну с юбилеем и желаем ей здоровья на долгие годы, новых научных достижений.

Коллеги и друзья

ПАМЯТИ ЮРИЯ СТЕПАНОВИЧА НОВОПАШИНА (1934–2012)

21 марта 2012 г. в результате трагической случайности ушел из жизни Юрий Степанович Новопашин, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

Уроженец Свердловской области, Ю.С. Новопашин пришел на философский факультет МГУ в 1959 г., имея за плечами немалый жизненный опыт – служба в армии в группе Советских войск в Германии, работа на заводе. По окончании философского факультета в 1964 г., а затем и аспирантуры Ю.С. Новопашин в течение нескольких лет работал в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», длительное время был сотрудником Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, где защитил докторскую диссертацию, возглавлял в 1980-е годы отдел. Под его редакцией был подготовлен ряд трудов по проблемам международных отношений.

В 1988 г. судьба связала Ю.С. Новопашина с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (ныне Институт славяноведения РАН), где он проработал почти четверть века, в 1988–1998 гг. был заместителем директора, более двух десятилетий возглавлял отдел современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Ю.С. Новопашин немало сделал для становления в Институте нового исследовательского направления – изучения политических процессов в бывших социалистических странах в 1950–1980-е годы, кризисных явлений в их развитии, внутренних и внешних предпосылок восточноевропейских революций 1989 г. и крушения мировой системы социализма. С середины 1990-х годов руководимый им отдел все более сосредотачивается на исследовании закономерностей политической эволюции стран региона в посткоммунистический период. Под редакцией Ю.С. Новопашина или при его активном участии были подготовлены и опубликованы коллективные труды «Восточная Европа на историческом переломе (очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.)» (М., 1991); «Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития» (М., 1992); «Восточноевропейский социализм. Становление режима, попытки его модификации, причины краха» (М., 1992); «Политические кризисы и конфликты 1950–1960-х годов в Восточной Европе» (М., 1993), «Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям» (М., 1994); «Бывшие “хозяева” Восточной Европы. Политические портреты» (М., 1995); «Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии» (М., 1995); «Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран» (М., 1997); «Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. Конец 80-х – середина 90-х годов» (М., 2000); «Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие» (М., 2001) и другие, справочное издание «Центральноевропейские страны на рубеже XIX–XX вв. Аспекты общественно-политического развития» (М., 2003). Из коллективных трудов последних лет с его участием можно выделить «Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века» (М., 2006); «История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа» (М., 2007); «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия)» (М., 2008); «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (М., 2011).

С 1996 г. на протяжении более пяти лет Ю.С. Новопашин был главным редактором журнала «Славяноведение». Ученый-политолог, он тактично руководил историко-филологическим журналом, сохранившим свои сложившиеся академические традиции. Работы Ю.С. Новопашина публиковались также в журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Вопросы философии», «Свободная мысль», «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», «Общественные науки», «Россия и современный мир» и др. В статьях Ю.С. Новопашин предпочитал обращаться к острым дискуссионным проблемам. Так, в конце 1980-х годов в коллективном труде «Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1989) он среди первых поставил вопрос о том, как проявились в политике Сталина кануна Второй мировой войны определенным образом интерпретированные национально-государственные интересы СССР. Ю.С. Новопашин пытался осмыслить причины советского военного вмешательства в Чехословакии в 1968 г. и определить соотношение в сознании советских лидеров вульгарно-марксистских идеологических схем и геополитических, геостратегических расчетов. Острые, политически актуальные проблемы поднимались в его статьях «От тоталитаризма к демократии: неоднозначность итогов» («Славяноведение». 1994. № 6), «Об антисоветизме и русофобии в послевоенной Восточной Европе» («Славяноведение». 1998. № 1), «Пребывание советских войск в Восточной Европе как предпосылка революционных событий 1989–1990 гг.» («Славяноведение». 1998. № 4) и др. С конца 1990-х годов Ю.С. Новопашин много занимался проблемой формирования или, точнее сказать, восстановления после 1989 г. региональной (центральноевропейской) идентичности народов, которые вследствие определенного расклада сил на международной арене оказались после 1945 г. отнесенными к советской сфере влияния. При обращении к отечественной истории 1920-х годов, которую Ю.С. Новопашин знал довольно профессионально, его особенно интересовали проблемы идеологической эволюции большевистского режима в СССР. В этом смысле показательна его статья «XIV съезд РКП(б): современный взгляд» («Вопросы истории». 2003. № 7).

Научную деятельность Ю.С. Новопашин на протяжении многих лет сочетал с преподавательской, будучи профессором Дипломатической академии МИД РФ.

Ю.С. Новопашин оставил добрую память о себе в Институте славяноведения РАН как душевный, мягкий в общении и в то же время принципиальный в своих убеждениях человек, мудрый руководитель, умеющий гасить в коллективе любые конфликты. Он был квалифицированным научным редактором и серьезным ученым-политологом, оставившим свой след в науке. Память о нем надолго останется в сердцах людей его знавших.

Коллеги и друзья

Славяноведение, № 5

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА БУХАРИНА (1945–2012)

Николай Иванович Бухарин родился 12 декабря 1945 г. Поработав на заводе «Электронинструмент», он в 1965 г. поступил на исторический факультет МГУ. Под руководством проф. И.М. Белявской Н.И. Бухарин выбрал темой дипломной работы сотрудничество первых российских и польских социалистов и продолжил работу над ней уже в Варшавском университете у известнейшего польского специалиста проф. Ж. Кормановой. Итогом защиты проведенного анализа истории движения и развития общественной мысли стала первая монография «У истоков польского социалистического движения» (1976).

В аспирантуре Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (1970–1973) под руководством известного исследователя Я.Б. Шмерля он защитил кандидатскую диссертацию, которая вышла из печати в виде монографии «Интеллигенция Польской Народной Республики» (1977).

В 1970-е годы, весьма успешные для расширения проблематики ИЭМСС АН СССР (ИМЭПИ РАН), концентрации в нем квалифицированных и смелых в научном отношении кадров, по воспоминаниям руководителя нового отдела политических и идеологических проблем проф. А.П. Бутенко, вокруг ареопага руководящих кадров «группировалась главная думающая сила научного коллектива», его «золотые кадры», к которым он отнес в числе первых и председателя совета молодых ученых Н.И. Бухарина. А проф. Д. Фурман с особой симпатией упомянул его в числе тех, благодаря кому в институте работалось и дышалось легче, чем «во многих других научных учреждениях». Вскоре его зачислили в сектор ПНР, которым он определенное время и заведовал, существенно расширив общественно-политическую тематику.

В нескольких коллективных трудах Института Н.И. Бухарин, как аналитик и эксперт, сосредоточился на показе реального наполнения культурного и научного вектора сотрудничества. Вскоре молодой ученый получил предложение участвовать в совместном проекте в рамках двустороннего научного сотрудничества и издал в Варшаве вместе с польской исследовательницей О. Вышомирской монографию о российско-польском научном сотрудничестве (1978), а также другие труды («30 лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР». М., 1975; «ZSRR–Polska: przyjaźń, współpraca, rotos wzajemna». Warszawa, 1976; «Советско-польские отношения 1944–1975». М.; Варшава, 1978 и др.).

Назревшие в начале 1980-х годов перемены требовали освобождения от штампов и мифологем, поиска научных основ дальнейшего развития с опорой на конструктивные традиции. В 1986 г. вышла его книга (в соавторстве с И.С. Яжборовской) «Польское рабочее движение в борьбе за социализм». В новой геополитической ситуации Н.И. Бухарин одним из первых соединил в большом, новаторском четырехтомном коллективном труде Института «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века» качества страновика и проблемника. За этим последовала серия коллективных трудов, в которых он брал на себя обязанности не только одного из основных авторов, но и организатора.

Руководя исследованиями по теме «Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», он издал, с использованием текстов коллег, как основной автор, монографию «Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 2005), а затем приступил к разработке темы «Типы политических трансформаций (Россия, страны Центрально-Восточной Европы и СНГ)». Н.И. Бухарин написал десятки глав и разделов в коллективные монографии и ежегодники («Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков», «Россия и Центрально-Восточная Европа в конце XX – начале XXI в.», «Страны Центральной и Восточной Европы в 2003 году: результаты социально-экономического и политического развития», «Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки к вступлению в Европейский Союз», «Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2004–2005 гг.», «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы: системные трансформации, социально-экономическое и политическое развитие в 2006 г.», а также в «Ежегодник рабочего движения» (Будапешт) и др.) и серии статей в журналы и другие издания.

Н.И. Бухарин участвовал в подготовке многих материалов для серии статей по теме «Трансформации на постсоциалистическом пространстве» в журнале «Новая и новейшая история». Как регионал-проблемник, он раскрыл процессы становления гражданского общества, как полонист – вместе с коллегами-страновиками И.С. Сеницыной и Н.А. Чудаковой – проанализировал движение по пути реформ Польши, как международник – представил российско-польские отношения в 90-е годы XX – начале XXI в. В основу этой

темы были положены результаты авторской монографии «Российско-польские отношения: 90-е годы XX в. – начало XXI в.» (М., 2007).

Под эгидой МИДа российско-польская группа по сложным вопросам подготовила совместный труд «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (М., 2010). Н.И. Бухарин, который ранее читал лекции в МГИМО, органично вошел в этот коллектив как автор раздела по проблемам двусторонних отношений периода «оттепели» и Польского Октября 1956 г. Из относимых к разряду «белых пятен» в этом издании польская печать особо отметила его базирующийся на обширных социологических материалах раздел о динамике роста взаимопонимания общественности России и Польши, который был дополнительно напечатан авторитетным журналом «Polityka».

Будучи верен исследованиям проблематики польской истории, Н.И. Бухарин принял приглашение к участию в коллективном труде Института славяноведения РАН «Польша в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2012). Он взял на себя исполнение наиболее неразработанных и сложных разделов «Окончательный отход от Октября 1956 г. “Сермяжный социализм” Гомулки» и «1970-е годы – десятилетие надежд, иллюзий и разочарования». Институт Европы РАН пригласил его принять участие в юбилейном коллективном труде «Вишеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии» (М., 2010).

Ведущий научный сотрудник и член Ученого совета ОМЭПИ ИЭ РАН, член редколлегии журналов «Мир перемен» и «Международный диалог», член комиссии историков России и Польши, Н.И. Бухарин последовательно расширял научную специализацию, комплексно охватывая различные сферы гуманитарных наук, выходя за рамки исторического знания в трансформирующиеся области общественной жизни региона – экономику, политологию, социологию, культурологию, право. Его творческое наследие насчитывает более 250 научных трудов.

Скоропостижная смерть прервала творческий взлет многогранного, глубокого и разностороннего исследователя в момент подготовки защиты докторской диссертации, подводящей итоги российско-польских отношений эпохи двадцатилетия трансформационных преобразований и намечающей оптимальные пути их дальнейшего развития.

© 2012 г. *И.С. Яжборовская*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Sherlaimova S.A.</i> (Moscow). Václav Havel: playwright – dissident – president – playwright	3
<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> (Moscow). Václav Havel: a portrait against the background of a historical epoch	13

* * *

<i>Iskenderov P.A.</i> (Moscow). To the question of «Great Albania»	30
<i>Makarova I.F.</i> (Moscow). The «Russian track» in the Bulgarian Četnik movement of 1867	41
<i>Kossik V.I.</i> (Moscow). Crna Gora (1918–1941)	51
<i>Shkarovsky M.V.</i> (St. Petersburg). Church life in Macedonia in 1941–1944 and the foundation of the Macedonian Orthodox Church	61
<i>Valeva E.L.</i> (Moscow). Dissent and opposition in Bulgaria in the 1980s	79

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> Václav Havel – Vilém Prečan. Korespondence (1983–1989)	97
<i>Vishnyakov Ya.V.</i> Югославия в XX веке. Очерки политической истории	102
<i>Burkut I.G., Fissanov V.P.</i> С.А. Романенко. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год)	105
<i>Serapionova E.P.</i> L. Harbul'ová. Sibírsky autonomizmus. Zdroje, prejavy, reflexie (1917–1939)	109

SCHOLARLY LIFE

<i>Frolova M.M.</i> Conference «Russia and the Slavs: to the 110th anniversary of Serguei Nikitin»	112
<i>Makartsev M.M.</i> Conference «The image of Russia in the Balkans»	116
<i>Trefilova O.V.</i> Round-table «Carpathian-Balkan areal studies: vocabulary and phraseology»	118

JUBILEES

To the jubilee of Ludmila Norairovna Budagova	121
---	-----

OBITUARIES

In memoriam of Yuri Stepanovich Novopashin (1934–2012)	124
In memoriam of Nikolai Ivanovich Bukharin (1945–2012)	125

Сдано в набор 30.05.2012 Подписано в печать 27.07.2012 Формат 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,1 тыс. Уч.-изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 292 экз. Зак. 443

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2012, № 5